

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Учредители:

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ КБР
ПО ПЕЧАТИ
И МАССОВЫМ
КОММУНИКАЦИЯМ
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР»

Главный редактор – ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Бепшаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Владимир Мамишев (ст. ред.)
Светлана Моттаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Зейтун Толгуров
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакушев
Мухамед Хафиц

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Нина Емузова
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Руслан Фиров
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

4. 2015 ИЮЛЬ – АВГУСТ

1 СЕНТЯБРЯ

День
КБР

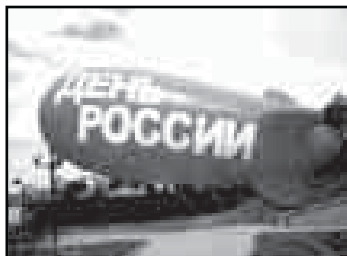
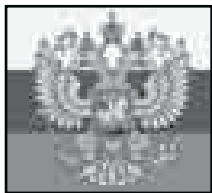
День
знаний

День
города
Нальчика

ДЕНЬ РОССИИ

День независимости России – один из основных государственных праздников РФ, ежегодно отмечаемый всей страной 12 июня. Это праздник свободы, гражданского мира и согласия всех людей на основе закона и справедливости, символ национального единения и общей ответственности за настоящее и будущее нашей родины.

И в этом году во всех городах и районах нашей республики традиционно прошел общенациональный праздник, собирая многочисленные встречи в школах, дворцах культуры, на главных площадях.

В городе Нальчике праздник развернулся на площади перед Государственным концертным залом, где прошел Республиканский фестиваль «Моя Республика – моя Россия!». Вся площадь была заполнена людьми, от детей до стариков, развевались знамена России, КБР и символы парламентских партий. Были представлены экспозиции Национального музея КБР, детских художественных школ. Душевно и проникновенно играл духовой оркестр, на сцене выступали лучшие танцевальные коллективы. В такой торжественной обстановке школьникам предстояло получить

главный в их жизни документ – российский паспорт. Все ожидали появления Главы Республики – Юрия Александровича Кокова, и с его появлением шумная площадь замолчала, слушая его праздничное выступление.

– Сегодня республика вместе со всей страной, – сказал Юрий Александрович, – отмечает главный государственный праздник – День России. Ровно 25 лет прошло с того дня, когда была принята Декларация о государственном суверенитете Российской Федерации. За эти годы страна преодолела трудный путь реформ и обновления. Была полностью изменена политическая система общества, произошло разделение властей, становление федерализма, образовались многопартийность и независимые средства информации. Россия перешла к рыночной экономике, стала частью мирового сообщества. Главный смысл и цель нового Российского государства – без-

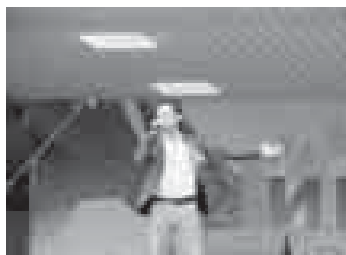

опасность и благополучие граждан.

Сегодняшний праздник знаменует не только кардинальные политические и экономические преобразования, не только события новейшей истории России, но и многовековой путь нашего Отечества. Предшествующие поколения, – отметил Глава КБР, – завещали нам быть патриотами своей Родины и не раз на деле доказывали, что именно любовь к Отчизне помогает сплотиться и с честью пройти через все испытания.

И эта связь времён не должна прерываться. Необходимо хранить и развивать лучшие традиции, чтить заслуги перед страной всех, чьим трудом и мужеством, мудростью и волей строилась и крепла Россия.

Сегодня страна, как это было уже не раз в её истории, вновь переживает сложные времена, вызванные давлением различных сил, и прежде всего тех, кто не желает видеть единую

и сильную Россию. Но никому не удастся ослабить её роль и влияние на общемировые процессы. Россия выстоит и перед нынешними вызовами времени продолжит успешное развитие, ещё больше укрепит свои международные позиции.

Нынешний День России жители Кабардино-Балкарии, как и граждане всей страны, встречают в непростых условиях. Однако нет никаких сомнений в том, что республика не только преодолет трудности времени, но и приумножит достигнутый уровень развития. Народу Кабардино-Балкарии не занимать трудолюбия и терпения, есть интеллект и политическая воля, чтобы справиться с любыми трудностями и выйти на новый уровень развития.

Сегодня, как во все времена, Кабардино-Балкария вносит значительный вклад в укрепление Российского государства, в развитие всех сфер жизнедеятельности страны. А многие наши земляки – деяте-

ли науки и образования, культуры и искусства, выдающиеся спортсмены – принесли нашему Отечеству мировую славу.

Глубоко символично, – сказал Ю. А. Коков, – что в этот день молодым людям вручается свидетельство принадлежности к великой стране – паспорт гражданина Российской Федерации. Быть гражданином России – большая честь. Вместе с тем, это и осознание своей ответственности перед обществом и государством. Это и огромные возможности, которые предоставляются каждому гражданину для самореализации и достойной жизни. Достоинство государства зависит от достоинства каждой личности.

Глава КБР выразил уверенность в том, что благодаря таланту, энергии и творческому потенциалу нашей молодёжи Россия станет ещё более сильной и процветающей страной.

Юрий Коков пожелал всем жите-

лям Кабардино-Балкарии мира, добра, счастья и благополучия, новых свершений на благо Отечества.

Торжества продолжились церемонией вручения паспортов юным гражданам страны. На сцену приглашаются лучшие учащиеся школ республики, победители олимпиад и всероссийских конкурсов. Звучит гимн России.

Около ста жителей Кабардино-Балкарии удостоены памятной медали «XXII Олимпийские зимние игры и XI Паралимпийские зимние игры 2014 года в г. Сочи», учреждённой Распоряжением Президента Российской Федерации. Среди них действующая чемпионка мира по прыжкам в высоту Мария Кучина, художественный руководитель Государственного академического ансамбля танца «Кабардинка» Игорь Атабиев, президент региональной общественной организации «Федерация альпинизма, скалолазания и спортивного туризма КБР»

Абдулхалим Эльмезов, покорительница Эвереста Карина Мезова. Высокие награды вручил Юрий Коков.

С большим праздничным концертом выступили мастера искусств Кабардино-Балкарии.

Материал подготовила Жанна Кандорова

... Все началось с древнейшей истории России, туманной и загадочной. Время оставило слишком мало источников, по которым историки и археологи могли бы восстановить картину столь древнего прошлого. Скупое повествование летописи, которое становится более или менее связным и обрастает подробностями только с середины XI века; отрывочные и противоречивые рассказы иностранных путешественников, краткие своды законов; величественные храмы, многократно перестраивавшиеся на протяжении более поздних столетий; черепки сосудов, бусины, монеты, печати и прочие предметы, извлекаемые археологами из-под земли, – вот и все, чем может воспользоваться истинный ученый, реконструируя восточнославянскую и русскую древность. Эти и другие проблемы часто освещались в «Исторической газете», издаваемой поэтом, лауреатом Государственной премии России, секретарем Союза писателей России Анатолием Парпара. Жаль, что эта газета теперь не издается.

Возвращаясь к теме, необходимо сказать, что нередко из-за отсутствия необходимых сведений исследователи восполняют пробелы в истории этого периода, доверившись собственному воображению. Эта эпоха столь далека от наших дней, столь темна и столь трудна для изучения, что почти тысячелетний промежуток от прихода славян на Русскую равнину до нашествия орд Батые можно уложить в краткое повествование в десяток страниц.

Картина тех далеких времен очень расплывчата и прослеживается по источникам недостаточно достоверно. Как и в жизни любого человека, в истории государств есть рождение, юность, зрелость и смерть. Где же отыскать начало всех начал русской истории, где тот скрытый от нас росток, из которого выросло ветвистое и могучее «древо государства Российского»? Это пока еще поистине вопрос из вопросов и проблема из проблем, над решением которых бились лучшие умы мировой исторической науки.

Самое древнее из дошедших до нас исторических сочинений о Руси – «Повесть временных лет», написанная в начале XII века, – начинается с трех вопросов: «Откуда есть пошла Русская земля? Кто в Киеве наче первее княжити? И с каких пор Русская земля стала есть?» В этой триаде – глубокий смысл... Здесь необходимо подчеркнуть, что подавляющее большинство летописей начинается именно с «Повести временных лет», тем самым историческому процессу дается как бы отправная точка. Именно «Повесть временных лет» остается главным источником, повествующим о рождении Древнерусского государства...

Шло время, год за годом – в гражданских и междоусобных войнах; требовались силы для объединения древнерусских земель, и к XIII веку Московское княжество превратилось в державу всевропейского значения – Московское государство. Все изменения политической карты шли одновременно с борьбой за освобождение от ордынского ига. Эта суровая и длительная борьба увенчалась успехом на рубеже XV и XVI веков. . . . Появилась очевидная возможность создания единого государства с сохранением полной политической власти, с оригинальной и самобытной культурой, и это начинается правлением Ивана III (1462-1505 гг.) и заканчивается на рубеже XVII-XVIII веков в царствование великого Петра I, продолжавшееся с 1689 по 1725 гг.

В истории Русского государства, центром которого стала Москва, вторая половина XV столетия была временем юности – быстро расширялась территория, одна за другой следовали военные победы, завязывались отношения с далёкими странами. Старый обветшавший Кремль с небольшими соборами уже казался тесным, и на месте разобранных древних укреплений выросли мощные стены и башни, сложенные из красного кирпича. Внутри стен поднялись просторные соборы. Засияли белизной камня новые княжеские терема. Сам великий князь, принявший гордый титул «государя всея Руси», облачился в златотканые одеяния, а на своего наследника торжественно возложил богато расшитые оплечья – «бармы» – и драгоценную «шапку», похожую на корону. Казалось, молодое государство выросло из своих старых одежд и теперь примеряло роскошные блистающие наряды, подобающие его новому состоянию.

Но, для того чтобы каждый – будь он русский или иноземец, крестьянин или государь соседней страны – осознал возросшее значение Московского государства, одного внешнего великолепия было недостаточно. Необходимо было найти и новые понятия – идеи, в которых отразились бы и древность русской земли, и её независимость, и сила её государей, и истинность её веры. Этим поиском занялись русские дипломаты и летописцы, князья и монахи. Собранные воедино, их идеи составили то, что на языке науки называется идеологией.

Начало формирования идеологии единого Московского государства относится к периоду княжения великого князя Ивана III (1462-1505 гг.) и его сына Василия (1505-1533 гг.). Именно в это время были сформулированы две основные идеи, остававшиеся неизменными на протяжении нескольких столетий, – идеи богоизбранности и независимости Московского государства.

В 70-80-х гг. XV в. произошёл целый ряд важнейших для русской государственности событий. С присоединением Новгорода (1478 г.), Твери (1485 г.) и Вятки (1489 г.) Москва в основном завершила дело почти двухвекового «собирания» северных и восточных русских земель. В 1480 г. пало монголо-татарское иго. Русские послы отправлялись в дальние страны, владыки которых привыкли смотреть на московских князей лишь как на данников ордынских ханов. Теперь же всем предстояло узнать, что на востоке Европы появилось новое и сильное государство – Россия. Иван III и его окружение выдвинули новую внешнеполитическую задачу – присоединить западные

и юго-западные русские земли, находившиеся под властью Великого княжества Литовского.

В политике далеко не всё решается одной военной силой. Стремительное возвышение власти великого князя московского привело его к мысли о необходимости искать достойные обоснования своим действиям. Следовало объяснить вольнолюбивым новгородцам и гордым тверичам, почему именно московский князь, а не тверской или, к примеру, рязанский великий князь, является законным «государем всея Руси» – единственным владыкой всех русских земель. Нужно было доказать чужеземным монархам, что их русский собрат ни в чём не уступает им – ни в знатности, ни в могуществе. Надо было, наконец, заставить Литву признать, что она владеет древними русскими землями «не по правде», незаконно.

Тем золотым ключом, который подобрали создатели идеологии единого Русского государства сразу к нескольким политическим «замкам», стало учение о древнем происхождении власти великого князя. Об этом думали и раньше, но именно при Иване III Москва со страниц летописей и устами послов громко заявила, что власть свою великий князь получил от самого Бога и от своих киевских прародителей, владевших в X–XI вв. всей русской землёй. Подобно тому, как возглавлявшие русскую церковь митрополиты жили сначала в Киеве, затем во Владимире, а позднее в Москве, так и киевские, владимирские и, наконец, московские великие князья самим Богом были поставлены во главе всех русских земель в качестве наследных и полновластных христианских государей.

Именно на это ссылался Иван III, обращаясь в 1472 г. к непокорным новгородцам: «Вотчина моя это, люди новгородские, изначально: от дедов, от прадедов наших, от великого князя Владимира, крестившего землю Русскую, от правнука Рюрика, первого великого князя в вашей земле. И от того Рюрика и до сегодняшнего дня знали вы единственный род тех великих князей, сначала киевских, и до самого великого князя Дмитрия-Всеволода Юрьевича Владимирского (Всеволод Большое Гнездо, владимирский князь в 1176-1212 гг.), а от того великого князя и до меня... владеем мы вами...» Тридцать лет спустя, во время мирных переговоров с литовцами после удачной для России войны 1500-1503 гг., посольские дьяки Ивана III подчёркивали: «Русская земля от наших предков, из старины, наша отчина... хотим за свою отчину стоять, как нам Бог поможет: у нас Бог помочник и наша правда!»

«Старину» дьяки вспомнили не случайно. В те времена это понятие было очень важным. Ценным и законным считалось то, что имело свою «старину», которую признавали ещё деды и прадеды и которая понималась как плод мудрости многих поколений. Даже тогда, когда в жизни появлялось что-то новое, его часто старались облачить в одежды «старинного». Так уж был устроен человек средневековья! Именно поэтому великому князю было очень важно заявить о древности своего рода, показать, что он – не выскочка, а правитель русской земли по «старине» и «правде».

Не менее важна была и мысль о том, что источником великокняжеской власти является воля самого Господа. Это ещё больше возвышало великого князя над его подданными, которые, как писал один иностранный дипломат, побывавший в начале XVI в. в Москве, постепенно начинали верить,

что «воля государя есть воля Божья». Провозглашаемая «близость» к Богу накладывала на монарха ряд обязанностей. Ему надлежало быть благочестивым, милостивым, заботиться о сохранении его народом истинной православной веры, творить справедливый суд и, наконец, «боронить» (защищать) свою землю от врагов. Конечно, в жизни далеко не всегда великие князья и цари соответствовали этому идеалу. Но именно такими хотел их видеть русский народ.

Новые идеи происхождения власти великого князя московского, древности его династии позволили ему уверенно заявить о себе среди европейских и азиатских правителей. Русские послы давали понять иностранным владыкам, что «государь всея Руси» – независимый и великий правитель. Даже в отношениях с императором Священной Римской империи, который в Европе признавался первым монархом, Иван III не желал поступаться своими правами, считая себя равным ему по положению. По примеру того же императора он приказал вырезать на своей печати символ власти – увенчанного коронами двуглавого орла. По европейским образцам был составлен и новый великокняжеский титул: «Иоанн, Божиею милостию государь всея Руси и великий князь Володимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Югорский, и Вятский и Пермский, и Болгарский, и иных».

При дворе начали вводиться пышные церемонии. Своего внука Дмитрия, впоследствии попавшего в немилость, Иван III венчал на великое княжение по новому торжественному обряду, напоминавшему обряды венчания византийских императоров. О них Ивану могла рассказывать его вторая жена – византийская принцесса Софья Палеолог..

Так во второй половине XV в. в Москве создавался новый образ великого князя – сильного и полновластного «государя всея Руси», равного по своему достоинству императорам.

Вероятно, в последние годы жизни Ивана III или вскоре после его смерти в придворных кругах было написано сочинение, призванное ещё больше прославить род московских князей, наложить на него отблеск величия древних римских и византийских императоров. Это сочинение получило название «Сказание о князьях владимирских».

Автор «Сказания» старался доказать, что род русских князей связан с самим царём «всеа вселенныа» Августом – императором, правившим в Риме с 27 г. до н.э. по 14 г. н.э. У этого императора, говорилось в «Сказании», был некий «сродник» (родственник) по имени Прус, которого он послал правителем «на берега Вислы-реки в города Мальборк, и Торунь, и Хвоини, и преславный Гданьск, и во многие другие города по реке, называемой Неманом и впадающей в море. И жил Прус очень много лет, до четвёртого поколения; и с тех пор до нынешних времён зовётся это место Прусской землей». А у Пруса, говорилось дальше, был потомок, которого звали Рюрик. Этого-то Рюрика и позвали новгородцы к себе на княжение. От Рюрика произошли все русские князья – и великий князь Владимир, крестивший Русь, и правнук его Владимир Мономах, и все последующие – вплоть до великих князей московских.

Связать свою родословную с древними римскими императорами стре-

мились почти все европейские монархи того времени. Великий князь, как мы видим, не стал исключением. Однако на этом «Сказание» не кончается. Далее оно повествует о том, как в XII в. древние царские права русских князей были особо подтверждены византийским императором Константином Мономахом, приславшим великому князю киевскому Владимиру (1113-1125 гг.) знаки императорской власти – крест, драгоценный «венец» (корону), сердоликовую чашу императора Августа и другие предметы. «И с тех пор, – гласит «Сказание», – великий князь Владимир Всеволодыч стал именоваться Мономахом, царем великой Руси... С тех пор и донные тем венцом царским, который прислал греческий царь Константин Мономах, венчаются великие князья владимирские, когда ставятся на великое княжество русское».

Достоверность этого предания у историков вызывает большие сомнения. Но современники отнеслись к «Сказанию» иначе. Его идеи проникли в московское летописание XVI столетия и сделались важным звеном официальной идеологии. Именно на «Сказание» ссылался Иван IV (1533-1584 гг.), добиваясь признания за собой царского титула. Не забывал он о нём и впоследствии, гордо напоминая иностранным государям, что его род ведётся от самого Августа-кесаря.

Центром, где создавалась новая идеология, была Москва. Однако о новом значении Московского государства задумывались не только в Кремле. Образованные люди размышляли об этом повсюду.

Долгими бессонными ночами при дрожащем свете лучины думал о судьбе России, о её настоящем и будущем монах Псковского Елеазарова монастыря Филофей. Свои мысли он изложил в посланиях великому князю Василию III и его дьяку Мисюрю Мунехину.

Филофей был уверен, что Россия призвана сыграть в истории особую роль. Она – последняя страна, где сохранилась истинная православная вера в своём первоначальном, неиспорченном виде. Вначале чистоту веры сохранял Рим, но постепенно вероотступники замутили чистый источник. На смену Риму пришёл Константинополь, столица Византии, – «второй Рим». Но и там от истинной веры отступили, согласившись на унию (объединение) с католической церковью. Произошло это в 1439 г. А в 1453 г. в наказание за этот грех древний город был предан в руки «агарян» (турок). «Третьим» и последним «Римом», центром мирового православия, стала с тех пор Москва.

«Так знай, – писал Филофей Мунехину, – что все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве... и это – российское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвёртому не бывать!»

Из этого Филофей сделал вывод, что русский государь «во всей поднебесной есть христианам царь» и является «сохранителем... святой вселенской апостольской церкви, возникшей вместо римской и константинопольской и существующей в богоспасаемом граде Москве». Однако Филофей отнюдь не предлагал великому князю силою меча привести все христианские земли под свою власть. Его идея была в другом. Чтобы Россия стала достойна этого высокого предназначения, он призвал великого князя «хорошо урядить свое царство» – искоренить в нем несправедливость, немилосердие и обиды.

Идеи Филофея в совокупности составили так называемую теорию

«Москва – третий Рим». И хотя эта теория не вошла в официальную идеологию, она подкрепила одно из важнейших её положений – о богоизбранности России, став вехой в развитии русской общественной мысли.

Идеология единого Московского государства, основа которой была заложена во второй половине XV – начале XVI вв., продолжала развиваться в XVI-XVII столетиях, приобретая более законченные и вместе с тем неподвижные, окостеневшие формы. О первых же десятилетиях её создания напоминают величественные соборы Московского Кремля и гордый двуглавый орёл, в начале 90-х гг. XX столетия вновь ставший государственным гербом России.

ЦАРИ И ИМПЕРАТОРЫ РОССИИ

Иван III (1440-1505) – великий князь московский (с 1462), сын Василия II Темного, отец Василия III Ивановича. В правление Ивана III сложилось территориальное ядро единого Российского государства, началось складывание центрального государственного аппарата. Присоединил Ярославль (1463), Новгород (1478), Тверь (1485), Вятку, Пермь и др. При нем было свергнуто монголо-татарское иго («стояние на Угре», 1480), составлен Судебник (1497), развернулось большое строительство в Москве, вырос международный авторитет Российского государства, произошло оформление титула – великий князь «всёя Руси».

Великий князь Московский Иван III родился 22 января 1440 года в Москве.

«Иван был человек крутого нрава, холодный, рассудительный, с черствым сердцем, властолюбивый, неуклонный в преследовании избранной цели, скрытный. Чрезвычайно осторожный; во всех его действиях видна постепенность, даже медлительность; он не отличался ни отвагою, ни храбростью, зато умел превосходно пользоваться обстоятельствами; он никогда не увлекался, зато поступал решительно, когда видел, что дело созрело до того, что успех несомненен.

Собирание земель и возможно прочное присоединение их к Московскому государству было заветною целью политической деятельности Ивана III; следуя в этом деле за своими прауродителями, он превзошел всех их и оставил пример подражания потомкам на долгие времена. Рядом с расширением государства Иван хотел дать этому государству строго самодержавный строй, подавить в нем древние признаки земской раздельности и свободы, как политической, так и частной...» (Костомаров Н. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – М.: Мысль, 1991, с.137).

«В 1492 году Иван III принял решение – Новый год исчислять не с 1 марта, а с 1 сентября, так как это гораздо удобнее для народного хозяйства: подводились итоги урожая, готовились к зиме, играли свадьбы».

«Иван III территориально расширил Русь: когда в 1462 году он принял престол, то государство составляло 400 тыс. кв. км, а после его смерти, в 1505 году, оно составило более 2 млн. кв. км» (Козлов Ю. Страницы правления государством Российским. – Йошкар-Ола, 1990, с. 99).

Иоанн III был соправителем отца в последние годы его жизни. Вступив на престол в 1462 году, он продолжал политику своих предшественников, стремясь к объединению Руси под главенством Москвы и уничтожая удельные княжества и независимость вечевых областей, а также ведя борьбу с Литвой из-за присоединившихся к ней русских земель.

Иван Грозный – прозвание Иоанна IV Васильевича, великого князя Московского и всея Руси (с 1533), первый русский царь, правивший с 1547 г. на протяжении 50 лет 105 дней – среди всех, кто когда-либо возглавлял Российское государство, это рекорд. Иван Грозный был сыном великого князя Московского и всея Руси Василия III, потомка династии Рюриковичей. Мать его, княжна Елена Глинская, принадлежала к древнейшему роду, берущему начало от Мамая.

Иван Васильевич родился под Москвой, в с. Коломенское 25 августа 1530 г. Правителем, правда, пока только номинальным, он стал в трехлетнем возрасте и находился под присмотром специальной

опекунской боярской комиссии, созданной его отцом, который предчувствовал скорую смерть. Однако государство находилось во власти этого совета менее года, после чего в нем произошли многочисленные пертурбации.

В 1545 г. пятнадцатилетний Иван, ставший по тогдашним меркам совершеннолетним, превратился в полноправного правителя. Торжественная церемония его венчания на царство состоялась 16 января 1547 г. в Успенском соборе Московского Кремля. С инициативой этого обряда выступил сам 16-летний государь, однако многие историки полагают, что это решение он принял не без чужого влияния. В 1560 г. царь упразднил Избранную раду и стал править исключительно самостоятельно.

Долгие годы правления Ивана Грозного ознаменовались большим количеством всевозможных реформ и перемен в жизни государства. Например, при нем начали создавать земские соборы, сложилась система приказов, формировалась опричнина. Царь боролся со своими врагами, порой мнимыми, самыми суровыми и беспощадными методами. Им был наложен временный запрет на традиционный для Юрьева дня переход крепостных к новым хозяевам.

В области внешней политики царствование Ивана Грозного ознаменовалось большим количеством войн, которые шли почти без перерыва. Если вначале государю сопутствовала удача (в 1552 г. было завоевано Казанское, в 1556 г. – Астраханское ханство), то 25-летняя Ливонская война окончилась для России огромными потерями. В то же время Иван Грозный многое сделал для развития торговых и политических отношений с другими государствами, в частности, с Англией, Голландией, Бухарским ханством и др.

Иван Грозный остался в веках не только как правитель, но и как своеобразная, противоречивая личность. С позиции того времени царь был человеком образованным. Получившие известность послания к Курбскому говорят о его выдающихся литературных способностях. Не исключено, что некоторые литературные памятники того времени, в частности, летописные своды, «Государев разряд» и др. были составлены не без влияния царя. Известно, что он многое сделал для книгопечатания, внес вклад в развитие архитектуры, инициировав строительство ряда сооружений, в частности, храма Василия Блаженного в Москве.

Энергичность, решимость, дальновидность государя соседствовали в его натуре с сомнениями, спонтанными поступками. У царя прослеживались садистские наклонности, мания преследования; его крутой нрав, приступы гнева вошли в историю, одна из таких вспышек закончилась в 1582 г. убийством собственного сына. Незадолго до смерти он принял иночество.

Точку в биографии Ивана Грозного поставило 18 марта 1584 г. Местом его захоронения стал московский Архангельский собор. После кончины государя много говорили о том, что она была насильственной. В то же время известно, что в зрелые годы он не отличался прекрасным здоровьем и выглядел намного старше своих лет. За 6 лет до смерти царя его позвоночник был в настолько плачевном состоянии, что государя перемещали на носилках. Достоверно подтвердить или опровергнуть слухи об убийстве не представляется возможным, смерть Ивана Грозного так и осталась окутанной шлейфом тайны.

Фёдор I Иоаннович – царь всея Руси и великий князь Московский с 18.12.1584 года, третий сын Ивана IV Грозного и царицы Анастасии Романовны, последний представитель московской ветви династии Рюриковичей. Дата и место рождения: 31 мая 1557 г., Москва.

Дата и место смерти: 17 января 1598 г. (40 лет), Москва.

Был в браке с Ириной Фёдоровной Годуновой.

Родители: Иван Грозный, Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева.

Дети: Феодосия Фёдоровна.

Царь Фёдор Иванович (также изве-

стен по прозвищу «Блаженный») был сыном Ивана Грозного и Анастасии Романовой.

После трагической кончины наследника престола Иоанна царём становится двадцатилетний юноша Фёдор Блаженный, который совершенно не был готов для царствования (даже его отец говорил о нём, что место его не у власти, но в келье).

По утверждениям исследователей, Фёдор Иванович был очень слабым здоровьем (как физически, так и психологически). Кроме того, он совсем не принимал участия в государственном управлении, опираясь в этом сложном деле на мнения шурина, Годунова Бориса, и вельмож. Именно Годунов, как утверждают историки, и правил государством через слова Блаженного (он и стал преемником после кончины Фёдора Ивановича).

Царь Фёдор Блаженный взял в жёны Ирину Годунову от которой у них родилась дочь, умершая в годовалом возрасте. Наследника Фёдор так и не дождался.

Литературные памятники того времени так описывают Фёдора Ивановича: толстоват, небольшого роста, неказист, с тяжёлой неуверенной походкой. Однако всегда улыбающийся (за это его и прозвали Блаженным). Царь никогда не повышал тон, не грубил, был суеверным и не любил проявления агрессии. Большинство своего времени он проводил в ближайшем монастыре в молитвах. Также Фёдор очень рано вставал и начинал день с беседы с духовником и умывания святой водой. Любил он и забавы: шутовские кривляния, песни и сказы после вечерни.

Царь Фёдор Иванович очень любил звон церковных колоколов и даже сам одно время был звонарём. Он ходил пешком по монастырям, однако и отцовский нрав был в его натуре – царю нравились битвы с силачами медведей, а также кулачные бои. Всё вышеописанное было известно и дипломатам из других стран, посещающих Фёдора, но просивших аудиенции у Бориса Годунова.

В 1598 году царь Фёдор Иванович умер от смертельной болезни. Вместе с этим был окончен и московский род Рюриковичей, он стал последним представителем московской ветви династии Рюриковичей. Во время царствования царя Фёдора были возведены башни и стены Белого Города, авторство которого приписывают талантливому зодчему Фёдору Савельевичу Коню. Кроме того, в этот же период знаменитый литейщик А. Чохов отлил Царь-пушку.

При царе Фёдоре Блаженном немного улучшилось и международное положение. В итоге русско-шведской войны были возвращены некоторые Новгородские земли.

Романовы – русский боярский род, носивший такую фамилию с конца XVI века; с 1613 года – династия русских царей, и с 1721 года – императоров, а впоследствии – царей Польши, великих князей Литвы и Финляндии, герцогов Ольденбурга и Гольштейн-Готторпа и великих магистров Мальтийского Ордена.

Согласно родовому преданию, предки Романовых выехали на Русь «из Пруссии» в начале XIV века. Однако многие историки полагают, что Романовы – выходцы из Новгорода.

Первым достоверным предком Романовых и ряда других дворянских

родов считается Андрей Иванович Кобыла – боярин московского князя Ивана Калиты. Вместе с ним на Русь выехал его брат – Фёдор Иванович Шевляга – родоначальник нескольких боярских родов. У Андрея Ивановича было пять сыновей: Семён Жеребец, Александр Ёлка, Василий Ивантей, Гавриил Гавша и Фёдор Кошка. Они явились родоначальниками многих русских дворянских домов.

Потомки Фёдора Кошки стали прозываться Кошкиными. Дети Захария Ивановича Кошкина стали Кошкиными-Захарьиными, а внуки – просто Захарьиными. От Юрия Захарьевича пошли Захарьины-Юрьевы, а от его брата Якова – Захарьины-Яковлевы.

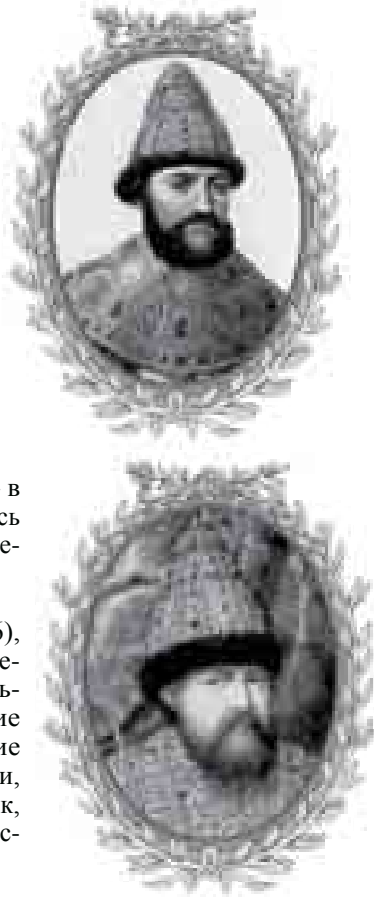
Благодаря браку Ивана IV Грозного с Анастасией Романовной Захарьиной род Захарьиных-Юрьевых стал в XVI веке близким к царскому двору, а после пресечения московской ветви Рюриковичей начал претендовать на престол.

Первым из рода фамилию «Романов» стал носить Фёдор Никитич (он же патриарх Филарет) в честь своего деда Романа.

В 1613 году внучатый племянник Анастасии и сын Фёдора Никитича Михаил Фёдорович был избран на царство, и его потомство (которое традиционно называется «Дом Романовых») правило Россией до 1917 года

Михаил Федорович (1613-1645), первый царь династии Романовых (с 1613 г.). Сын Федора Никитича (Филарет) Романова. Избран царем Земским собором при поддержке казачества. Благодаря И. М. Сусанину избежал гибели во время польской интервенции. Нерешительный, болезненный и слабавольный, находился под влиянием матери – старицы Марфы, родственников – бояр Салтыковых, в 1619-33 гг. – в подчинении у отца. При нем возрождалось Российское государство, разоренное в период «смутного времени».

Алексей Михайлович (1645-1676), русский царь с 1645 г. Сын Михаила Федоровича. При нем усилилась центральная власть и завершилось оформление крепостного права (Соборное уложение 1649 г.); Украина вошла в состав России, отвоеваны у Речи Посполитой Смоленск, Черниговская земля и др.; подавлены вос-

стания в Москве, Новгороде, Пскове и восстание Степана Тимофеевича Разина; произошел раскол Русской церкви.

Россией Левобережной Украины и Киева.

Фёдор Алексеевич (1676-1682), русский царь с 1676 г. Сын Алексея Михайловича от 1-го брака с М. И. Милославской. Ученик Симеона Полоцкого; знал древнегреческий и польский языки; сочинял силлабические стихи, песнопения. При молодом и болезненном царе усилилась борьба за власть придворных группировок (Милославские, Одоевские и др.). В 1679 г. введено подворное обложение, в 1680 г. проведена военно-окружная реформа, в 1682 отменено местничество. Отражена турецкая агрессия под Чигирином (1677-1678 гг.). Заключен Бахчисарайский мирный договор с Турцией и Крымом, в котором признавалось воссоединение с

Софья Алексеевна (Софья Алексеевна Романова)

Годы жизни: (17 (27) сентября 1657 г. – 3 (14) июля 1704 г.

Правительница России с 29 мая 1682 года по 7 сентября 1689 года с титулом «Великая государыня, благоверная царица и великая княжна».

Старшая дочь царя Алексея Михайловича от 1-го брака (с Марией Ильиничной Милославской).

Софья Алексеевна родилась в Москве. Получила хорошее домашнее образование, знала отлично латынь, свободно говорила на польском, писала стихи, много читала, имела красивый почерк.

Стараясь на людях казаться богобоязненной и смиренной, Софья на самом деле с юности стремилась к полноте власти. После смерти матери в 1671 году, она болезненно пережила скорый 2-й брак отца на Наталье Кирилловне Нарышкиной и рождение сводного брата Петра (будущего царя Петра I). После смерти отца в 1676 году Софья Алексеевна начала интересоваться государственными делами: страной в 1676-1682 годах правил ее родной брат Федор Алексеевич, который был несамостоятелен в своих действиях. Поначалу страной попыталась распорядиться овдовевшая царица, но родственники Федора и Софьи смогли

отстранить Наталью Кирилловну, направив ее вместе с сыном Петром в «добровольную ссылку».

После смерти Фёдора Алексеевича его брат 16-летний Иван, последний представитель мужского рода Романовых, был отстранён от престола. А патриарх Иоаким и бояре провозгласили царём 10-летнего Петра. Бояре Милославские во главе с Софьей Алексеевной решили оспорить вопрос о престоле.

Воспользовавшись восстанием стрельцов 15-17 мая 1682 года, которые подняли бунт против обременительных налогов, а также заручившись помощью своего фаворита Василия Голицина, Софья Алексеевна смогла добиться провозглашения наследниками престола сразу 2-х братьев – Ивана V и Петра (26 мая 1682 г.).

15 сентября 1682 года стала регентшей при малолетних братьях Иване и Петре, «чтоб правительство ради юных лет обоих государей вручить сестре их».

В начале июля 1682 года умелой тактикой пресекла бунт раскольников в Москве: перенесла споры о вере во дворец, в Грановитую палату, изолировав вождей староверов от толпы народа.

Софья Алексеевна заключила с Польшей выгодный для России «Вечный мир» и Нерчинский договор с Китаем. В 1687 и 1689 годах под руководством Василия Голицына были осуществлены походы против крымских татар, закончившиеся неудачей. В 1687 году была образована Славяно-греко-латинская академия. 21 июля 1687 года в Париж прибыло 1-е русское посольство.

Однако положение Софьи Алексеевны было непростым – возник острый конфликт с князем И. А. Хованским, главой стрелецкого приказа. Среди возглавленных им стрельцов пошли слухи о недопустимости женщин на русском престоле («Довольно мутить в государстве!», «Давно пора в монастырь!»). Софья немедленно приняла меры: сама выехала из Москвы в деревню Воздвиженское, а ее братьев Ивана V и Петра вывезли в Коломенское.

Софья, опираясь на советы Боярской думы, вызвала Хованского в Воздвиженское вместе с его сыном. 5 (17) сентября 1682 года казнью Хованского с сыном был положен конец «хованщине». Стрельцам были сделаны небольшие уступки, которые касались повседневного быта (замена смертной казни за «возмутительные слова» ссылкой и наказанием кнутом, запрещение разлучать мужа и жену при отдаче в отработку долга, отмена долгов со вдов и сирот).

Вскоре царский двор превратился в средоточие научной и культурной жизни Москвы. Активно шло строительство, обновлялись кремлевские стены, началось возведение Большого каменного моста у Кремля через Москву-реку.

Тем временем усугублялось противостояние Софьи Алексеевны и ее сводного брата Петра. Бояре советовали регентше убить его, но она решилась пойти на этот шаг.

Августовской ночью, получив весть о политических интригах Софьи,

Пётр скрылся за стенами Троице-Сергиевой лавры, где на его защиту встали потешные и стрелецкие полки.

7 сентября 1689 года правительство Софьи Алексеевны пало, ее имя было исключено из царского титула, а саму ее отправили в Новодевичий монастырь в Москве, без пострижения в монахини. Два века спустя И. Е. Репин изобразил ее на своей картине, грозной и готовой к сопротивлению («Царевна Софья в Новодевичьем монастыре», 1879). Художник изобразил седовласую старуху, хотя Софье было в то время всего лишь тридцать два года.

Любимца Софьи Алексеевны Голицына Петр сослал в Архангельский край, где тот и умер в 1714 году. Однако царевна не собиралась сдаваться. Она искала единомышленников и находила их. Но все попытки организовать реальное сопротивление Петру I провалились из-за доносов и слежек за нею в монастыре.

В январе 1698 года, воспользовавшись отсутствием Петра в столице, уехавшего в Европу, Софья снова попыталась вернуть трон. Используя недовольство стрельцов, которые жаловались на обременительность Азовских походов Петра в 1695–1696 гг., условия службы в приграничных городах, бывшая регентша призвала их к бунту и пообещала освободить от всех трудностей при условии возведения ее на престол.

Петр срочно вернулся в Москву, и войско во главе с П. И. Гордоном разбило заговорщиков под Новоиерусалимским монастырем 18 июня 1698 года.

21 октября 1698 года Софья Алексеевна была насильно пострижена в монахини под именем Сусанны. Умерла 3 июля 1704 года, приняв перед смертью схиму под именем Софии. Погребена в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря.

Софья никогда не была замужем и детей не имела.

В воспоминаниях современников осталась личностью «великого ума». Оценки личности Софьи Алексеевны сильно отличаются. Почитатели Петра I считают ее ретроградкой. С. М. Соловьев называл ее «богатырь-царевной», трагически не нашедшей поддержки в обществе. Зарубежные исследователи пишут о ней, как о «самой решительной и способной женщине, когда-либо правившей в России» (С. В. О'Брайн, Б. Линкольн, Л. Хьюз и др.).

Пётр I (1682-1725), российский царь с 1682 г., первый российский император (с 1721 г.). Младший сын Алексея Михайловича. Провел реформы гос. управления (созданы Сенат, коллегии, органы высшего гос. контроля и политического сыска; церковь подчинена государству, проведено деление страны

на губернии, построена новая столица – Петербург). При нем создавались мануфактуры, металлургические, горные и др. заводы, верфи, пристани, строились каналы. Возглавлял армию в Азовских походах 1695-96 гг., Северной войне 1700-21 гг., Прутском походе 1711 г., Персидском походе 1722-23 гг. и др. Руководил постройкой флота и созданием регулярной армии. По инициативе Петра I открыты многие учебные заведения, Академия наук, принята гражданская азбука. Реформы Петра I проводились жестокими средствами, что вызвало Астраханское 1705-06 гг., Булавинское 1707-начала 1709 гг. восстания. При Петре I Россия приобрела значение великой державы.

Екатерина I (1725-1727), российская императрица с 1725 г. Дочь литовского крестьянина Самуила Скавронского. До принятия православия – Марта Скавронская. 25 августа 1702 г. в Мариенбурге попала в русский плен и вскоре стала фактической женой Петра I. Церковный брак оформлен в 1712 г., в 1724 г. состоялась коронация. От брака с Петром в живых осталось две дочери – Анна и Елизавета. После смерти Петра I, не назначившего преемника, была возведена на престол гвардейскими полками под руководством А. Д. Меншикова. Сама Екатерина I государственными делами не занималась, передав управление государством Верховному тайному совету. За несколько дней до смерти Екатерина I подписала завещание о передаче престола внуку Петра I – Петру II.

Петр II (1727-1730), российский император с 1727 г. Сын царевича Алексея Петровича и принцессы Софьи Шарлотты Бланкенбургской-Вольфенбюттельской; внук Петра I Великого. В первые месяцы правления Петра II власть фактически находилась в руках А. Д. Меншикова. После ссылки Меншикова Петр II под влиянием старой боярской аристократии объявил себя противником преобразований Петра I. Уничтожались созданные Петром I учреждения, царский двор находился в Москве. Петр II обручен был с княжной Е. А. Долгоруковой. Во время подготовки к коронации умер от оспы.

Анна Иоановна (1730-1740), российская императрица с 1730 г. Дочь Ивана V, племянница Петра I. В 1710 г. выдана замуж за герцога курляндского. Вскоре овдовев, жила в Курляндии. На престол была приглашена Верховным тайным советом на условиях («Кондициях») ограничения самодержавия в пользу феодальной аристократии. Опираясь на дворянство и гвардейских офицеров 25 февраля 1730 г. отказалась от выполнения «Кондиций». Даровала льготы дворянству. Недалекого ума, ленивая и малообразованная, Анна Иоановна уделяла мало внимания государственным делам, предаваясь пирам и развлечениям. Главной опорой ее были прибалтийские дворяне-немцы, занявшие во главе с фаворитом Э. И. Бироном господствующее положение в правительстве

Иоанн VI Антонович (1740-1741), номинальный российский император (с окт. 1740 г.), сын Анны Леопольдовны (племянницы русской императрицы Анны Иоановны) и герцога Брауншвейгского, правнук Ивана V. Регентом при нем был Э. Бирон, после свержения Бирона – Анна Леопольдовна. 25 ноября 1741 г. Иоанн VI был свергнут Елизаветой Петровной. Сначала Иоанн VI вместе с родителями был отправлен в ссылку, затем переведен в одиночную тюрьму. С 1756 г. находился в Шлиссельбургской крепости. Убит стражей при попытке офицера В. Я. Мировича освободить его и провозгласить императором вместо Екатерины II.

Елизавета Петровна (1741-1761), российская императрица с 1741 года. Дочь Петра I и Екатерины I. Тайно обвенчана с А. Г. Разумовским. Опираясь на гвардию, отстранила от власти Анну Леопольдовну и Ивана VI. Вернулась к принципам правления Петра I. Восстановила роль Сената, Берг- и Мануфак-

тур-коллегий, Гл. магистрата; учредила Конференцию при Высочайшем дворе; ликвидировала внутренние таможи, отменила смертную казнь. В результате русско-шведской войны 1741-43 гг. к России отошла часть Финляндии; Россия была участницей Семилетней войны 1756-63 гг. Царствование Елизаветы Петровны – время расцвета русской культуры и науки (деятельность М. В. Ломоносова, открытие Московского университета и др.).

Петр III (1761-1762), российский император с 1761 года, немецкий принц Карл Петр Ульрих, сын герцога голштейн-готторпского Карла Фридриха и дочери Петра I Анны Петровны. В 1742 г. российская императрица Елизавета Петровна, тетка Петра III, объявила его своим наследником. В 1761 г. заключил мир с Пруссией, что свело на нет результаты побед русских войск в Семилетней войне 1756-63 гг. Антинациональная внешняя политика Петра III, пренебрежение к русским обычаям, введение прусских порядков в армии создали оппозицию гвардии, которую возглавила его жена Екатерина (будущая императрица). В результате дворцового переворота 1762 г. Петр III был свергнут с престола, арестован, а вскоре убит. Под именем Петра III выступали многие самозванцы (в том числе Емельян Пугачев).

Екатерина II (1762-1796), российская императрица с 1762 г. Немецкая принцесса Софья Фредерика Августа Анхальт-Цербстская. С 1744 г. – в России. С 1745 г. – жена великого князя Петра Федоровича, будущего императора Петра III, которого свергла с престола (1762 г.), опираясь на гвардию, Г. Г. и А. Г. Орловых и др. Провела реорганизацию Сената, секуляризацию земель, упразднила гетманство на Украине. Издала Учреждение для управления губерний, Жалованную грамоту дворянству и Жалованную грамоту городам. При Екатерине II в результате русско-турецких войн 1768-74 гг., 1787-91 гг. Россия окончательно закрепилась на Черном море. Приняла в российское подданство Восточную Грузию. В период правления Екатерины II осуществлены разделы Речи Посполитой, про-

изошло восстание Емельяна Пугачева. Переписывалась с Вольтером и др. деятелями французского Просвещения. Автор многих публицистических, драматургических, научно-популярных сочинений.

Павел I (1796-1801), российский император с 1796 года. Сын императора Петра III и императрицы Екатерины II. Изменил многие екатерининские порядки. Ограничил привилегии дворянства, уменьшив эксплуатацию крестьян (указ 1797 г. о трехдневной барщине). Опираясь в своей деятельности на фаворитов-временщиков (А. А. Аракчеев и др.) Выступал против революционной Франции, принял участие в коалиционных войнах (поставив во главе русской армии А. С. Суворова), но в 1800 г. заключил мир с Наполеоном Бонапартом, заняв антианглийскую позицию. Павел I отличался

неуравновешенным характером, мелкой придирчивостью, которые вызывали недовольство среди придворных. В среде гвардейских офицеров созрел заговор. В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. в Михайловском замке заговорщики убили Павла I.

Александр I (1801-1825), российский император с 1801 года. Старший сын императора Павла I. Провел реформы, подготовленные Негласным комитетом и М. М. Сперанским. Под его руководством Россия участвовала в антифранцузских коалициях; велись успешные войны с Турцией (1806-12 гг.) и Швецией (1808-09 гг.). При Александре I к Российской империи были присоединены Восточная Грузия, Финляндия, Бессарабия, Северный Азербайджан, часть территории бывшего герцогства Варшавского. После Отечественной войны 1812 г. возглавил в 1813-14 гг. антифранцузскую коалицию. Был одним из руководителей

Венского конгресса (1814-15 гг.) и организаторов Священного союза. В 1810-х гг. ввел в России так называемые военные поселения. После внезапной смерти Александра I в Таганроге получила широкое распространение легенда о том, что Александр I после 1825 г. скрывался

в Сибири под именем старца Федора Кузьмича. В официальной литературе именовался «Благословенным».

Николай I (1825-1855), российский император с 1825 года. Третий сын императора Павла I. Вступил на престол после внезапной смерти императора Александра I и отречения своего старшего брата Константина. Подавил восстание декабристов, казнил его руководителей. При Николае I составлены Свод законов Российской империи и Полное собрание законов, введены новые цензурные уставы. Получила распространение теория официальной народности (в основе которой лежала формула: «Православие, самодержавие, народность»). Николай I начал железнодорожное строительство. Были подавлены Польское восстание 1830-31 гг., революция в Венгрии 1848-1949 гг. Важная сторона внешней политики Николая I – возврат к принципам Священного союза. В период царствования Николая I Россия участвовала в войнах: Кавказской 1817-64 гг., русско-турецкой 1828-29 гг., Крымской 1853-56 гг. Умер после поражения в Крымской войне.

Александр II (1855-1881), российский император с 1855 года. Старший сын императора Николая I. В 1860-70-х годах провел ряд реформ – земскую, судебную, городскую, военную и др.; отменил крепостное право (крестьянская реформа 1861 г.). В царствование Александра II завершилось присоединение к Российской империи Кавказа (1864 г.), Казахстана (1865 г.), большей части Средней Азии (1865-81 г.).

На Александра II было совершено несколько покушений членами организации «Народная воля». Первое покушение – 4 апреля 1866 г. – Д. В. Каракозова, затем в 1867 г. и в 1879 г.; организован взрыв царского поезда и взрыв в Зимнем дворце (1880 г.). После покушений Александр II усилил репрессивную политику. 1 марта 1881 года убит бомбой, брошенной народовольцем И. И. Гриневитским. Александр II в официальной литературе дореволюционного периода именовался «Освободителем».

с Францией, заключен франко-русский союз (1891-93 г.). В официальной литературе именовался «Миротворцем».

Александр III (1881-1894), российский император с 1881 года. Второй сын императора Александра II. После смерти старшего брата Николая (1865 г.) стал наследником престола. В первой половине 80-х гг. провел ряд реформ (отмена подушной подати, введение обязательного выкупа, понижение выкупных платежей). В конце 80-х гг. – начале 90-х гг. были проведены так называемые контрреформы (введение института земских начальников, пересмотр земского и городского положения и др.). Усилилась роль полиции и государственного аппарата. Во внешней политике: ухудшение русско-германских отношений и сближение

верховного главнокомандующего. Во время Февральской революции Николай II 2 (15) марта 1917 г. отрекся от престола и был арестован. После Октябрьской революции отправлен в Екатеринбург, где и расстрелян вместе с семьей в 1918 г.

Николай II (1894-1917), последний российский император, старший сын императора Александра III. Царствование Николая II совпало с быстрым социально-экономическим развитием России. При Николае II Российская империя потерпела поражение в русско-японской войне 1904-1905 гг., что явилось одной из причин революции 1905-07 гг. Николай II был вынужден издать Манифест 17 октября 1905 г. с обещанием законодательной думы и буржуазно-демократических свобод, начала осуществляться столыпинская аграрная реформа. В 1907 г. Россия стала членом Антанты, в составе которой вступила в 1-ю мировую войну 1914-18 гг. С августа 1915 г. Николай II занял пост

Материал подготовил Т. Х. М.

Мурад АХМЕТОВ**АДЫГСКИЕ АМАЗОНКИ¹****Часть вторая****Амазонки и нарты**

...Когда Дахазилия получила из рук парней Тхазепла своего любимого боевого коня, она первому встречному нарту отдала попорченно-го амазонками скакуна. Наказав нарту не показывать коня никому в течение нескольких дней, она пересела на своего любимца и поскакала дальше, уже без собак и орлов, которые тоже оказались порченными.

Доехав до переправы на Тереке, она спешила, раздевшись наголо, и с удовольствием плескалась в чистой, прохладной воде. Вдоволь поборовшись с течением, залезла на ствол огромного дерева – топляка, и легла на его теплую поверхность, подставив спину ласковому допуденному солнцу. Отдышавшись, Дахазилия приподнялась, присела и стала рассматривать своё отражение в воде. И чем больше смотрела, тем больше ей нравилось смотреть. Уже зрелое, но ещё без единой морщинки, тонкое и гибкое, цвета парного молока, удивительно изящное тело... «Великие боги! Спасибо вам, что я ухожу из жизни такая красивая! Спасибо за то, что я избавлена от необходимости видеть ужасный процесс старения своего тела!» – подумала Дахазилия.

Тут она и почувствовала взгляды прячущихся в приречном лесу людей. «Да. Место выбрано с умом, – подметила она. – И пока я купалась, они заняли весь лес. Ни вперёд, ни назад пути уже нет. Но я вас немного разочарую – не позволю вам трогать своими грязными руками моё тело при снятии дорогих доспехов».

Она собрала свои доспехи, перевязала ремешком, сама надела белую бурку на голое тело, одной рукой взяла доспехи, другой схватила связку дорогого оружия, прыгнула на спину своего скакуна и направила его на самую быстрину. Когда Дахазилия утопила своё оружие и доспехи, ей уже не дали выбраться живой из реки. Она на это и рассчитывала...

Сатаней

Эта девочка была настолько совершенной и красивой, что амазонки, видя её белую кожу, тонкие черты и идеально правильные линии, сразу же дали ей нежное имя цветка – Сатаней.

С самого детства и до конца своей долгой и яркой жизни эта женщина выглядела так, что её имя всегда произносилось с оттенком восторга и чувственной таинственности. В юном возрасте Сатаней про-

¹ Продолжение (начало см. в № 3, 2014).

явила большие умственные и физические способности, благодаря чему к четырнадцати годам в совершенстве усвоила все секреты и приёмы единоборства. Одинаково виртуозно, без малейших ошибок, она пользовалась всеми основными видами оружия амазонок.

Но её поразительные физические данные и натренированность тела в ратных делах в последующей её жизни оказались не востребуемыми. Её главное оружие – красота – поражало всех, без применения силы и сноровки.

Сатаней в первый раз появилась в доме свиданий четырнадцатилетней, но уже рослой и вполне зрелой, и сразу же стала негаснущей звездой этого заведения на два десятилетия. Неповторимо тонкие и нежные черты её лица, белая и гладкая кожа, большие, глубокие синие глаза, чёрные ресницы, брови и волосы дополнялись небывалой грацией и прелестью её тела. Высокая, идеально отшлифованная в непрерывных упражнениях фигура не содержала ничего лишнего, но в то же время была изумительно пышна и прелестна.

Слава о красоте и притягательной силе её чар быстро разнеслась по всем нартским землям. Дом свиданий её крепости уже не вмещал всех желающих гостей. Уровень качества претендентов на внимание Сатаней был намного выше, чем у любой другой амазонки её времени. Из многочисленных желающих могучих витязей, в конечном итоге, кому-то везло, и он получал ответ на свои чувства. Но и те, кому не суждено было получить что-либо от блистательной Сатаней, не покидали дом свиданий с полным колчаном стрел – тратили их на другие мишени. Благо, недостатка в них не было в доме сороки. То есть дом свиданий процветал и не скучал от недостатка могучих и породистых молодых парней.

Круглосуточно звучали музыка, смех и весёлые шутки, лязг оружия непрекращающихся турниров. Здесь поддерживался высокий порядок деятельности, что, собственно, и являлось целью и задачей руководителей домов свиданий империи амазонок.

Когда в молодом возрасте Сатаней была назначена на высокий пост руководителя дома свиданий, это не вызвало удивления, и все амазонки согласились, что это заслуженно и будет только во благо империи. Она очень хорошо справлялась с этим ответственным и трудным делом, проявляя большую мудрость и волю. Ей это было не трудно, она хорошо знала такую работу, хорошо понимала политику, задачи и цели этого заведения, знала особенности организации его деятельности.

Её карьера, на зависть многим красавицам-сёстрам, была головокружительной. Предводительница крепости уже чувствовала, что ей оставалось недолго властвовать. Более того, она чувствовала, что Сатаней с её внешностью и поразительным умом не остановится на посту предводительницы крепости. Она легко, играючи устраняла всех соперниц. Также без усилий, с неподражаемо милой улыбкой могла устранять любую личность со своего пути.

Сатаней наслаждалась жизнью, умело используя все свои возможности и потенциал женщины, меняя партнёров и придирчиво, со знанием дела выбирая себе пару на ночь.

Предводительница крепости, естественно, искала хоть одну маленькую ошибку, хоть крошечный изъян, на чём можно было сыграть и сохранить свою власть. И она приставила к ней самую талантливую и искусную разведчицу, которую только можно было выбрать из тайного ведомства крепости.

Сатаней казалась неуязвимой. Её поведение и мудрость позволяли ей, ничего не замечая, без оглядки работать и получать от своей работы удовольствие. Но однажды, уединившись в своей комнате и занимаясь вечерними гигиеническими процедурами, Сатаней случайно глянула в своё небольшое окошко и застыла. На излучине реки, в укромном месте купался молодой мужчина. Он усердно натирал своё могучее тело жёлтым речным камнем. Сатаней не могла отвести взгляд от купальщика. Она видела немало прекрасных мужских тел и не была неопытной. И этот, казалось, ничем особо не отличался от других, но почему-то ей захотелось прижаться к этому человеку. Это тело излучало необъяснимую притягательность.

Сатаней стояла, не в силах отойти от окошка, и смотрела, пока нарт не закончил своё долгое купание, не оделся и не ушёл в сторону кузницы на краю нартского села. Она догадалась, что это Тлепш, знаменитый нартский бог-кузнец. Нарты называли его так, потому что Тлепш мог голыми руками работать с раскаленным железом. Она слышала от одной кольчужницы-амазонки, что глупые нарты не понимают того, что у тех, кто с детства работает с горячим железом, грубеют пальцы, на них образуется корка, которая уже не чувствует огня. И вполне естественно, что у такого человека, как Тлепш, у которого нет таких приспособлений, как у амазонок, уже могло выработаться умение работать с горячим железом голыми руками. Поэтому Сатаней понимала, что в нартском кузнице, может, и нет ничего божественного, но она видела, что Тлепш божественно красив, он казался ей воплощением бога любви.

Она, наконец, отошла от окошка и с необычной для себя неохотой закончила свои процедуры. С неохотой и очень долго одевалась, затем вышла к посетителям дома свиданий.

В тот вечер Сатаней так и не выбрала себе партнёра.

Она была расстроенной и рассеянной. В конце концов, не имея большого желания танцевать, ушла в свою комнату, где провела бессонную ночь. Купальщик не уходил из её головы. Он, как наяву, стоял всё время перед её глазами. И под утро, когда усталость взяла свое, и она заснула, Тлепш пришёл и в её сон.

Она не смогла выбрать себе партнёра и в течение следующей недели. Тлепш прочно обосновался в её сердце, не отпускал её. Она каждый вечер закрывалась в своей комнате и купалась очень быстро, чувствуя уже то время, когда Тлепш должен прийти к реке, и, уже одетая, встречала у окна миг его появления. Он появлялся всегда в одно и то же время и усердно мылся, не подозревая о том, что на него смотрят, смывая с себя кузнечную копоть, жёлтым камнем натирая всё своё тело.

Любознательная и не терпящая ничего непонятного, Сатаней удивилась, заметив, что Тлепш руки натирает речным камнем, а затем от-

брасывает его и достаёт другой, принесённый с собой розовый камень, и натирает им всё тело; оно окрашивалось светлой пенистой краской, которая легко смывалась холодной водой. «Что за камень он приносит с собой, – думала Сатаней, – может, заговоренный?»

Сатаней каждый вечер ждала этого часа, как свидания, заморожено стояла у окошка и следила за его упругими движениями. Она ничего не могла с собой поделать, сколько ни пыталась оторваться от окна. Ей было стыдно перед собой, не раз она давала себе слово больше не подглядывать. Но как только наступало заветное время, она брала приготовленный заранее гогон с тёплой водой и покорно шла в свою комнату, чтобы смотреть на него. Это стало для неё мукой, опустошающей морально, от которой она уже зависела, как от какого-то тайного, постыдного влечения или болезни. Это сводило её с ума, лишало покоя и уверенности в себе.

Тлепш относился к тем немногим нартам его возраста, которые не были любителями дома сороки. Он очень редко приходил в дом любви, но никогда не находил морального удовлетворения от такого похода. Но когда он однажды увидел знаменитую Сатаней, Тлепш лишился душевного покоя. Он даже боялся заглянуть ей в глаза и издали глядел на неё, пока она не «выпадет» из круга танцующих и не удалится с очередным победителем турнира. Так, терзаемый и мучимый болью, он уходил и ещё долго не мог прийти в себя.

Он не хотел её так, как другие, на одну только ночь, если бы даже получил её благорасположение. И хорошо понимал, что не сможет отличиться особо в ратных турнирах, чтобы претендовать на её внимание. Он ведь был не воин, а кузнец. А если и получил бы её, то уд не позволят продолжать встречи. И ещё он чувствовал, что, получив её однажды на одну ночь, не сможет освободиться от неё. Тлепш боялся погибнуть, окончательно потеряв своё сердце. Потому парень молча сносил свою душевную рану, терпя постоянную боль и страдания, не видя никакой перспективы для своей любви.

И Сатаней, лишённая возможности попасть в нартское село, страдала от безысходности своего положения, так же, как и Тлепш. Она ничего не подозревала о том, что её чувства имеют взаимность. Радовалась и мучилась при виде кузнеца, который надеялся, что нашёл уединённое место, и каждый вечер, от ранней весны и до поздней осени, приходил помыться на речку.

Она уже не могла смотреть на других мужчин, её стало тяготить их общество. Они только усиливали её тягу к могучему и ладному кузнецу. Избалованной вниманием и возможностью неограниченного выбора, всегда имевшей возможность получать лучшее, ей казалось, что никто даже близко не напоминает единственного и любимого человека.

В тягость стала ей жизнь в доме свиданий, в тягость стала и жизнь амазонки-узницы, и все, что связано с империей, что до сих пор так радовало, чем она гордилась. Весь её мир вдруг встал с ног на голову. Но что же делать? Как жить дальше?

После долгих мук и бессонных ночей она явственно поняла, что ей

никогда не справиться со своей любовью. Сатаней поняла, что больше жизни хочет быть с ним, родить ему ребёнка, похожего на него и на себя. И она твёрдо решила: или найдёт способ добиться своего, или погибнет. Третьего ей не хотелось.

После долгих взвешиваний и продумывания всех возможностей она вымучила план действий.

В первую очередь она решила разыграть роль больной, чтобы уйти от обязанностей руководителя дома свиданий. Тем более что неоднократно замечала удивлённые и многозначительные взгляды соперниц, пытающихся понять причину охлаждения Сатаней к мужчинам. Некоторые даже начали распространять слух, что она возможно больна, так как признаков беременности у Сатаней не было. Более трёх месяцев она уже не имела ни одной ночи, проведенной с мужчиной. Сатаней решила сыграть на этом, почувствовав, что её как больную могут освободить от должности смотрительницы дома сороки и даже изолировать от амазонок, поселив ее вне стен крепости в нартском селе.

Но для этого нужен был диагноз, соответствующий такому «наказанию». А диагноз ставит совет лекарей, с которым надо держать ухо востро. И Сатаней начала действовать.

Каждый вечер она так же брала воду и уходила в свою комнату, мылась, экономя воду, а большую ее часть выпивала, давясь, через силу. Лекари тут же заметили, что она стала сильно отекать. Она выходила утром из своей комнаты с красным от бессонницы лицом и заплывшими глазами.

При наружном осмотре и прощупывании внутренних органов лекарями Сатаней разыграла, что у неё болят почки и женские органы. Назначенные средства, принятие которых было на виду у лекарей, ничего не дали: она стала ещё больше отекать и жаловаться на слабость и головные боли. Добавив к этим симптомам и категорический отказ Сатаней от мужского общества, комиссия решила, что она серьёзно больна и следует освободить её от работы в доме свиданий и временно изолировать.

Её поселили в отдельно стоящем доме, за второй стеной крепости, назначили обслугу и запретили общение с кем бы то ни было.

Между тем комиссия работала над одним вопросом, который всегда рассматривался в первую очередь: не влюблена ли она в одного из своих клиентов. Тщательное расследование закончилась тем, что следствие пришло к выводу, что она никогда, ни с кем не имела желание быть два раза. И что все её клиенты, без исключения, сейчас усердно заняты новой, юной звездой дома свиданий и всё реже вспоминают о Сатаней. А предводительница крепости сообщила, что разведчица, приставленная к Сатаней, подтвердила, что она никогда и никому не оказывала ничего, похожего на особое расположение, и что вне дома свиданий не имела ни одного контакта ни с кем.

Карантин Сатаней длился всю зиму и весну. А к лету предводительница крепости назначила ещё одно обследование, которое закрепило единодушное мнение, что Сатаней серьёзно больна неизвестной

болезнью, которая не представляет опасности для окружающих, но, возможно, передаётся половым путём. А так как Сатаней не хотела и слышать о мужчинах, то можно было не опасаться заражения ею кого-либо. Это означало, что её можно оставить в живых, но желательно на всякий случай убрать подальше от сестёр-амазонок, ибо её болезнь не изучена и никто не знал, как она проявится к старости. К неопишуемой радости «больной», её решили поселить на краю нартского села.

Радовалась втайне и предводительница крепости, что нашла такой выход. Во-первых, её никто не заподозрит, что отстранила свою явную первую соперницу, которая давно наступала ей на пятки. Во-вторых, выслав её в нартское село, она навсегда освободилась от неё. Её можно было уже не считать амазонкой – она была снята со счетов.

Перед тем как переселить Сатаней в нартское село, с неё взяли клятвенное обязательство в присутствии совета уд, какое обычно давали назначаемые к нартам смотрительницы-амазонки. Суть клятвы заключалась в том, что она не будет разглашать стратегические секреты империи, вступать в половой контакт с нартами, учить нартов боевым искусствам, методам хозяйствования империи, передавать им секреты изготовления орудий труда, инструментов и оружия, учить нартов культуре и наукам амазонок, методам и способам тренировки воинов и дрессировки животных.

Нарушение любого из этих пунктов прямо приводило только к одному наказанию – лишению жизни.

Но Сатаней уже ничего не боялась и была так счастлива, что ей с трудом удавалось скрывать свою радость огромной победы. Ей самой не верилось, что с помощью простой воды и артистизма удалось перехитрить совет уд – самых хитрых, самых коварных обманщиц на свете. Ее сердце ликовало, когда её, с отрешённым видом и опущенными плечами, привезли в новую усадьбу и оставили одну.

Она опасалась только одного, что слухи о её «болезни» могли дойти до нартов. И если Тлепш услышит о том, что с ней опасно сближаться, ей будет трудно разубедить его. Она лишь успокаивала себя, что и тут ей удастся что-нибудь придумать.

Кузница была расположена именно с того края нартского селения, который находился ближе к крепости, и дом Сатаней был в двухстах шагах от кузницы, их разделяло неплотное редколесье. Ближайшим соседом был Тлепш, и в его обязанности входило выполнять иногда некоторые тяжёлые работы в ее хозяйстве.

Так как у Сатаней был довольно высокий статус в крепости и она представляла империю, то пользовалась почётной приставкой к имени, и нарты должны были её называть не иначе, как Сатаней-гуаша – что означало госпожа (правительница) и обязывало всячески выказывать ей уважение, оказывать мелкие услуги.

Вопреки её опасениям, вызванным слухами о болезни, добродушные нарты в первые же дни начали к ней приходить группами по несколько человек, приносить небольшие дары и подчёркивать своё почтение. Они перекололи и сложили ей дрова, ухаживали поочередно за

скотом. Она приветливо встречала всех, угощала их и беседовала непринуждённо и доброжелательно.

Люди уходили поражённые её красотой (от отёков уже не оставалось и следа), умом и участливостью. Удивлялись, что такая красавица не выпячивает свои прелести и одевается так же просто, как и все женщины нартского села. Только она очень чистоплотна и от неё пахнут приятными цветочными маслами.

Очень опытные, имеющие за спиной много походов в дом свиданий мужчины видели, что под её просторными платьями скрыто нечто очень грациозное и пышное. Но никто даже не осмеливался думать дальше о таких её данных, потому что видели, как она далека от таких мыслей, что смотрит она на них как на людей, а не как на мужчин.

Так продолжалось недели две. А главный человек, на которого она могла смотреть как на желанного мужчину, так и не появлялся. Как-то вечером она проводила за ворота очередную партию ходоков и уже закрывала ворота, чтобы расположиться на ночь, как вдруг заколотилось её сердце. Она почувствовала спиной, что на неё из лесочка смотрит Тлепш. Она ещё не повернулась к нему и стояла, еле справляясь с желанием броситься к нему в объятия...

Когда провожаемые ушли далеко и их голоса перестали быть слышны, она вновь широко открыла ворота и, запинаясь от волнения, тихо произнесла:

– Тлепш! С каким трудом я добиралась до тебя! Как долго ты шёл ко мне через этот лесок! Заходи!..

– Удивительно, что ты почувствовала мой взгляд! Я так долго ходил в твой сорочий дом, чтобы только посмотреть на тебя, и ты ни разу не почувствовала меня. Видимо, потому, что между нами стояло много людей и много преград.

– Я давно не ставлю ни одного человека между нами и убрала все преграды. Ты, возможно, смотрел слабым взглядом...

– Я боялся прожечь дырку в твоей одежде своим взглядом! – ответил он и, подняв её на руки, трепетно и бережно прижав к себе, как птичку в ладони, понёс её к дому.

– А я и не пыталась, видя, как ты каждый вечер трёшь своё тело розовым заговоренным камнем, думала, что ты никогда не почувствуешь телом взгляд. Ведь твоё тело даже не горит в огне!

– А внутри этого тела давно горит огонь, и он жжёт моё сердце...

В доме Сатаней горел мягкий свет коптилки, освещая новый земной рай. Его тело благоухало свежестью прохладного горного ручья, а от волос шёл еле уловимый, особо приятный запах костра, в котором горели облепиховые ветки.

Всё лето и осень, поздно закончив свои процедуры на речке, Тлепш приходил к Сатаней и уходил только перед рассветом. Им приходилось соблюдать осторожность. Наконец, получив настоящее счастье близости любимого мужчины, Сатаней уже не боялась смерти. Ведь амазонок воспитывали так, что они всегда были готовы к кончине, и с детства в их среде культивировалось презрение к смерти, как одна из основных от-

личительных черт воительницы. Но она страстно хотела ребёнка, хотела сына от Тлепша.

Сатаней знала, что если родит мальчика и об этом узнают амазонки, то они придут и убьют малыша, и что нет такой силы, которая сможет отстоять ребёнка. Она всё время думала о том, как можно ухитриться и спасти его.

Когда пришла зима, Тлепш перестал мыться в речке. Он мылся у себя в кузнице или у Сатаней. И она в первый раз увидела его «заговоренный» камень, которым он натирался. Рассматривая пристально, она заметила, что это необычный камень, он при смачивании становится мягче. Дальше она заметила на камне следы ладони Тлепша. Было видно, что камень не настоящий, а вылеплен вручную, то есть искусственный.

На её удивлённый вопрос, что это значит, Тлепш рассказал, как случайно обнаружил, что один камень, сгорев на его рабочем огне, рассыпался в порошок. Он смёл порошок и выкинул в кучу золы на улице. А когда в следующий раз вынес золу, то увидел, что после дождя этот порошок опять стал камнем. Его это заинтересовало, и, взяв такой же камень, он сжёг его на очень горячем облепиховом огне. А когда полученный порошок остыл, он замесил его на воде и увидел, что порошок опять превратился в камень и при отвердении стал очень тёплым.

Перед обедом, когда Тлепш отмывал руки, он потёр их этим камнем, не имея под рукой другого. Выяснилось, что для его кузнецких кистей камень оказался немного слабватым, но выше кистей, где кожа понежнее, камень пришёлся как раз в пору. Так он открыл этот очищающий тело камень, и с тех пор сам изготавливает и пользуется такой тёркой.

– Но для твоей белой и нежной кожи такая тёрка не подойдёт, она немного щиплет и грубовата, – заключил Тлепш.

– Ты кому-либо говорил об этом камне? – спросила она.

– Только тебе одной и сказал, – ответил он.

На второй день Сатаней зашла к нему в кузницу и была поражена увиденным. Тлепш, голый по пояс, весь в искрах, поддувал мехами огонь в горниле. Он действительно был похож на бога.

Извинившись перед ней и попросив немного подождать, он вытащил голый рукой из огня добела раскалённую заготовку и, схватив другой рукой за горячий конец, начал скручивать стальной горячий стержень в винт – Тлепш делал по заказу большой семейный шампур. При этом его пальцы шипели от горячей заготовки и даже иногда шёл маленький язычок дыма.

Ни молотка, ни щипцов в кузнице не было. Вместе молотков она увидела несколько круглых и гладких камней разного размера. Но щипцов так и не было. Она тут же вспомнила, что случайно заметила, как оружейницы-амазонки работают среди специальных подставок, на которых в строгом порядке лежало множество молотков, щипцов, кусачек и захватов разных типов и размеров, и с грустью подумала, что между амазонками и нартами огромная временная пропасть в тысячу лет. Но что она могла поделать, с неё было взято слово о неразглашении тайн

изготовления орудий труда и инструментов.

Только теперь она поняла, что любой инструмент для любой работы являет собой стратегический секрет. И сколько же таких тайн и секретов нужно было раскрыть нартам, чтобы получить свободу и жить по-человечески?!

Она ушла от него, попросив изготовить каменного порошка, столько, чтобы хватило слепить из него большую тыкву, но чтобы никто об этом не знал. Он обещал держать в тайне всё, что касается порошка и камня.

Она шла домой по лесной дороге с поникшей головой. Ей было жалко своего любимого человека, было неприятно и обидно, что нарты, с которыми она связала свою жизнь, были настолько ниже по уровню развития, чем амазонки.

Дойдя до своего дома, она взяла топор, ножовку, бурав и полдня потратила на изготовление деревянного молотка средней величины, чтобы было удобно кузнецу. Покрасив ударную часть краской из золы и масла, она с удовлетворением заметила, что молоток стал похож на настоящий, – окрашенную ударную часть по виду можно было принять за железную.

Ей всё время казалось, что за ней кто-то следит, она работала тихо, временами поднимаясь и оглядывая окрестности, и убедившись, что её никто не видит, продолжала непривычную для её рук работу. Когда деревянный молоток был готов, она была довольна тем, что, сверх ожидания, всё сделала аккуратно и добилась желаемого.

Закончив работу, Сатаней спрятала своё изделие под большой платок, накинутый на плечи, и пошла к кузнице. Убедившись ещё раз, что её никто не видит, она бросила свой молоток под порог Тлепшу и ушла, незамеченная никем.

Она была довольна своими действиями. Нарты получили молоток. Благодаря Сатаней они шагнули вперёд в развитии на много лет. И она не может быть обвинена в измене империи. Она ведь никому ничего не давала и ничего не разглашала, в чём может поклоняться всеми богами. Да и вряд ли кто помнит в империи, что она попадала в цех, где работали оружейницы, используя молоточки и молоты.

А попала она туда как-то вечером, и то случайно: понесла ужин заработавшейся старой оружейнице, по поручению её подруги. Сатаней тогда было лет семь, она была по-детски любознательна и запомнила интересные инструменты просто из детского любопытства. А старой амазонки и её подруги, должно быть, уже и в живых нет, и если допустить, что они живы, то им, должно быть, по восемьдесят и более лет. Неужто они запомнили её на столько лет вперёд, тем более, что девочку они и взглядом-то не удостоили, одна приказала отнести, а другая сказала спасибо, не подняв головы.

Когда Тлепш, выходя из кузницы, увидел перед своим порогом этот довольно увесистый кусок железа на палочке, он подумал, что его обронил какой-то заказчик. Машинально подняв предмет, он удивился тому, что головка была деревянная, замаскированная краской под железо.

Тлепш стал вертеть предмет и рассуждать. Если сделать такой предмет из железа, с деревянной ручкой, то что это будет? Человек есть человек, он сначала начал выяснять про себя, что это за оружие и будет ли с такого оружия толк. Нет. Для оружия ручка коротковата, и тупой конец ничего не даёт. Нет, как оружие оно намного уступает боевому топорику. Тогда это инструмент – орудие труда. И снова непонятно, ведь если этим дробить каштаны, так есть более удобная дробилка! А орехи? Для орехов очень удобно, но колоть таким инструментом орехи слишком дорогое удовольствие – тратить на них столько железа. Только тут он хлопнул себя по лбу и, вскочив, вспомнил, как Сатаней смотрела с грустью на его камни, которыми он ковал.

Отложив в сторону все свои заказы, он поспешно начал выковывать стальную головку молотка, употребив на это почти весь свой запас железа. К вечеру он закончил работу и, вытащив из огня раскалённый прут, начал отковывать его новым инструментом. Он был счастлив: это орудие так упрощало его труд, так ровно и красиво работало!

Он спрятал свой инструмент, спешно помылся, переоделся, схватил деревянный молоток-образец и побежал к своей любимой. Зайдя к ней, он вытащил из-за пазухи свою дневную находку и молча, на глазах у Сатаней, бросил в огонь очага. Они стояли, молча, обнявшись, и глядели, пока не сгорела до конца опасная улика. И ни слова не было сказано на эту тему. Разве можно было найти такие слова, которые могли бы выразить то, что творилось в душе Тлепш и Сатаней? Ночь объяснила всё.

Работа у кузнеца пошла намного быстрее и качественней. И вскоре у всех нартских кузнецов появились «уадэ» – крепко бьющий.

Но Сатаней не хотела на этом останавливаться. Она видела, сколько неудобств терпят нартские кузнецы из-за того, что они не имеют ни кузнечных клещей, ни щипцов. Случай помог передать Тлепшу и этот секрет.

Как-то ранним утром она шла домой, выгнав попастись домашний скот, размахивая тонким и гибким прутиком. Она видела, что за полсотню шагов за её спиной шёл и Тлепш, тоже со стороны выгона. Вдруг она заметила двух маленьких змей переползающих друг друга, образовав косою крест, с обращенными друг к другу головами.

Сатаней быстро приколола их своим прутиком друг к другу и, обломав его выше раны, пошла дальше, не останавливаясь.

Когда Тлепш дошёл до этого места, он остановился, долго стоял и глядел на извивающихся змей. Затем, стараясь не побежать, быстро пошёл в свою кузницу, и к вечеру у него были уже кузнечные клещи, и ему никогда больше не пришлось вытаскивать из огня голой рукой раскалённую заготовку.

Конечно, и это новшество быстро распространилось по всем кузницам нартов. И опять Сатаней имела возможность поклясться перед советом уд, что никогда не произносила ни слова и никогда не давала никому такого инструмента, да и сама никогда не держала в руках ничего такого.

Сосруко

Тлепш принёс порошок для изготовления искусственного камня. Он положил мешочек с порошком у очага, сел на низкий стульчик и молча смотрел, как Сатаней, поблагодарив его за порошок, спрятала мешочек и начала готовить ему стол для ужина. Она поставила перед ним большой деревянный столик-блюдо на трёх высоких ножках. На блюде-столешнице имелись по краю ещё небольшие тарелочки-углубления для соуса, а в середине – размером побольше – углубление для мяса и пасты. Рядом с первым столиком стоял другой столик – для напитков и фруктов.

Когда закончился ужин, Тлепш спросил у неё:

– Сатаней, скажи мне, что ты ещё придумала? Мне страшно за тебя. Я знаю, что ты бесподобная умница. И все нарты тебя почитают как самую мудрую и добрую. Надеюсь, ты понимаешь, с кем тягаешься. Ещё никому ни разу не удавалось обмануть империю. А ты, по-моему, в пятый раз собираешься обмануть Амазонию! Мне страшно за тебя, страшно мне подумать, что не смогу защитить и спасти тебя. Я простой кузнец, возможно даже лучший из нартских кузнецов. Но ты хорошо знаешь, что я не воин и не мудрец. Я не способен защитить тебя от амазонок. Да и как кузнец я ничего не значу по сравнению с оружейниками и кузнецами империи.

Прошу тебя, не рискуй, ты и так дала слишком много нартам и добилась невозможного. Ты спасла нашу любовь от империи, ведь они после трёх или пяти встреч в доме свиданий поняли бы про нашу любовь и убили бы её, умертвив кого-нибудь из нас. Но ты нашла способ построить наше счастье. Зачем тебе камень? Что ты ещё придумала?

– Тлепш, ответь мне, ты слышал, что я больна заразной болезнью, которая передаётся в постели?

– Да, об этом шептались в доме свиданий.

– И ты, зная такое и будучи уверенным, что я больна, не отказался от меня?

– Я забыл про твою болезнь, когда увидел тебя уже в этом доме в первый вечер. А когда вспомнил, то я уже знал, что одна эта ночь стоит десяти жизней.

– Спасибо тебе! Значит, я рисковала не зря и поступила правильно. Значит, только ты достоин моей любви! И эта любовь дала мне силы прикинуться заразной больной, чтобы обмануть совет врачей. Эта любовь дала мне силу разыграть роль больной, которую выворачивает наизнанку от запаха мужчины. И ещё два раза она дала мне силу переступить порог невозможного.

Моя любовь так же сильна, как и твоя, которая толкнула тебя, без мысли о последствиях, в объятия той, которая, (ты должен был быть уверен) смертельно больна. И эта любовь должна жить и иметь продолжение. Любовь – это цветение, а плодом цветения, продолжением любви должен быть ребёнок – великий смысл жизни, гарантия вечной жизни и любви. Тлепш! Я хочу ребёнка, похожего на нас!

Пойми меня и не проси не рисковать. Моя жизнь и моя любовь ни-

чего не значат, если у нас не будет ребенка! Я всё продумала. Никто не знает, что мы с тобой можем изготовить камень. Я рожу и замурую дитя в камень из порошка, оставив, словно обычную трещину, как в любом камне, незаметную щель для доступа воздуха. И бегом принесу тебе в кузницу, когда там будет побольше народу.

Искусственный камень успеет окрепнуть, если его замесить дома и быстро бежать к кузнице. Как раз к тому времени, как добегаешь к тебе, камень становится крепким и очень тёплым. А зимой камень будет казаться горячим. Я прибегу, скажу, что внутри камня стучит что-то, как будто бьётся сердце. Ты при всех разобьёшь рукой камень и достанешь ребёнка.

Люди, увидев это, назовут его сыном камня. И никто не скажет, что он вышел из меня, что он мой сын. Амазонки в это могут не очень поверить. Но убить чудо-дитя, которое имеет такое божественное появление, они побоятся.

Кроме того, люди будут трогать камень, и они почувствуют, что камень тёплый и теплота не односторонняя, а идёт из камня, равномерно, изнутри, и поймут, что так подогреть камень на огне невозможно. И через день все будут утверждать, что камень был не просто тёплым, а горячий. И без нашего участия наш чудо-ребёнок обростёт такими легендами, что амазонки будут его обходить стороной. А я научу его всему, что сама знаю и умею. Обещаю, что выращу из него непобедимого и неустрашимого богатыря. Вот для чего мне нужен этот порошок и в таком количестве.

Я беременна и зимой должна родить. Мы временно прекратим наши встречи. А ты старайся, чтобы тебя чаще видели поздними вечерами. Будь больше на глазах. Когда я рожу, мне нужно выбрать момент, чтобы в кузнице было много людей, и желательно серьёзных, а не всяких любителей поболтать и побездельничать. Ведь амазонки обязательно проведут расследование и опросят всех, кто там присутствовал, перещупают осколки камня. Благо, они не знают, что это за камень. Боги услышали мои молитвы и дали тебе секрет того камня. Это служит доказательством, что Псатхья на нашей стороне, и даёт нам знак, что нашему ребёнку будет выделена богами жизнь и душа. Мы не можем не принять такой дар богов!

– Но как ты объяснишь появление в твоих руках беременного камня? Не мог же он упасть с неба и остаться целым? – спросил Тлепш.

– Главное, дорогой, это то, что ребёнок будет, его прилюдно вынут из цельного камня. И ты этот камень будешь действительно разбивать на глазах людей. Это – довод, в котором никогда не усомнится человек, видевший все своими глазами. А всё остальное, включая и то, как смог «забеременеть» камень, – можно придумать в сотне вариантов. В любую байку поверит человек, который видел процесс рождения из камня.

Например, народы знают, как в меня влюблён этот грязный пастух Жемухо, знают, как он высматривал меня, находясь на другом берегу реки, и приходил в состояние экстаза от того только, что видит меня. Нарты давно превратили его слабость ко мне в источник насмешек и сочи-

нили сотни небылиц про его сладострастные грёзы, навеваемые моим образом. Мы можем использовать и эту тему для своей легенды зачатия в камне, приписав это чудо Жемухо. Люди имеют привычку легко приписывать излюбленному предмету насмешек любое невероятное «прорисшествие», якобы случившееся с ним. Такие сказки проходят всегда, как не подлежащие никакому сомнению и не требующие доказательств.

– Ты всё продумала, Сатаней, моя умница, но ведь уд не дадут ребёнку жизни. Они ни перед кем не отчитываются, никого не боятся. Если даже и поверят они во все байки, только за то, что ты его воспитываешь, они его выкрадут и съедят или сожгут, не дадут ему жить, он им не понравится. И все твои болезни, и всю жизнь твою поставят под сомнение.

– Конечно, есть риск, но, мой дорогой, я же амазонка, я воительница, и я не из последних мастериц сражений. Если не смогу защитить его своей хитростью, то я его буду защищать с оружием в руках. Или спрячу так, что нас никогда не найдут. И они будут знать, что жизнь нашего мальчика обойдётся им очень дорого, так дорого, что, просчитав все, они решат, что лучше его не трогать, тем более, все уверены, что он сын камня – чудо-ребёнок, и он не представляет угрозу их амбициям. Никто не догадается, что я послушалась и пошла наперекор империи.

– Милая, ты так хочешь ребёнка, ты столько лет о нём мечтала, и столько невозможного тебе удалось сделать для него, что я просто не знаю, что тебе и сказать. Не дай бог, если с ним что-нибудь случится, ты же этого не вынесешь. И я не перенесу такую потерю. Так не лучше ли довольствоваться тем счастьем, которым мы располагаем?

– Во-первых, не лучше, – сухо и обиженно произнесла Сатаней. – Во-вторых, уже поздно. У нас через три месяца будет сыночек. Я его видела во сне: он смуглый, черноглазый и у него ноги волосатые, как у тебя! И он очень красив и силен...

Она не успела договорить, утонула в его объятиях и поцелуях.

К утру они договорились, что временно прекращают свидания. И когда Сатаней родит и будет готова с «камнем» зайти в кузницу, она вывешивает на колонну веранды циновку, так, чтобы было видно издалека. Он будет стучать молотком по медному гогону во дворе кузницы. Это будет означать, что в кузнице много людей и можно заносить камень.

За полмесяца до родов, уже поздним вечером Сатаней никак не могла уснуть. Она скучала по Тлепшу. Хотя днями они умудрялись незаметно для других увидеть издали друг друга, но свидания были прекращены, и они держались, поборов свои желания пообщаться.

В последнее время, с приближением родов, она всё чаще терзалась тревогой и сомнениями. Сатаней всё явственнее чувствовала шаткость своего положения. Хорошо понимая, что судьба ребёнка может зависеть от любой уд, члена высшего совета, которая может настоять на каком угодно своём мнении, она перебирала в памяти характеры всех уд, которых знала, и это её не успокаивало.

Напротив, уверенность, что никто из членов совета не возьмёт на себя ответственность заявить, что чудо-ребёнок имеет право жить, всё

больше и больше наводила на неё безысходную душевную боль, которую она не могла уже победить. Весь смысл её жизни и всё, что до сих пор удалось, находились в смертельной опасности. Она была бессильна повлиять на ход событий. Здесь, на этом этапе борьбы она никак не могла повлиять на членов совета уд, неподкупных и неустрашимых, жестоких блюстителей устава империи зла.

Усталая, замученная бессонницей и беспокойством, она присела напротив очага на стульчик и рассеянно смотрела на огонь.

Тонкий язычок пламени, дрожа, качаясь, пытается набрать силу, обгладывал ещё сырые поленья. Он был слаб, но настойчиво пытался окрепнуть и расшириться в корне, чтобы подняться выше, казалось, что он уже поднимается из кучи дров, сейчас его корни обхватят все дрова, но он неожиданно глох и исчезал, уступая пространство моментально поглощающей всё темноте. Но в самом низу кучи дров, на кончиках тонких веточек сохранился и жил ещё листок света, и он опять несмело начинал собирать силы, дрожа и пульсируя, и, неожиданно резко подняв голову, миг прогонял тьму и отвоёвывал чёрное, копчёное чрево очага и гнал ее дальше. Уже до середины комнаты он прогнал мрак и продолжал на пределе своих сил бороться.

Вдруг рядом, из самого низа и середины кладки дров вырывается вторая струя – яркий золотой язык пламени. И они вдвоём, плечом к плечу, как два брата, осмелев, продолжают извечную борьбу света и тьмы.

Но неожиданно оба язычка пламени резко качнулись, как от удара в бок тяжёлой палицей. Сатаней почувствовала, что в комнате, за её спиной, кто-то бесшумно появился.

Она спокойным движением руки взяла тонкое полено и заботливо подгрести угольки к кладке дров очага. Затем положила на место полено и обратным движением руки хотела схватить тяжёлый железный шампур, остроконечный и удобный для метания, чтобы в один миг решить судьбу тайного убийцы, подосланного к ней. Она не сомневалась, что за спиной стоит именно убийца. Сатаней уже точно вычислила, где он стоит.

Но спокойный и тихий, как будто рассчитанный только на эти три шага слышимости голос остановил её.

– Сатаней, я не из тех, кого можно так просто наколоть на шампур и убить. И не из тех, кого тебе надо убивать. Я не враг. Только, пожалуйста, не пытайся увидеть моё лицо, не поворачивайся ко мне и слушай. – Голос звучал совсем не там, куда Сатаней только что хотела запустить свой смертоносный шампур. Она изумилась и поняла, что имеет дело не с обычной воительницей и что справиться с ней не так просто

– Друг ходит открыто и, как правило, зовёт с улицы или стучит в дверь, – спокойно ответила хозяйка, положив свои руки на колени, поближе к тяжёлым стальным ножницам, лежащим на подоле платья.

– К сожалению, место и время, где мы живем, и моя профессия диктуют свои правила. – Голос звучал уже в другом месте, и, судя по его особенностям, он принадлежал амазонке невысокого роста.

– Кто ты? – спросила Сатаней, почувствовав, как её правая рука коснулась ножиц.

– Сатаней, оставь руки в покое, я знаю, что ты никогда не расстанешься со своими ножницами, они тебе не пригодятся! Лучше сначала послушай. Вот уже несколько лет я твоя невидимая тень. Я та змея, которая, искусно маскируясь, находится рядом, под ногами, сливаясь цветом своей чешуи с местностью и притаившись, смотрит и видит всё. Змея только видит, а я ещё и понимаю то, что люди пытаются глубоко спрятать в душе.

Сатаней похолодела от этих слов. Она знала, что это возможно. Знала, что просто так, без контроля её не могли отпустить на волю и оставить в покое. Но она почему-то всегда была уверена, что всё делает очень тонко и осторожно.

«Вот он, конец всему, – подумала в отчаянии она. – Немного длилось наше счастье. Вот она, моя смерть, и смерть моего сыночка, – одно из самых страшных и неодолимых существ империи встало за спиной. Что делать? Прости меня, мой сыночек!..»

Но, вдруг вспомнив, как незнакомка сказала, что не враг ей, слабо в это веря, нашла в себе силы и с трудом спросила:

– Почему же ты не убила меня раньше? Тебе мало было только моей жизни? Дождалась, пока под сердцем не появилась ещё одна жертва – мой ребёнок?

– Сатаней, я и без твоего ребенка достаточно нагрела себе грехов. Я пришла не со злом, а с добром. Дай мне сказать. Не перебивай, у меня нет времени.

Меня приставили к тебе ещё тогда, когда ты была назначена главой дома сороки. Всё сначала было просто и понятно, и я с удовольствием докладывала о тебе всё, как есть.

Непонятым всё стало, когда ты в первый раз вышла из своей комнаты в доме свиданий совершенно другим человеком. Я начала искать причину такой резкой перемены в твоей комнате. Не найдя там ничего, обследовала окошко и всё пространство, что было оттуда видно. Когда я поняла, что ты влюбилась в Тлепша, мне опять всё стало ясно. Я не меньше тебя мучилась, сестра, но выдать твою любовь не смогла. Потому что я знала, что и Тлепш в тебя влюблён. И знала я об этом гораздо раньше тебя.

Я мысленно разрушила все свои обязательства перед империей и не спешила ничего докладывать предводительнице, уверенная, что вашей любви не будет продолжения и ты подавишь свои чувства, что всё так и закончится. Я знала, что подлая предводительница крепости боится тебя и страстно желает во что бы то ни стало убрать тебя как соперницу со своего пути. Она на этом же этапе убрала бы тебя. Ты могла погибнуть, ещё не «согрешив».

А когда я поняла, что ты встала на путь борьбы за свою любовь, я уже полностью была на вашей стороне и не смогла убить тебя. Для меня ты стала великой героиней. И ещё к этому времени я тоже была влюблена. Но со своей любовью у меня не было никаких шансов прожить и

даже побороться за неё. Ты можешь этого и не знать, но с нами никто и никогда не возится, малейшее подозрение – и мы исчезаем, потому что много знаем и нас боятся. Никогда не назначается никакая комиссия для разбора. Мы просто входим, как обычно, в потайную дверь для доклада и исчезаем навсегда, зачастую не имея никаких проступков и не совершив ничего противоречащего законам империи.

А теперь слушай главное, зачем я тебе открылась.

Ты хорошо знаешь, что у верховной царицы есть главное орудие устрашения амазонок, её правая рука, пользующаяся особым доверием. Это – кровожадная Бырымбух. Ни один суд не вершится в империи без её слова, и всегда заканчивается кровью и смертью. Она тоже обязательно появится у тебя. Она не поверит в то, что вы так гениально придумали с Тлепшем, благодаря его чудесному порошку, из которого вновь можно изготовить камень.

Не удивляйся, я не только всё слышала пару месяцев назад, но ещё тогда, когда ты только видела его в окно, заинтересовалась этим камнем. И как только услышала твою сказку про Жемухо, доложила правительнице, что за Сатаней, кроме меня, следит и пастух, чтобы получить кусочек счастья, и что недавно этот срамник, увидев голые ноги Сатаней, пришёл в такой экстаз, что его семя перелетело через реку и обрызгало камень, лежавший у ее ног.

Я просто упредила и подготовила почву для вашей басни, но это не грех. Этот пастух почти оправдывает эту сказку. Я это знаю. Не грешно и то, что предводительница, наша старая развратница, так заинтригована моей сказкой, этим грязным Жемухо.

Боги, очевидно, любят твоего будущего ребёнка, потому что я неожиданно узнала такое, что можно объяснить только волеизъявлением богов, а не моим мастерством разведчицы или простым стечением обстоятельств.

Так вот, недавно я случайно столкнулась с одной давней своей подругой, тоже подававшей большие надежды ещё с детства, разведчицей. Она, видимо, подозревала, что ей недолго остаётся жить, и поведала мне о Бырымбух – своей начальнице.

Дело в том, что у Бырымбух есть сын, рождённый ею от нарта, которого зовут Альбеч. Она ухитрилась тайно родить сына и отдать его отцу.

Альбеч унёс сына домой и отдал малыша своей матери, сказав, что этого ребёнка родила от него жена очень ревнивого мужа, пока тот находился безвыездно в горах и пас скот амазонок в течении года. И когда муж придет, убьёт жену и мальчика, ибо если сам и не догадается по своей тупости, то соседи ему объяснят, что этот ребёнок никак не может быть ему сыном. Тем более, что мальчик – копия самого Альбеча, бело-брысый и волосатый.

Мальчика назвали Тотареш. Бырымбух его тайно навещает и следит за его воспитанием и обучением боевым искусствам по методике амазонок.

Великая Сатаней! Это боги дарят тебе такой козырь для защиты

твоего ребёнка от Бырымбух. Воспользуйся этим!

Удачи тебе, Сатаней, мать Сосруко! Уверена, что вы с Тлепшем вырастаете из него могучего героя, который, если будет похож на вас, принесёт нартам много пользы. А я, если останусь твоей тенью и дальше, буду искать случая помогать тебе. Прощай!

– Постой, ради богов! – поспешно выпалила Сатаней, боясь, что разведчица исчезнет и она не успеет даже поблагодарить её. – Если нельзя узнать твоего имени, чтобы вставить в мои молитвы, нельзя увидеть твоего лица, чтобы всё время помнить твой образ, святая моя спасительница, дай мне хоть прикоснуться к тебе! Подойди поближе, я буду к тебе спиной. И не буду на тебя смотреть.

На плечо Сатаней легла худенькая женская рука, и она почувствовала, что рука очень трепетна и чувствительна. Она осторожно взяла эту руку и поцеловала, смочив её слезами. Затем потянула вниз и прижала к своему животу, где уверенно толкался ребёнок.

– Я бы хотела, чтобы он знал имя второй матери, твоё имя, – сказала Сатаней.

– Нет у меня имени, Сатаней, нет и лица, я хожу без шума и без следа. Я даже не вожу за собой тень. Меня самой, можно сказать, нет и вовсе. Я так же бесследно исчезну, никто не узнает, что я жила или умерла, любила и чувствовала. Такая у нас судьба, такая проклятая участь.

Но я благодарна богам, моим создателям, что дали мне возможность хоть немного помочь тебе. Это самое большое моё счастье, чем-то оправдывающее моё существование. А ты, Сатаней-гуаща, твой образ и твоё имя будут жить вечно, как символ великой силы материнства и человеческой любви, и я буду тайно гордиться тем, что смогла заслужить твою благодарность. Прощай! Назови своего сыночка «Сосруко» – сын камня.

Она медленно, как бы нехотя, потянула и забрала свою руку. Наступила полнейшая тишина, и в комнате Сатаней, за её спиной, стало пусто. Только языки пламени опять качнулись от бесшумно закрытой двери, а затем целая охапка языков огня цвета солнца мощно вырвалась из-под поленьев, и, гудя, затрещали подсохшие дрова. Ярко осветилась её комната таким сильным светом, что нехитрые предметы радостно заплясали в его бликах. Ласковая теплота обняла тело Сатаней, и она, вытирая слёзы счастья, дружно сыпавшиеся из глаз, пошла укладываться спать, спокойная от нового ощущения силы и непоколебимой уверенности.

В самом начале весны Тлепш, как всегда, вечером шёл к своей запруде, чтобы умыться и набрать воду для кузницы. Дойдя до места, он машинально, тоже как обычно, повернулся лицом к дому Сатаней и замер.

На одной из колонн веранды заветного дома висела узкая длинная циновка, раскачиваясь на лёгком ветерке. Его переполнили радость и гордость за рождение сына (он не сомневался, что сон Сатаней в руку) и за счастье быть любимым такой женщиной. Возбужденный до предела, он разделся и плескался в ледяной воде, с удовольствием фырча и пританцовывая. Он знал, что она смотрит на него и, возможно, показывает

сыну.

Ночью он, с трудом дождавшись беспроглядной темноты, пробрался к её дому, ступая осторожно по примёрзшей земле, чтобы не оставлять следов, и, тихо открыв дверь в комнату, оказался перед ней.

Долго они стояли в обнимку, втроём – они и маленький комочек, завёрнутый в мягкую, особой выделки шкуру козлёнка.

– Ты не представляешь себе, какой он хорошенький, какой он крепенький. У него такие ручки, невозможно их запеленать, он кряхтит, как старичок, борется, пока не высвободит ручки, и только так и засыпает. А какой он волевой и требовательный, попробуй его не покормить вовремя или не поменять мокрую шкуру. Он дерётся, бьёт руками, головой и рычит, как медвежонок, – говорила и говорила Сатаней, а Тлепш слушал с таким вниманием, ему казалось, что интересней и важнее этих сведений нет и не было на всём свете никогда.

В эту ночь они договорились и выбрали план действия. Они знали, что на днях будет начало нового лунного месяца и смотрительница села, старая амазонка, как обычно, поедет в крепость с докладом. А на обратном пути она заедет в кузницу, где и нарты имеют привычку собираться и ждать от неё новостей и указаний. Кузница Тлепша была излюбленным местом сбора нартов и для решения общих насущных вопросов жизни села.

В назначенный день Сатаней увидела, что старая смотрительница уехала в сторону крепости. Она с нетерпением ожидала её возвращения, стоя у двери, и как только увидела, что старая амазонка показалась в поле между крепостью и селом и направилась в сторону кузницы, Сатаней принялась за дело.

Она замесила порошок и, взяв заранее приготовленную кожаную куклу, облепила её, оставив отверстие, чтобы можно было просунуть внутрь камня ребёнка и для изъятия куклы. Она работала в гладких кожаных рукавицах, чтобы на камне не осталось следов рук.

Затем, вытащив куклу, уложила туда спящего ребёнка и быстро залепила отверстие. Выкинув свои рукавицы и деревянную посуду, где замесила раствор, в огонь очага, она схватила камень и побежала к кузнице, довольная тем, что всё удалось сделать, как и было задумано.

Она вбежала в кузницу именно в тот момент, когда все успели поздороваться со смотрительницей и уселись, кто где мог.

Сатаней забежала в кузницу с большим розовым камнем в руках, торопясь, положила на наковальню и, протирая как бы обгоревшие ладони и дуя на них, произнесла, волнуясь и сбиваясь:

– Люди, вы не поверите! В этом камне бьётся чьё-то сердце, и он горячий!

Все присутствующие с опаской смотрели на продолговатый розовый камень. Старая амазонка и Тлепш осторожно стали слушать камень, прикладывая ухо. Затем Тлепш попросил смотрительницу поддержать один конец камня, а сам стукнул кулаком по другому. Все зрители шахрахнулись в сторону, а амазонка даже вздрогнула и отшатнулась, когда из расколотого камня показалось красное, вспотевшее тельце ребёнка.

Тлепш, не давая времени никому опомниться, схватил мальчика за бёдра клещами и сунул его в ёмкость с водой, где он закалял стальные изделия. Вместе с ребёнком «случайно» в ёмкость попали и куски камня, которые создали характерное шипение.

Всем показалось, что зашипело горячее тело ребёнка. Тлепш вынул руками заревевшего от испуга чудо-ребёнка и высоко поднял над головой, показывая всем. Пользуясь тем, что все присутствующие от увиденного невероятного явления потеряли дар речи, он протянул ребёнка Сатаней со словами:

– Сатаней! У тебя нет ни забот, ни семьи, возьми себе этого Сосруко*, чтобы не было скучно, а мы найдём ему кормилицу!

Сатаней схватила плачущего ребёнка, спрятав под платок на груди, вышла из кузницы и быстрым шагом пошла к реге.

Постепенно придя в себя, люди начали переговариваться шёпотом. Молились богам, чтобы такое чудо было добрым знаком, трогали камень, разглядывали и удивлялись, какой он ещё горячий. Но Тлепш, потрогав, сказал, что камень уже остывает.

Тут старуха, окончательно придя в себя, поспешно и решительно подошла, отстранив всех, сначала осторожно потрогала и, убедившись, что камень уже остывает, схватила его, завернула в подол своей бурки, надетой поверх кольчуги, села на своего коня и понеслась с места в карьер обратно к крепости.

К вечеру делегация уд уже сидела в доме Сатаней и молча наблюдала, как та, проделав дырку в кожаном маленьком бурдюке, кормила малыша козьим молоком.

На вопрос, где она нашла этот камень, Сатаней ответила, не моргнув глазом:

– Вы же знаете, на что только не способен этот грязный Жемухо. Так вот, прошлым летом я, спрятавшись от людских глаз, мылась в речке, там, где облепиховые заросли. Почувствовав кожей чей-то взгляд, я обернулась и увидела это существо, Жемухо, который, сбросив штаны, стоял за речкой и нагло смотрел на моё тело. Он зарычал, как зверь, и я увидела, как большая струя его семени, перелетев реку, попала на один камень под моими ногами и тут же впиталась в него. Я, схватив одежду, убежала за кусты и, одевшись, пошла домой.

Затем, через два месяца, пойдя за водой, я присела на камень отдохнуть. Вы же знаете, что моя болезнь забирает много сил. Присев, я почувствовала, что камень очень тёплый, хотя уже была осень и солнце уже не могло так нагреть его. Посмотрев внимательно, я узнала камень, на который попало семя Жемухо, и, приложив ухо, почувствовала слабую пульсацию внутри камня. Решив из любопытства посмотреть, чем всё это закончится, я забрала камень домой и положила в тёплое место.

А недавно, случайно тронув камень, я почувствовала, что внутри него бьётся сердце, и он стал совсем горячий, схватила и побежала в кузницу. Остальное вы, наверное, уже слышали не раз. Пусть ребёнок будет у меня, пока я не найду нормальную кормилицу и не отдам ей.

Старшая уд потребовала распеленать и долго осматривала малыша.

Затем произнесла вслух, что ребёнок как ребёнок, только очень крепкий и здоровый, на что присутствующие рассмеялись, мол, от такого здорового и тупого отца и от такой мощной струи, конечно, будет крепыш.

Когда Сатаней осталась одна, она выкинула в очаг бурдюк, расстегнувшись, достала грудь и начала кормить ребёнка. Сатаней знала, что придёт ещё и гроза всех амазонок – злая и кровожадная Бырымбух, которая является правой рукой Щхьэгуашэ – верховной царицы империи, по внутренней дисциплине. Перед ней дрожали и предводительницы крепостей, и даже всезнающие и недостижимые старухи – члены высшего совета империи.

Она пришла неожиданно и застала Сатаней, именно когда та в очередной раз кормила малыша.

– Что, поселилась в нартском селе и живёшь, рожая и воспитывая детей?¹ – спросила она, предвкушая грандиозное и небывалое разоблачение тысячелетия.

– Ты ошибаешься. Он Сосруко – сын камня! – спокойно ответила Сатаней.

– Ты считаешь, что перехитрила всех? На моих глазах ты кормишь грудью и так нагло рассказываешь сказки про какой-то камень? Он твой сын и должен умереть! Нет у него права на жизнь, так же, как и у тебя! – закричала Бырымбух, торжествуя глядя в глаза Сатаней.

– Да! Он мой сын! Зовут его Сосруко, и он переживёт сына Альбеча и амазонки Бырымбух, которого нарекли Тотарешем! – ответила Сатаней, с вызовом глядя старухе в глаза.

Бырымбух, услышав такое, вздрогнула и сникла разом. Она медленно опустилась на стульчик и низко уронила голову. С головы слетел драгоценный шлем и со звоном упал на пол. У неё перехватило дыхание, она не могла произнести ни слова.

А Сатаней продолжала, тихо и внятно:

– Видишь, твой шлем упал с головы потому, что и ты носишь его незаконно. Потому что и ты не амазонка, а обыкновенная мать. Боишься, что твоего сына лишат жизни. Но как же ты, имеющая сына, можешь нагло осуждать меня? И как может мать обречь на смерть ребёнка!

– Ты ведьма! Откуда и каким образом ты это разнюхала?!

– Я поняла всё. Думаю, что и ты будешь молчать про моего ребёнка, – добавила она после паузы тихо. – В отличие от тебя, я молчала и тогда, когда была на высоком посту в крепости. Я уже давно знаю про твоего сына, – добавила Сатаней, чтобы отвести подозрение от своей спасительницы-разведчицы. – Теперь ты не только будешь молчать, но и положишь конец всем выискиваниям уд. Ты ведь умеешь воздействовать на мнение совета, когда хочешь творить зло. Теперь сотвори добро, хоть раз в своей жизни. Сделай так, чтобы никто не посмел тронуть моего сына и пальцем. Я хочу, чтобы меня оставили в покое, иначе тебе недобровать! Слышишь меня?

– Слышу. Конечно, он вышел из камня. Старая дура-смотрительница всё видела. Я сделаю всё, только и сама не играй со мной, молчи и

¹ Цитата из адыгского нартского эпоса.

ты! – сказала Бырымбух и, встав, пошла к двери, держа в руке шлем и забывая надеть его на голову. Сатаней смотрела вслед властной амазонке, которая, сторбившись и постарев сразу на десяток лет, никак не могла нащупать ручку двери, чтобы выбраться наружу.

Бырымбух исполнила всё, что обещала. В крепости объяснили, что Сатаней воспитывает мальчика, вышедшего чудесным образом из камня, что этот камень хранится в крепости.

Но совет уд всё же не поверил Бырымбух и не снимал надзора над домом Сатаней.

Неожиданно в защиту ребенка выступила великанша Нарыбгей. Это была единственная амазонка империи, которой прощалось любое отступление от всех правил и требований устава. Она была любимой телохранительницей верховной царицы. Амазонки говорили, что она не так любима, как хочет всем показать царица, что дело в большей степени было в том, что и сама Шхъэгуащэ боится гнева Нарыбгей, обладавшей неуправляемым диким нравом.

Ее комплекция необъятных размеров не позволяла определить сроки ее беременности. Это обстоятельство позволяло ей рожать неожиданно и где попало. Если Нарыбгей видела, что родила дочь, она приносила и отдавала в детский дом. А в тех случаях, когда на свет появлялся мальчик, она сама бросала новорожденного в костер...

Она, по долгу службы сопровождая верховную царицу, вынуждена была присутствовать на всех советах уд. Она долго и терпеливо слушала все высказывания и бесконечные разноречивые предложения членов совета. Затем, когда ей стало уже все неинтересно, она стала засыпать прямо на заседаниях.

Нарыбгей, не имея привычки в чем либо себя ограничивать, спала, не сдерживая никаких естественных звуков и запахов, что в изобилии сопровождали сон слоноподобной туши. Члены совета вынуждены были все это сносить, не смея (упасите, Боги!) возмутиться или сделать замечание.

И на очередных, довольно долгих дебатах Нарыбгей так громко захрапела, что всем пришлось замолкнуть из-за невозможности перекрыть её храп. От наступившей тишины Нарыбгей неожиданно проснулась и, открыв глаза, увидела, что все смотрят в её сторону, укоризненно качая головой и с нескрываемой усмешкой во взглядах.

Это привело её в дикую ярость. Она вскочила и пнула ногой сплетённую из кольев и хвороста и обмазанную глиняным раствором стену, которая, не выдержав силу такой «ножки», с грохотом вывалилась наружу, подняв тучу пыли. Потолок, повиснув на трех стенах, закачался. Сидевшие во дворе молодые амазонки исчезли с визгом, раньше, чем что-то стало видно. Весь дом заскрипел, с потолка посыпалась глина, которой он был обмазан. И прогремел громоподобный голос:

– Вы, выжившие из ума старые суки, долго еще будете воевать с грудным ребенком! Заканчивайте свои карканье, пока я не похоронила всех вас под обломками этого дома!

Но старые уд уже под конец её гневной фразы были на безопасном

расстоянии, успев вмиг воспользоваться не дверью, а очень кстати образовавшейся широкой брешью.

Нарыбгей пнула другую стену и пошла прочь, стяхивая со своих плеч и головы обломки крыши, которая рухнула на нее. И еще долго она орала, так громко, что было слышно далеко, потому что никто не подошел к ней близко, чтобы выслушать ее мнение о недопустимости небывалого позора, чтобы всей империей воевать с одним грудным ребенком. Она ещё долго ходила, возмущённая, ища глазами ту, кому можно было доказать свою правоту. Но тут она обратила, наконец, внимание, что подвязка, на которой держится наколенник правой ноги, развязалась. Она присела на большой валун под тенистым деревом, поправила подвязку, прислонившись спиной к стволу дерева, уронила набок голову и захрапела.

Но после этого случая разговоры о том, какой смерти предать Сатаней и маленького Сосруко, прекратились.

Сатаней получила возможность спокойно воспитывать сына. Вскоре Сосруко стал любимцем нартов. С самого раннего детства он не был похож на обычного ребёнка. Он рос и развивался в три раза лучше и быстрее, чем его ровесники.

К пятнадцати годам Сосруко показывал богатырскую силу и смекалку. Тлепш всячески поощрял и воодушевлял своего скрытого сына. Сатаней неустанно обучала его владению всеми видами оружия по системе амазонок.

Тлепш нашёл способ выковать для сына великолепный меч, ставший впоследствии известным всем нартам. Как награду за победу на турнире, он получил доспехи. Коня он сам добыл себе, перехитрив старую амазонку-табунщицу.

Никому из нартских эпических героев не удалось совершить и половины подвигов Сосруко. Он стал любимцем и самым ярким героем эпоса. Нарты гордились им и пели ему гимны.

Но не всем он нравился. Амазонки считали его предвестником конца света.

Однажды Сосруко со своими друзьями находился в одном из многочисленных походов. У них закончилась еда. И в один из вечеров уставшие и голодные всадники увидели дымок в очень отдалённом и глухом лесу. В надежде обсушиться, перекусить и отдохнуть, они поехали на дымок.

В глуши, обнаружив небольшое жилище, нарты, во главе с Сосруко, позвали хозяина. На зов вышла очень старая женщина и смело пригласила всю группу спешиться и быть гостями. Разочарованные нарты спешились, хотя были уверены, что старуха не сможет их накормить.

Старая хозяйка попросила нартов развести два костра и поставить два больших котла, наполнив их водой до половины. Нарты всё исполнили, думая, что хозяйка просто уже выжила из ума.

Когда вода в котлах закипела, старуха достала из своей кладовки два небольших кожаных мешочка и подошла к котлам. В один высыпала очень мелкое пшено из одного мешочка. Во второй котёл она бросила

содержимое другого мешочка – очень сухое и непонятное.

Нарты удивлённо переглянулись, но ничего не сказали, уже окончательно убедившись, что хозяйка сумасшедшая. Они молчали, уважая её возраст в соответствии с требованиями обычаев, в которых они были воспитаны. А старуха невозмутимо перемешивала деревянной лопаткой содержимое то одного котла, то второго.

Вскоре содержимое котлов начало густеть, и, к великому удивлению гостей, не имеющих понятия о концентрированных продуктах, в одном котле созрела густая пшеничная паста, а в другом – небольшие, но очень ароматные куски мяса. И оба котла были полными до краёв.

Проголодавшиеся нарты насытились, поблагодарили хозяйку и спросили, как могло получиться, что из горстки пшена выросло такое количество пасты, а из горстки порошка – полный котёл мяса?

Хозяйка нехотя пробурчала, что это из старых запасов и что в дальнейшем таких продуктов не будет, так как настанёт конец света.

– Отчего же настанёт конец света? – спросил Сосруко.

– Оттого, что на свет родился зловещий Сосруко! – со злостью ответила старуха.

Гости еще раз поблагодарили хозяйку за чудесный ужин и двинулись дальше.

Нарты ехали и всё удивлялись увиденной силе продуктов. Говорили о том, что, имея такие продукты, можно уходить в многомесячные походы, так как каждый всадник, не обременяя походного коня, может набрать пищи на долгое время.

Сосруко ехал молча, удручённый услышанным. У него, привыкшего к постоянному восхищению его действиями со стороны людей, было тяжело на душе. Он знал, что Сатаней, родив и сохранив ему жизнь, действительно положила начало концу империи зла. Но сознание того, что он явится началом конца великой культуры и знаниям амазонок, тяготило его.

Вскоре ему предстояло узнать, что кроме него есть ещё один человек, на десяток лет старше, – Тотареш, который рождён и воспитан амазонкой.

Но сын Сатаней был защитником людей и его подвиги совершались только на благо нартов, а сын Бырымбух, будучи гораздо мощнее Сосруко и старше его, – напротив, Тотареш был зловещим, не знающим пощады врагом нартов. Он опустошал нартские земли, совершая жестокие набеги, угонял скот и убивал всех, кто оказывался на его пути. И провидению угодно было столкнуть их.

Как-то Сосруко возвращался с нартского праздника – хасы, где он получил первый приз на турнире рыцарей, и увидел впереди себя силуэт всадника, едущего в том же направлении, что и он сам.

Он попытался его догнать, чтобы ехать вдвоём и пообщаться. Однако конь Сосруко не смог догнать его. Тогда Сосруко свернул в сторону. Но едущий впереди вдруг обернулся и поскакал к Сосруко.

Конь незнакомца очень скоро догнал Сосруко и поравнялся с ним. Незнакомец подскочил с левой стороны, удобной для себя, чтобы на-

падать под левую руку противнику, что было само по себе нерыцарским поступком. На полном скаку он просунул древко своей пики под ноги коня Сосруко, заставив его упасть.

Когда Сосруко оказался поверженным на земле, Тотареш прыгнул на него, ещё не оправившегося от тяжёлого падения, и приготовился отрубить ему голову. Но Сосруко обратился к нему и напомнил, что сегодня день хасы и нельзя убивать нарта. Он попросил три дня, чтобы подготовиться, надеть доспехи и выяснить отношения в честном поединке.

Тотареш посмеялся над ним, сказав, что ему и три дня ничего не дадут. Но, уверенный в своём превосходстве, назначил ему на второй день встречу под горой Харама и отпустил.

Сосруко приехал домой удручённый. По его виду Сатаней поняла, что сын потерпел неудачу. Она долго выспрашивала у него, что случилось. Сосруко не говорил ничего.

Сатаней подумала, что сын проиграл турнир на хасе, и спросила, что же там произошло.

Сосруко ответил, что обо всём, что происходит на хасе, не рассказывают женщинам. На что Сатаней сказала, «что её нельзя относить к женщинам, что она может быть сравнима с любым рыцарем-нартом».¹

После долгих споров Сатаней поклялась Небесным Голубым Камнем², что лишит себя жизни своими ножницами, если сын не расскажет обо всём.

Сосруко рассказал ей о случившемся. Тогда мать спросила, как выглядел напавший. Сосруко сказал, что тот могучий нарт был светлым, с волосатой рукой.

– Это сын моей сестры Бырымбух, – сказала Сатаней с грустью, – он непобедим и нет ему равного. Но я клянусь, что помогу тебе одолеть его.

И она поведала сыну, что единственной слабостью Тотареша является пугливость его знаменитого боевого коня, на этом можно построить весь поединок и выиграть его.

Она заказала сотню серебряных колокольчиков и повесила их на хвост коня Сосруко. За ночь она подготовила сыну и панцирь, необходимый для такой битвы.

Наутро Сатаней пораньше отправила сына к месту схватки, чтобы он опередил противника. «Подожди его, – сказала она, – не двигаясь, а когда появится, выскочи из утреннего тумана и напугай его вороного коня звоном колокольчиков. Конь в испуге понесёт его или сбросит. Тут не зевай, нападай сразу, не дай ему опомниться. И не думай давать ему ответную отсрочку, обезглавь сразу же».

Сосруко приехал раньше и, как было сказано, затаился в утреннем тумане. Когда появился Тотареш, он неожиданно налетел и звоном сотни серебряных колокольчиков напугал вороного.

Конь понёс Тотареша, и напрасно тот пытался успокоить его. Тогда Тотареш сдавил грудь коня ногами и переломал ему шесть рёбер. Затем

1 Цитата из адыгского нартского эпоса.

2 Священный камень хеттов, адыгов. И поныне находится в центральной части руин главного храма древней столицы хеттов Хатушаш.

изо всей силы дёрнул поводья назад, разорвал пасть коня удилами. Конь рухнул, увлекая и седока.

В этот момент Сосруко оказался над упавшим Тотарешем, с занесенным мечом, чтобы обезглавить. Тот взмолился о пощаде и стал просить ответную отсрочку. На что Сосруко ответил: «Это не детская игра, чтобы каждый день давать друг другу отсрочки, а мальчишкам – повод для насмешек. Это – серьёзное дело», – и отрубил ему голову. Он привязал голову врага к седлу и поехал домой. Когда он показал голову матери, Сатаней, посмотрев на сына, сказала, что не по-мужски хвастаться перед матерью, показывая ей голову поверженного врага. Лучше отнеси ее родным Тотареша и объясни, где лежит тело, чтобы они похоронили его как подобает. Ибо и мёртвый враг имеет право быть похороненным, а не съеденным вороньём, – наказала она Сосруко.

Пристыженный сын положил голову врага в мешок и сел на своего коня, чтобы исполнить волю Сатаней.

– Только ничего не ешь в доме Бырымбух и ни на миг не теряй бдительности, – добавила она.

Сосруко нашёл дом Бырымбух, заехал во двор, спешился с правой стороны коня и зашёл в дом для приезжих.

Бырымбух, увидев его, тут же догадалась, что с сыном случилась беда. Она по обычаю вынесла ему пищу. Сосруко, помня предостережения матери, отломил кусочек пирога и кинул собаке во двор. Собака проглотила кусок пирога и тут же сдохла.

Рассердившись, Сосруко обратился к хозяйке:

«– Я – Сосруко, сын Сатаней, а ты – старая ведьма Бырымбух, замешивающая яды и плетушая ложь. Если печёшься о своём сыне, он спит на горе Харама, а если спросишь о его голове, то вот она».¹ И он, достав, бросил в подол Бырымбух голову Тотареша. Сел на своего коня и тронулся в обратный путь.

«Тут Бырымбух схватила стальные ножницы и метнула в сторону Сосруко. Ножницы, как стрела, выпущенная из лука, пролетели через крону дерева и пригвоздили край одежды Сосруко к столбу ворот».² Сосруко, дернув, оторвал край и, не оглядываясь, уехал. Родственники Тотареша забрали его тело, пришили голову и похоронили.

«С тех пор нарты могли свободно передвигаться от берега Волги, по дельте Дона и Кубани, по большой равнине Барс. И перестали они пропадать и бояться пускаться в дорогу».³

И начали нарты еще больше возносить имя Сосруко и петь гимны его доблести и силе.

1 Цитата из адыгского нартского эпоса.

2 Цитата из адыгского нартского эпоса.

3 Цитата из адыгского нартского эпоса.

Алим АЛАФАЕВ

БУКЕТ СТИХОВ

*Посвящается
народному поэту КБР,
лауреату Государственной
премии России,
Т. М. Зумакуловой*

ТАНЗИЛЯ

Танзилю читал с утра
И до ночи... ох, мудра!
И улыбку, и слезу,
Гнев и боль стихов несусь.

За добро и против зла
Бьется стойко Танзиля.
Нет её сильней в горах
И в лирических стихах.

Занимается заря –
Меркнут три богатыря:

И Кязим, Керим, Кайсын,
И помельче нартов сын.

Я не против, даже рад
Возродить матриархат.
Власть отдал бы Танзиле –
Рай царил бы на Земле!

Знали б люди всей Земли
Имя мудрой Танзили!
Я без памяти люблю
Поэтессу Танзилю!

ШКОЛЬНЫЕ ДРУЗЬЯ

В новом здании посёлка –
В светлой школе я учусь.
Горы греются под солнцем,
Серебрясь, глядит Эльбрус.

– Брать чужое – некрасиво,
Ну-ка, с другом поделись! –
Не давал Кайсын мне сливы,
Мы чуть-чуть не подрались.

Славится в начальной школе
Наш спортивный третий класс.
На большом футбольном поле
Побеждали мы не раз.

Средь друзей моих, признаться,
Всех умней, добрей Кязим.
С ним давно хочу подрасться,
Но мне стыдно драться с ним.

В боевом и дружном классе
Всех задиристей Кайсын.
Всем мальчишкам нос расквасить
Обещает без причин.

Любим мы одну девчонку,
Танзилю – земли красу,
Что стихи читает звонко,
Носит длинную косу.

Жаль, очкарики пугливы,
Например, Керим – мой друг.
Он принёс в пакете сливы,
Но забрал Кайсын из рук.

Если я побью Кязима,
Будет плакать Танзиля,
Разлюбив меня, Алима...
Так зачем же драться зря?!

УЛЫБКА

Нет милей улыбчивых горянок,
Им лесные ландыши к лицу.
Молодеют горы утром ранним,
Радуюсь рассветному лучу.

Славлю я улыбок нежных силу,
Словно стаю снежных голубей,
Чтоб орлам, парящим в небе синем,
Становилось на душе теплей!

О, улыбка – белокрылый символ
Женщины, счастливой на земле!
Воспевая поэтесс России,
Я слагаю песню Танзиле.

Ученица мудрого Кязима,
Журавлём летящая в горах,
Оттого любима и красива,
Что живёт с улыбкой на устах.

Улыбалась, если было трудно,
Не боялась хмурых облаков,
Помогала, улыбаясь, людям,
Излучая свет своих стихов.
На земле улыбки нет дороже,
Что, как песня, радует людей.
До чего стихи твои похожи
На летящих белых журавлей!

Танзиля – ниспосланная свыше,
Ты прекрасней солнечных лучей!
Ангела увидев иль услышав,
Как не стать добрее и мудрей?!

Танзиля – зари земная Муза,
Светлым ликом сердцу дорога,
Как сиянье вечного Эльбруса
И седой Балкарии снега!

МОИ УЧИТЕЛЯ

В каком бы ни учился классе,
Но были мне учителя –
Пророки мудрые Кавказа:
Кязим, Кайсын и Танзиля.

Идти к вершинам в небе синем
Мне помогали, как друзья,
Даруя мужество и силы,
Кязим, Кайсын и Танзиля.

Когда моя замолкнет песня,
Пусть в провожатых даст земля
Богов, чьё имя всем известно:
Кязим, Кайсын и Танзиля.

СОЛДАТЫ ПОБЕДЫ

Бравый танкист из Нартана

У Мухтара Хамашевича Хамукова жизнь сложилась таким образом, что к восемнадцати годам он имел только начальное образование. Зато он успел приобрести специальность тракториста, что в то время на селе считалось, пожалуй, самой престижной работой. Он на всю жизнь так и остался колхозным механизатором, а полюбившуюся ему работу почти на четыре года прервала война с фашистской Германией.

Мухтар, как говорили его сослуживцы, показал на фронтах войны нечеловеческую выносливость, твердость духа, никогда не проявлял малодушия, смело шел навстречу любой опасности и всегда выходил победителем.

Начинал он войну осенью 1942 года недалеко от нынешнего города Беслан и вместе с частями Красной Армии гнал врага без оглядки прочь с нашей территории. Летом 1943 года при освобождении Харькова получил осколочное ранение и на два месяца вынужден был оставить поле битвы. А по возвращении в часть командование поручило дисциплинированному и умелому танкисту Хамукову ответственное задание – выехать в составе группы солдат в город Челябинск для получения и сопровождения на фронт эшелона с танками.

На обратном пути Мухтара назначили ответственным за доставку по назначению двух новых «тридцатичетверок». За отличное выполнение этого задания Мухтара Хамукова назначили механиком-водителем одной из этих прославленных боевых машин. И громил на ней Мухтар фашистов, пока в одном из боев в танк не попал вражеский снаряд... «Правда, – рассказывал мне после войны герой, – нам, всем

членам экипажа, удалось выскочить из боевой машины и под прикрытием густого черного дыма добежать до леса, отстреливаясь от немцев, которые устремились к танку, чтобы взять нас в плен».

Это только один эпизод из фронтовой жизни солдата Мухтара Хамукова, который в не менее опасных и кровопролитных боях освобождал от врага Украину, Польшу, брал Восточную Пруссию, закончил войну в самом Берлине.

За собственную пролитую кровь, мужество и отвагу Родина наградила этого простого солдата орденом Отечественной войны 1-й степени и медалью «За взятие Кенигсберга».

В конце лета 1945 года Мухтара Хамукова с его частью отправили из Берлина на Восток – на разгром Японии. Но на полпути эшелон остановили, сообщив солдатам, что Япония капитулировала. Так он вернулся домой.

Подвиги и награды Хабаса Шадова

Отважный сын города Чегема, воспитанник комсомола Хабас Пшибиевич Шадов участвовал во всех крупнейших сражениях Великой Отечественной войны, начиная с изгнания фашистов с родного Кавказа до последних битв на территории Германии.

Он был командиром батареи седьмой отдельной истребительной противотанковой бригады и показывал чудеса храбрости и героизма особенно во втором, победном периоде войны.

Его батарея не знала поражений в схватках с вражескими танками, умело и беспощадно истребляла их. Так, в одном из боев на территории Венгрии батарея Хабаса Шадова метким огнем уничтожила четыре немецких танка, а три, в которых оказалось четыре офицера и пять солдат противника, взяла в плен.

За этот подвиг командир Шадов был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, а все солдаты батареи – медалями.

Таких побед на счету Хабаса Шадова было много, и грудь его гимнастерки украсили еще два ордена Красной Звезды, медали «За освобождение Кавказа», «За взятие Будапешта», «За освобождение Белграда», «За взятие Вены».

С такими знаками беспримерного мужества, в звании капитана вернулся домой в 1946 году наш преданный Родине земляк и не один десяток лет трудился на мирном поприще, так же преданно и самоотверженно.

Фронтовой чекист Шахим Тенгизов

Двадцатилетний парень, выходец из бедняцкой семьи нынешнего Нартана Шахим Тенгизов, родившийся в 1899 году, примкнул к новой власти, к большевикам. Огромный природный ум и талант сразу же под-

няли этого крестьянина на вершину руководства Кабарды и Балкарии.

В 1926 году комсомол направил талантливого парня на годичные курсы в Нальчикский учебный городок.

После окончания учебы до войны Шахим Тенгизов выполнял ответственные работы в профсоюзных органах, был первым секретарем Черкесского (ныне Карачаево-Черкесского) обкома ВКП(б), избирался депутатом Верховного Совета СССР первого созыва

10 лет, с 1927 по 1937 гг., Ш. А. Тенгизов работал на разных ответственных должностях в органах ОГПУ республики. За огромный вклад в укрепление государства был награжден орденом Красного Знамени.

С сентября 1941 года Шахим Алиханович работал в органах государственной безопасности. А в первые дни Великой Отечественной войны он подал рапорт с просьбой направить его на фронт по линии Особого отдела.

Служил он в различных частях действующей армии, ловил и разоблачал шпионов, диверсантов, предателей Родины, чем укреплял боеготовность и успехи солдат на фронте. В выполнении своего служебного долга Шахим Тенгизов проявлял беспримерное мужество, отвагу, удивительный талант и умение обезвреживать скрытых и явных врагов Родины. Его фронтовые достижения в борьбе с врагом не раз отмечались высокими наградами Родины.

Так, в 1946 году, когда Тенгизов был демобилизован в звании майора, он был награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды и орденом Отечественной войны 1-й степени, тремя боевыми медалями, именным оружием, которое приравнивается к боевым медалям, и т.д.

По количеству боевых наград, полученных на фронтах Великой Отечественной войны, никто ни в Нартане, ни в Чегемском районе не может сравниться со славным защитником Отечества Шахимом Алихановичем Тенгизовым.

1411 дней и ночей – на фронте

Столько времени длилось непрерывное кровопролитное сражение с немецкими фашистами для Бубы Дышекова – славного сына села Нартана. Теплолюбивый южный парень с самого первого дня мобилизации защищал от врага Северные просторы Советского Союза. Затем он принимал участие в освобождении от фашистов таких стратегически важных морских пунктов на Крайнем Севере, как Петсамо, Киркенес, овладении городами Шило-Хау, Нойштеттин, Руммельсберг, Штольн, Картузы. За мужество, которое проявлял каждый раз при освобождении или взятии этих и других городов солдат Буба Дышеков, он полу-

чал личные благодарности от Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, которых набралось их у него целых двенадцать штук. Но это не все. До конца войны Буба Дышеков мужественно участвовал еще в сотнях сражений, за которые Родина по достоинству наградила его орденами Отечественной войны 1-й степени два раза, Красной Звезды, а также целым рядом боевых медалей.

Заслуживает восхищения и удивления и то, что почти с самого начала войны до победного 9 мая 1945 года наш боевой, смелый и удачливый односельчанин Буба Дышеков оставлял поле сражения только на короткое время после трех, к счастью, нетяжелых ранений: 17 июля, 12 августа и 14 сентября 1941 года. Все остальное время войны он постоянно сражался с врагом, под градом пуль и снарядов.

Кровь, пролитая за Сталинград

Прошло девять лет со дня ухода из жизни славного солдата и защитника Родины из селения Нижний Чегем Юсуфа Баштакова, но односельчане до сих пор хранят память о нем в своем сердце.

Свое мужество и бесстрашие он проявил в неравном бою с бронированными частями фашистов в Сальских степях летом 1942 года, в составе очень плохо вооруженной 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии, воины которой погибали, не имея оружия и боеприпасов для отражения грозного врага, но не сдавали своих боевых позиций. Баштаков отно-

сится к кавалеристам, которые чудом уцелели от ураганного огня бронетехники врага, но позже в других частях нашей славной армии жестоко отомстили ему за нанесенные обиды.

Так, наш славный земляк смело бил врага в осажденном Сталинграде, пока тяжелое ранение в начале 1943 года не вывело его из строя. Несколько месяцев он лечился в одном из госпиталей Таджикистана. Но врачи были бессильны вернуть его в строй воюющих. И в том же году его демобилизовали за непригодность к строевой службе.

За мужество и героизм, проявленные в сражениях с врагом, Юсуф Баштаков был награжден орденом Отечественной войны первой и второй степеней, боевыми медалями «За оборону Кавказа», «За оборону Сталинграда» и «За победу над Германией».

Награда герою за боевые и трудовые подвиги

Как только началась Великая Отечественная война, молодого парня из сел. Нижний Чегем Хасана Жанкишиева призвали на военную службу и направили на учебу в Ейское авиационное училище. Но, будучи

курсантом, Жанкишиев получил тяжелое ранение при вражеской бомбардировке города и был направлен в госпиталь. После выздоровления командование решило направить парня уже в пехотное училище в городе Урюпинске.

Но и здесь Хасану и его сокурсникам не удалось закончить учебу – в августе 1942 года всех их бросили на защиту от приближающегося врага станицы Михайловской.

Первый боевой успех Хасан Саламгериевич получил в сражении за высоту 114,1 с которой немцы наносили нашим частям большие потери. Отбив этот опорный пункт от врага, Хасан и его боевые друзья намного облегчили положение наших.

Затем подразделение, в котором служил Жанкишиев, участвует в сражениях за Туапсе, освобождает станицы Северская, Крымская, Комсомольская и т.д., участвует в прорыве так называемой укрепленной «Голубой линии» немцев, в освобождении Тамани, Темрюка.

Хасан Жанкишиев был участником знаменитой Крымской эпопеи по изгнанию врага с этого полуострова, которая длилась несколько месяцев вплоть до начала 1944 года. Здесь наш земляк успел получить тяжелое ранение, поправиться и вновь встать в ряды освободителей Крыма. В составе 58-й отдельной зенитно-прожекторной ордена Красной Звезды роты Хасан Жанкишиев принимает участие в освобождении Феодосии, Керчи, Бахчисарая, знаменитой Сапун-горы, Севастополя.

Затем волей командования подразделение Хасана оказывается в составе Второго Белорусского фронта, который уже успел полностью изгнать на своем участке фронта фашистов за пределы Советского Союза и интенсивно наступал дальше на запад, занимая вражеские города один за другим – Торн, Данциг, Штеттин, Цопот, Итан, до самой знаменитой встречи наших с американскими союзниками на Эльбе, участником которой был и Хасан Жанкишиев.

За большой вклад в защиту Отечества, мужество и героизм в борьбе с оккупантами Хасан Жанкишиев был награжден орденом Отечественной войны первой степени, медалями «За освобождение Кавказа», «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией».

А за большие достижения в мирном труде после войны Хасан Саламгериевич был награжден вторым по значению в Советском Союзе орденом Октябрьской революции.

Фронтowej связист

Двадцатилетний Назир Гочияев был призван защищать Родину от фашистов из селения Нижний Чегем в марте 1942 года. После краткосрочных курсов Гочияева зачислили в войска связи. И с лета 1942 года до взятия Берлина наш боевой земляк в качестве фронтowej связиста участвовал во всех крупных сражениях, начиная от стен Сталинграда,

пренебрегая смертельной опасностью, немедленно восстанавливал обрывы проводов связи в ходе боев. Не раз был ранен, но снова и снова возвращался на фронт к выполнению своих обязанностей. И всякий раз Назир проявлял мужество, бесстрашие, отвагу и находчивость.

За все это фронтовой связист Назир Гочиев был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени и медалями «За оборону Сталинграда», «За освобождение Праги», «За отвагу» (дважды), «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

Со значком «Ворошиловский стрелок»

В начале 1941 года выпускник Первоцегемской средней школы Гузер Макоев, на груди которого рядом с комсомольским значком сияли значки «Ворошиловский стрелок» и «Готов к труду и обороне», был призван на кадровую службу в Красную Армию.

Вскоре началась Великая Отечественная война, и молодому джигиту Гузеру Макоеву пришлось в боевой обстановке показать, на что способен воспитанник комсомола, прошедший еще в школе через военно-патриотические кружки.

С первого дня войны Гузер прошел фронтовыми дорогами с западных границ, сначала отступая вглубь страны до Сталинграда, а затем победным маршем на запад, до самого Берлина. Макоев мужественно воевал в составе легендарной 62-й армии генерала Чуйкова под Сталинградом, затем на Первом Белорусском фронте и в частях Резерва Главного командования – зам. командира батареи по политической части 502-го артиллерийского полка. Под Сталинградом был тяжело

ранен. Но после выздоровления вновь вернулся на фронт и по-прежнему продолжал беспощадно бить врага.

Неоднократные подвиги Гузера Макоева были отмечены государством орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени и целым рядом боевых медалей. Ему было присвоено звание старший лейтенант.

Демобилизовался Макоев из армии по состоянию здоровья в 1944 году и сразу же включился в мирный труд. Он был в районе на таких ответственных должностях, как главный редактор газеты «Красное знамя», председатель районного комитета ДОСААФ и т.д.

Роза НЫРОВА-УНАЧЕВА,
директор библиотеки КБГУ

ВЫСТОЯВШЕЕ ПОКОЛЕНИЕ

Своего отца, Назира Азаматовича Нырова, я не помню. Как помнить, если мне было всего четыре с небольшим года, когда его призвали на фронт. На фотографии, которую он прислал с фронта, в потрепанной гимнастёрке, он молодой. Видимо, он погиб в начале войны, когда наступательный порыв немцев был силён. Наверное, вместе с ним погиб весь взвод, а иначе как можно исчезнуть бесследно. До сих пор мой отец в числе без вести пропавших. Я всю жизнь завидовала тем, у кого отцы вернулись с фронта живыми, и тем, кто имел о них информацию. По сей день я плачу, когда слышу песни о не вернувшихся с фронта солдатах. Эти песни – про моего отца и таких же несчастных, кому не удалось выжить в аду, устроенном пришедшими из Европы варварами в лице немецких фашистов, которые хотели захватить наши земли, наши города и сёла.

Мне сейчас 76 лет, у меня сын и дочь, у них тоже свои дети. Я, конечно же, счастливая мать и бабушка, но боль в моём сердце из-за чувства утраты не проходит. Народ и весь мир празднует Победу. А таким, как я, а нас, осиротевших детей войны, миллионы, – это повод для слёз по безвременно ушедшим из жизни солдатам этой страшной войны.

Моя бедная бабушка, Лина Лихова, заменила мне мать и отца. Она больше всех любила моего отца, она не верила в его гибель, ждала, ждала долго и упорно, но не дождалась.

Сколько несчастья и горя принесла эта проклятая война на нашу землю, в наши семьи. В одном только Куркужине, откуда я родом, с фронта не вернулось более 270 мужчин. А кто считал количество осиротевших детей Великой Отечественной войны? Кто считал количество погибших на войне матерей, стариков и детей. Они не попали в официальные списки, потому что погибли не на фронте, они погибли там, где их настигала фашистская пуля, в собственных домах, в собственном ауле. Многие дети умерли от холода и голода в военное лихолетье, многие старики и дети – в послевоенную разруху.

Мы недоедали, но помогали из последних сил стране, мы не знали, что такое конфета, а макуха и жареные семечки нам заменяли шоколад. Мы – поколение, лишённое детства, но сумевшее посвятить себя светлому будущему для своих детей и внуков.

Нам не повезло с детством, оно совпало с войной, нам не повезло со старостью, оно совпало с развалом государства, которое мы создали и украшали.

Я работаю с 1960 года в библиотеке, а с 1985 года директором би-

библиотеки КБГУ. Среди сотрудников КБГУ – сотни ветеранов войны, многих уже нет в живых. Горечь потери отца мне помогают облегчить ежегодные мероприятия, проводимые нами с ветеранами войны. Особенно яркими и запоминающимися становятся юбилейные мероприятия. За период моей работы в КБГУ нынешний юбилей – седьмой по счёту.

То, что на этих мероприятиях ощущаю я и такие же дети войны, которых сотни в нашем университете, невозможно передать словами. Именно такая эстафета памяти нам, детям войны, заменяет ту радость, которой лишила нас война, забрав наших отцов.

Огромную благодарность заслуживает КБРО ООО «Дети войны» с её председателем правления Мидой Лостанашевной Шаевой, которая в этот юбилейный год подумала о нас, детях войны. Несмотря на непринятие закона о детях войны Госдумой, она нашла возможность посвятить нам большой концерт звёзд эстрады КБР в самом красивом концертном зале республики, каковым сейчас является Музыкальный театр. Это знаменательное для нас событие произошло 17 апреля 2015 года. На этот концерт были приглашены наиболее яркие представители поколения детей войны республики.

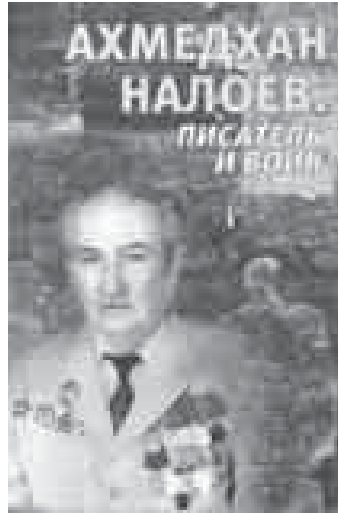
В рамках замечательного концерта М. Л. Шаева собственноручно вручила нам юбилейные памятные медали «Дети войны» на сцене этого замечательного театра музыки. Всё это торжество происходило в присутствии представителей более двадцати школ и учебных заведений города и республики. Это торжественное и трогательное событие положило начало той большой работе, которую она проводит в этом юбилейном году. Благодаря её проекту «Эстафета памяти» сейчас в школах города проводятся встречи учащихся с «Детьми войны», пишутся рефераты и сочинения, и выйдет книга «Эстафета памяти» – по воспоминаниям таких, как я, детей войны. А у нас, у детей и сирот войны, есть о чём вспоминать. Это военное лихолетье, голод, холод, учёба в непригодных помещениях, при отсутствии тепла, школьных принадлежностей, и непосильный труд на полях колхоза с самого детства. Наше поколение, несмотря ни на какие трудности, восстановило разрушенное войной хозяйство, города и сёла, получило в неимоверно сложных условиях высшее образование и обеспечило стране небывало высокое положение в мире. Нынешнее поколение обязано знать о нас побольше.

К великому сожалению, ровесников моего отца – ветеранов войны – становится всё меньше и меньше. В моём родном селении не осталось ни одного, а в КБГУ их всего четыре человека, но нас, детей войны, ещё немало, хотя самым молодым из нас уже по семьдесят, а самому старшему – восемьдесят лет.

Наша великая держава СССР всегда сдерживала врага и добивалась мира во всём мире. Я хочу, чтобы к этому стремилась и нынешняя власть.

Лучше плохой мир, чем хорошая война. Потому что слёзы по поводу войны никогда не высохают у сирот войны.

*Наверно, память нации – уста!
Язык мифологических Милетов.
Андемыркъан в поэзии поэтов!
И детям мы не подаем советов.
Но мы идем – и блещет чистота!*
Руслан Семенов

Ахмедхан Хамурзович Налоев – один из ярких представителей послевоенной кабардинской литературы, ученый-лингвист, педагог, активный участник Великой Отечественной войны.

Родился А. Х. Налоев 10 августа 1921 г. в селении Хатуей Лескенского района Кабардино-Балкарской Республики. Окончив семилетку в родном селе, поступил в Кабардино-Балкарский педрабфак. В 1941-м был призван в Красную Армию, с сентября того же года находился на фронте. Тяжелые испытания выпали на долю новобранца Налоева. Он был в числе защитников Москвы в 1941 году.

В 1942 г. был направлен на учебу в Ленинградское военно-инженерное училище. После его окончания продолжал принимать участие в боевых действиях, командовал взводом, ротой, проявил себя храбрым, решительным и смелым воином, отважным командиром.

За боевые подвиги, умелое командование подразделениями был награжден орденами Александра Невского, Красной Звезды, Отечественной войны I степени, двумя орденами Отечественной войны II степени, десятью медалями СССР и медалью Польской Народной Республики.

Демобилизовавшись из армии в 1946 г., А. Х. Налоев работал в Лескенском райисполкоме, учился на партийных курсах при обкоме ВКП(б). Перед ним открывались большие возможности для успешной служебной карьеры на этом поприще. Но он выбрал путь служения культуре и просвещения родного народа. Уже в зрелом возрасте поступил в пединститут, с отличием окончил его и аспирантуру при нем. Защитил кандидатскую диссертацию. С 1950 г. преподавал в том же институте кабардинский язык, литературу и фольклор. Вел в институте, затем в университете большую и плодотворную научно-педагогическую работу. А. Х. Налоев является автором многих исследований по вопросам развития кабардинского языка.

Он был членом авторского коллектива ряда учебников для школ, академических изданий: «Грамматики кабардино-черкесского языка», «Русско-кабардинско-черкесского словаря».

Любовь к родному слову, огромный жизненный опыт, стремление

осмыслить пройденное в художественных образах и поведать о нем людям, божественный дар рассказчика и повествователя естественным путем привели его в литературу, где он сразу же занял одно из ведущих мест.

В кабардинскую литературу Ахмедхан Налоев пришел в 50-е годы. К тому времени он был уже зрелым человеком, преподавателем университета, доцентом кафедры родного языка и литературы. Он явился одним из тех, кто способствовал возрождению жанра рассказа в кабардинской словесности, став признанным мастером «малой формы» («Ветер с Уруха», «Водяная бабка», «Смена караула», «На рейхстаге есть надпись и на кабардинском языке», «Вечерняя песня», «Пчелиный рой» и многие другие). А. Налоев оживил в кабардинской литературе жанр рассказа, оснастил его новыми изобразительно-выразительными средствами. Обратившись к произведениям больших художественных форм, А. Налоев показал и здесь редкое умение проникнуть в суть поднимаемых проблем.

Со страниц его романов, повестей и рассказов предстает перед читателем живая история народа, многоцветные картины революции, Гражданской и Великой Отечественной войн, не менее драматические страницы из жизни села послевоенных лет.

Писатель стремился нащупать стержневые корни и истоки тех крутых общественных перемен, которые произошли в истории народа в XX веке. Ахмедхан Налоев выделяется особой лирической манерой письма. Индивидуальными чертами его стилистики и поэтики стали психологизм, лиризм, философичность, нравственно-этическая направленность.

Говоря о национальной самобытности прозы Ахмедхана Налоева, о его редком даровании («Андемыркъан в поэзии поэтов!»), Руслан Семенов с помощью риторического восклицания утверждает этот художественный факт и не дает возможности иного его понимания. А. Х. Налоев действительно много сделал для родной литературы. У него есть историко-революционный и социально-психологический роман «Всадник рассвета» (1977), по словам П. Шевлокова, «восполняющий существенный в кабардинской литературе пробел, воспроизводя судьбы горских народов на одном из значительных поворотов их истории». Многие его рассказы и повести посвящены осмыслению драматических последствий Второй мировой войны и многих вопросов духовной жизни кабардинского народа.

Роман «Всадники рассвета», повести и рассказы «Смена караула», «Тень пламени», «Вечерняя песня», «Водяная бабка» и многие другие воссоздают картины героической борьбы за справедливость на земле, свободу и независимость Родины. Со страниц книг А. Налоева предстают глубоко правдивые образы мужественных защитников Отечества, рядовых солдат передовой линии огня, выполняющих самую тяжелую работу на войне. Люди различных национальностей великой страны, вступившей в смертельную схватку с жестоким врагом, показаны как единая, сплоченная и неодолимая сила.

Еще об одной грани литературного творчества Ахмедхана Налоева.

Он – один из немногих, кто не на словах, а на деле, личным примером показал, как надо работать в публицистике. Его статьи и выступления всегда отличались глубоким знанием жизни, непримиримостью к негативным явлениям, особенно ко всякой фальши и показухе. Он выработал свой «моральный кодекс»: сохранить свое человеческое достоинство, не поддаваться обстоятельствам.

А. Х. Налоев принимал активное участие в научной, культурной и общественной жизни республики. Ему было присвоено почетное звание «Народный писатель Кабардино-Балкарской Республики».

Совет местного самоуправления городского округа Нальчик по обращению ассоциации «Хьэтуей» и многотысячного коллектива Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова увековечил память участника Великой Отечественной войны, народного писателя Кабардино-Балкарской Республики Ахмедхана Налоева, установив мемориальную доску на фасаде дома № 169 по ул. Чернышевского, в котором он жил.

Решением № 45 от 6 июля 2012 года Совет местного самоуправления городского округа Нальчик наименовал одну из улиц в Нальчике именем А. Х. Налоева.

Ахмедхан Налоев – адыг-интернационалист. Он достойный и признанный Тамада всей адыгской интеллигенции, его одинаково уважают и любят в Адыгее, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии за острый ум и разносторонний талант, высокий профессионализм и человеческую порядочность, любовь к Отчизне, которую с оружием в руках он защищал в годы Великой Отечественной войны.

Исхак Маишбаиш

Ахмедхан Налоев обратился к кропотливому и не всегда благодарному изучению той «прозы жизни», где героическое далеко не всегда обнаруживает себя громким словом или заметным жестом. Во многих его произведениях звучит полемика с тем методом писания, когда сама жизнь и ее изучение оказывались вроде бы уже и ненужными...

Мусарби Сокуров

Ахмедхан Налоев – мастер художественной детали, которая, благодаря своей выпуклости и точности, заменяет в его прозе целые страницы многословных описаний.

Валентин Кузьмин

Я не знаю, к какому роду относится Ахмедхан Налоев по социальной иерархии, но в литературе он КНЯЗЬ! Иногда мне кажется, что он

несет в себе все лучшие черты своих героев – истинных мужчин, умеющих быть веселыми и суровыми, возвышенными и простыми.

Он – адыг, и он помнит об этом не только когда садится за письменный стол, но и когда находится среди людей.

Ахмедхан – мой старший современник. Я имею счастливую возможность общаться с ним. Это дар, если, конечно, пользоваться им бережно.

Алим Тенпеев

Психологическое мастерство А. Налоева – это прежде всего результат его жизненного опыта. Умение соединять историческое, фактическое и вымышленное, увидеть в каждом герое глубинные истоки национальной неповторимости. Положительные качества, отмеченные в прозе А. Налоева, – глубина психологизма, масштабность, многомерность, умелое сюжетное построение произведения, свободное развитие отдельных характеров...

Анжела Мусукаева

Ахмедхан Налоев неподдельно любит честных людей, жизнь, землю и все то доброе, что свершается на ней. В его произведениях открывается, на первый взгляд, привычный, а на самом деле – живой, свежий, одухотворенный авторскими раздумьями мир дотоле незнакомых страстей, забот и тревог наших современников. Произведения Налоева – своеобразный кладезь тех нравственных ценностей, какие сегодня, быть может, более необходимы, чем когда-либо...

Петр Шевлоков

Ахмедхан Налоев – один из крупных кабардинских писателей. Знаю его со студенческих лет как большого мастера слова. Добрый, отзывчивый, мужественный, он такими же человеческими качествами наделяет своих героев, которые превыше всего ставят справедливость, мужество и честность.

Магомед Мокаев

Ахмедхан Налоев принес в национальную прозу свое видение героического подвига нашего народа в пору Великой Отечественной войны. Писатель скрупулезно, в ярких художественных деталях показывает, как в окопах и землянках задолго до мая 45-го готовился час Победы. И в центре его внимания – прежде всего рядовой солдат, вынесший на своих плечах основные тяготы войны. При этом писатель стремился не столько к эпической широте охвата, сколько к углубленному раскрытию психологии героя.

Хамид Кажаров

Мида ШАОЕВА,
*председатель правления
Кабардино-Балкарского
республиканского
отделения ООО «Дети войны»*

**«ЭТОТ ДЕНЬ МЫ
ПРИБЛИЖАЛИ, КАК МОГЛИ...»**

«Дети войны» – живые свидетели тех страшных бед и испытаний, которые принесла Великая Отечественная война 1941-1945 гг.

Дети войны (1928 – 1945 г.р.) пережили весь ужас бомбежек и артобстрелов, голод и холод, болезни, многие унижения и жестокость на временно оккупированных территориях.

Фашизм поставил перед собой цель – уничтожить детей, чтобы не было преемственности и памяти о зверствах. Многие погибли, но не все. Вместе с взрослыми они работали на победу на предприятиях и транспорте, в колхозах и совхозах, на полях и фермах, на строительстве оборонительных сооружений, на заготовке дров, в тимуровских командах. Сражались с фашистами в партизанских отрядах, воинских частях.

Страшное испытание войной не ожесточило их. Дети войны, потерявшие родителей, не были брошены советским государством. Оно приравняло нужды детей к нуждам фронта. Малолетних детей определяли в дома сирот, многих брали в семьи.

Были открыты новые типы учебных заведений: ФЗО, РУ, суворовские, нахимовские, мореходные, речные училища. Все учащиеся в них были на полном государственном обеспечении.

Впоследствии дети войны стали главной опорой нашей страны, завоевавшей передовые рубежи во всех направлениях народного хозяйства. В настоящее время дети войны – пожилые люди, и государство обязано проявлять заботу о них. Однако оно бросило стариков, о чем говорит нищенское существование и унижительная пенсия, в среднем 7 тысяч рублей, а у некоторых около 5 тыс. руб., и это при непрерывном росте цен и тарифов. Более того: восемь раз отклонялся проект закона «О детях войны» и не был включен в повестку заседаний Государственной Думы РФ. В девятый раз, когда включили, депутаты от партии «Единая Россия» единогласно его заблокировали. Для принятия закона не хватило 13 голосов. Это повторилось и в десятый раз в феврале 2015 года, когда не хватило 20 голосов для принятия закона. Это неправильно. Пожилые люди поколения 1928-1945 гг. рождения заслуживают более достойного

отношения со стороны депутатов Государственной Думы. Власть обязана решить все социальные проблемы, которые обеспечат достойную жизнь детям войны, так же, как и в других странах мира. Мы надеемся, что руководство нашей республики, как и в целом ряде других регионов РФ, найдёт возможность решить данную проблему из собственных резервов.

Дети войны являются основными преемниками эстафеты участников Великой Отечественной войны, они уже сейчас передают свои знания и любовь к Родине молодому поколению, воспитывая патриотизм и верность Родине, а также участвуя в мероприятиях, посвященных 70-ю Победы нашего народа в Великой Отечественной войне. В республике запущена программа «Эстафета памяти». Сейчас она охватывает многие школы республики. Сегодняшние дети пишут сочинения, рефераты о детях войны, был проведён юбилейный концерт «Победный май», в рамках которого сорок наиболее ярких представителей организации из поколения детей войны впервые получили памятные медали. Эта работа получила отклик и в районах. Педагогические коллективы школ с удовольствием отзываются на сотрудничество по воспитанию детей на примере героического подвига поколения детей войны.

17 апреля 2015 года. Музыкальный театр. Вручение памятных медалей детям войны в рамках концертной программы «Победный май»

ЖИТЬ ДЛЯ НАРОДА

10 июля текущего года в Нальчике, на фасаде дома по ул. Ленина, 16, была открыта мемориальная доска, посвященная всеми любимому кабардинскому артисту театра и кино Пшизаби Забековичу Мисостишхову.

У дома, где жил Пшизаби Забекович, собрались представители министерства культуры КБР, местной администрации г.о. Нальчик, Союза театральных деятелей КБР, официальные лица, родные и друзья, жители города.

К присутствующим обратился Азвор Агтаев, ведущий митинга: «Сегодня мы собрались у дома, где проживал заслуженный артист Кабардино-Балкарской АССР, народный артист Абхазской АССР, заслуженный артист Российской Федерации Пшизаби Забекович Мисостишхов, чтобы отдать дань памяти замечательному актеру, высоко достойному человеку, славному сыну своего народа.

Служение кабардинскому театру Пшизаби Мисостишхов начал после окончания ГИТИСа в 1958 году. Благодаря неустанному труду и особой жизненной закалке он через годы пронес молодость души и щедрость таланта, оптимизм и неизменную доброжелательность.

Блистательный актер, человек огромного обаяния и глубочайшей внутренней культуры, Пшизаби Забекович прошел большой профессиональный путь, заслужив признание коллег и огромную любовь зрителей.

Его искусство, без преувеличения, стало достоянием Кабардино-Балкарии. Яркий темперамент, превосходное чувство стиля, дар сценического перевоплощения позволили ему создать незабываемые образы, которые навсегда останутся в сердцах поклонников его таланта.

Искренность и обаяние, умение быть убедительным в каждой роли помогли Пшизаби Забековичу добиться успеха на творческом пути, стать одним из самых популярных актёров Кабардино-Балкарии. Созданные им роли служат эталоном профессионального мастерства и безупречного художественного вкуса. В его творческой палитре представлены самые разные образы, и всегда роли, исполняемые Пшизаби Мисостишховым, были наполнены необычайным обаянием и человечностью.

Талант Пшизаби Забековича был по достоинству оценен, ему присуждены государственные награды – медаль «За трудовое отличие» (1958), Государственная премия Абхазии им. Д. Гулиа (1984), Государственная премия Кабардино-Балкарии (1998), Почетная грамота Кабардино-Балкарии (1965, 1996).

Пшизаби Забекович был всесторонне талантливый человеком: он являлся автором стихов, рассказов, пьес, песен, переводчиком пьес с русского на кабардинский язык. Большой интерес вызывали его работы как автора и ведущего теле- и радиопередач: «Хаса», «Адиюх», «Театр и зритель», «Сатира и юмор». Довольно продолжительное время Пшизаби Забекович работал главным режиссером ТВ.

Пшизаби Забекович очень трепетно относился к родному языку, культуре родной Кабардино-Балкарии. Он являлся прекрасным актером, супругом, нежным отцом и, конечно же, патриотом и гражданином.

Человек жив, пока жива память о нем. Имя Мисостишхова Пшизаби Забековича навсегда сохранится в наших сердцах».

Присутствующие почтили память артиста минутой молчания, и ведущий предоставил слово министру культуры КБР М. А. Кумахову. Затем выступали Р. Б. Фиров, К. К. Эфендиев, Х. Х. Сохроков, Ф. А. Хараев, М. М. Хафице, М. Д. Фирова и заместитель главы местной администрации села Псыгансу.

Почетное право открыть мемориальную доску предоставили вдове Пшизаби Мисостишхова – Куне Хажбаровне Жакамуховой, которая вышла к микрофону с сыном и дочерью и поблагодарила всех собравшихся за истинно всенародную любовь к артисту, за память, живущую в их сердцах.

Надежда СОТНИКОВА

Надежда Яковлевна Сотникова родилась в г. Нальчике в 1937 году. В 1956 г. окончила школу № 6 г. Нальчика и поступила в медицинское училище. По окончании медицинского училища работала фельдшером-акушером, а затем медицинской сестрой физиотерапевтического кабинета в курортной поликлинике.

ОТГОЛОСОК ДНЯ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Детство оставило добрый след в моей душе, и это – самые яркие, запоминающиеся, трогательные впечатления моей жизни. Семья, природа, окружающий мир формировали, утверждали мою личность. Я очень полюбила свой далёкий, ранний, любимый зелёный хуторок – «былинку в степи», куда нас, внуков, в самом начале войны, в 1941 году, подальше от военного ужаса увезла из Нальчика наша любимая бабушка, Екатерина Степановна, и куда я так часто возвращаюсь в мыслях, не жалея слёз своих. Хуторок! Босоное наше детство, опалённое войной... И – как отголосок дня Великой Победы – несколько слов о ней.

1945 год, май, хутор Вавилон на Ставрополье. Мне восемь лет, школьница. «Война закончилась!» – сообщила учительница Софья Ивановна. Босоногие, полуодетые, голодные плакали горько, по-детски. На хуторе – сплошной стон, слёзы, рыдания до потери сознания... Скорбь. Справиться с таким состоянием плачущих старалась наша мудрая, сильная духом бабушка Екатерина Степановна, которая была старше всех. Её слова: «Не унывать! Жизнь продолжается! Надежда жить дальше есть!» – запомнились на всю жизнь. И это все хранит моя детская память.

Победе радовались, скорбя...

СЕРЕБРЯНАЯ ВИЛКА

Колочая изгородь въелась в ладони,
В голодных глазах – застаревшая боль.
На узников души из лагерной зоны
По воле охранника сыплется соль.
Эсэсовец делает это с ухмылкой,
Ему захотелось себя поразвлечь:
Он кормит собаку с серебряной вилки,
Пытаясь вниманье детишек привлечь.
Овчарке рука разлюбезного немца
Старается выбрать получше кусок,
Затем молоком, как мамаша младенца,
Побалует вдоволь, остатки ж – в песок!
А узники-дети не чувствуют боли,
Сжимая «колочку» дрожащей рукой.
Ох, как же им, лагерным, хочется воли,
И вдоволь наесться баланды с мукой.
А вдруг повезёт – и эсэсовец бросит
Остатки котлеты из песьего рта.
Безмолвно голодные глазоньки просят,
Но шанса не будет им даже из ста.
Фашист-изувер в офицерских погонах
Эффекту кормёжки безудержно рад.
Он млеет от власти и детского стона,
И он для него – как победный парад...
О, люди Земли, неужели фашистам
Вы вновь предоставите волю и кров,
Забывши детей уничтоженных души,
Невинно пролитую детскую кровь.

Евгений ЛИСТОПАДОВ

ПОЕЗД ИДЕТ ВО ВСЕ СТОРОНЫ

Главы из романа

...Бабушка! Милая моя бабуля! Ты еще не знаешь, куда занесло твоего любимого внука. А когда тебе сообщат, то твои уже поседевшие волосы через год станут совсем белыми. А затем ослабеет и зрение, хуже станешь слышать, раздражая своих близких, переспрашивая... Бабуля, моя бабуля...

А как радовалась ты моему первому слову: «Баба!». И моим первым шагам. Ты стряпала на кухне, а я сопровождал тебя от стола к печке, уцепившись за твой фартук двумя ручонками. О! Этот твой фартук! В его карманах всегда было что-то припасено вкусненькое для меня – конфеты, прянички, кусочки сахара-рафинада и другие нечастые в крестьянской семье сладости.

А в войну? Да и в послевоенные годы? Ты умудрялась сохранить для меня, правда, не каждый день, огрызок сухарика, кусочек макухи или горсть поджаренной кукурузы. А когда жить стало совсем худо, ты ночью, таясь, выходила в поле. Да и не ты одна – много там было голодающих. Вы собирали примерзшие к земле колоски, полуосыпавшиеся мелкие шляпки подсолнуха, искали в земле подмороженные клубни картофеля. А когда вы возвращались с этой скудной добычей, вас у края поля поджидали объездчики, с которыми происходили настоящие сражения....

Сколько слез пролила, сколько бессонных ночей провела ты у моей постели, когда я заболел! А когда хворь отступила, я, измученный и исхудавший, слабым голосом попросил у тебя:

– Бабуля, хлебца хочу!

А ты в ответ только горько заплакала, потому что хлеба в доме не было. Он-то был, но это не хлеб, а слипшаяся масса из отрубей, жмыха, проса, овса, травы... А мне хотелось того, который ты раньше выпекала сама, большими, пышными и душистыми караваемы из белой муки с известными только тебе добавками, с поджаристой коричневой корочкой. Из-за этой корочки в доме между детьми часто ссоры возникали. Каждый хотел ее заполучить.

Когда тебе что-либо удавалось раздобыть из продуктов – стакан пшена, банку перловой крупы или несколько початков кукурузы, – ты, сварив ничем не сдобренную кашу в чугунке, всем поделив поровну, себе почти ничего не оставляла. А я это замечал. И, съев несколько ложек, отталкивал от себя чашку и говорил:

– Ешь, бабуля, это тебе.

А тетка плакала, и дядька шмыгал носом, потому что они свою порцию уже съели. Ты на них строго покрикивала и, положив на мою стри-

женую голову свою шершавую от постоянной тяжелой работы ладонь, ласково уговаривала:

– Ах ты, жалочка моя! Ешь, мой родной. Я не хочу.

И я, конечно, все съедал. Я тебе верил. Верить хотелось, уж очень был голоден. Тщательно облизывал ложку и миску вместе с каплями слез, накапавшими в нее.

С нетерпением ждали весны, потому что весной переходили на «подножный корм»: щавель, молодая крапива, стебли зеленого камыша, корешки растений, цветы на акациях распускались – их кашкой звали. И лопали вместе с мошками, где они заводились. На грядках появлялся ранний краснобокий редис.

На Дону и впадающих в него речках рыба водилась. После разлива, когда Дон подбирал свою воду, оставляя заполненными озера, ставки и лужи, мы с пацанами брали в руки сапетки с выдранными днищами и гоняли по лужам шурят, красноперок и другую молодежь. Она, бывало, кишла в этой мутной, не выше коленок, жиже. Шлеп на дно сапетку – и, пошарив рукой, вытаскиваешь рыбешку. В сумку ее из-под противогаза...

В один из таких майских дней, когда Витька еще спал, в хату забежала мать и, растормошив его, смеясь и плача, все повторяла и повторяла:

– Да проснись ты, соня! Проснись! Война закончилась! Война закончилась, сыночек!..

Когда Витька выбежал на улицу, яркое солнце и невообразимый ликующий шум и гвалт ошарашили его. Звучала музыка, раздавалась стрельба, визг, радостные крики. Все обнимались, смеялись и плакали. Витька заметил, что плачущих было больше. Тогда он не понимал, чего это они? Все так ждали этого дня! Радоваться надо, а они слезы льют! Некоторые женщины голосили на всю улицу, приговаривая: «Ой, родненький ты мой! На кого же ты меня оставил?! Да как же я без тебя жить-то буду?!»

Мать оставалась в хате. Вернулся к ней и Витька. Она сидела на кровати недвижимо, молчаливо уставившись застывшим взглядом в одну точку на земляном полу, только руки нервно теребили конец платка, свесившегося с плеч.

– Ты чего, мама? Ну, не надо! Мама! Пожалуйста, не надо!

Таким жутким и пугающим было выражение на лице матери, что Витька не выдержал и истерично закричал:

– Мама! Не надо!

Такого рода импульсы, отчаянный окрик и не дают самоубийцам совершить последний шаг в пропасть, спустить курок, захлестнуть петлю на шею.

Мать стряхнула с себя оцепенение, протянула к нему руки и они обнялись. Когда бабушка вернулась с улицы в хату, то увидела такую картину: мать и сын, крепко обнявшись, сидели на кровати и проливали горькие слезы. Она все поняла, присела рядом и стала их ласково успокаивать. Да и как ей было не понять! Боль и обида, копившиеся все эти

годы, выплеснулись наружу – это и утраченные надежды, и искалеченная молодость, и нужда, и непосильный рабский труд впроголодь, и гибель сынишки, и похоронка на мужа. А сколько других лишений им вместе пришлось пережить, да и врозь.

Мать вместе с другими молодыми женщинами немцы отловили и отправили на работу в Германию. На Украине поезд с рабынями попал под бомбежку. Она живой осталась. Более месяца пробиралась домой, обходя города и села, занятые немцами. Питалась лесными ягодами и овощами с огородов. Чудом перешла линию фронта – своих тоже надо было опасаться, могли обвинить в шпионаже. Но свет не без добрых людей, помогли добраться до дому. Когда она ночью темной тенью проскользнула в хату, переполошила всех. Родная мать ее не сразу признала!

– Нет! Нет! Это не моя мама! – дико закричал Витька, отталкивая ее худыми ручонками.

В станицу возвращались победители. Как только очередной пароход приближался к пристани, тысячи людей бежали встречать своих. Они прибывали из Ростова на пароходе, неспешно шлепавшем лопастями вверх по Дону. У каждой станицы ссаживал группу солдат и офицеров с трофейными гостинцами – аккордеонами, мылом, тетрадами, карандашами, иголками, одежкой. Рядовые – с вещмешками, офицеры – с чемоданами. Иногда к пароходу на буксир цепляли легкую баржу. Люди метались между пароходом и баржей, высматривая своих.

Мать на пристань не ходила.

– Не надо себе сердце рвать, дочка! – говорила ей бабушка.

Витька с мальчишками бегал на пристань и наблюдал, как прибывшие, не дожидаясь, когда подадут сходни, завидев родных, прыгали прямо в воду. Для солдата это было привычным делом. За долгие годы войны им и не такое приходилось делать. Но там их подгонял долг, страх, приказ, а здесь лицо матери, жены, повзрослевшие сынишки и дочурки. Это тоже было похоже на десант.

Когда баржа, натолкнувшись днищем на песок, останавливалась в пяти-шести метрах от берега, с крутого яра к воде бежали встречающие, а с баржи им навстречу высаживались радостно вопящие, гогочущие во все горло отцы и братья. Это мгновение встречи, которое обе стороны с таким нетерпением стремились приблизить, заражала и Витьку радостным настроением. И он со всеми тоже кричал: «Ура! Ура! Победа!»

Ватага пацанов, с которыми Витька бегал встречать победителей на пристань, редела. А через неделю их осталось человек пять с их улицы – им встречать было, как и Витьке, некого. Их отцы с войны не вернутся. Никогда!

Станица гудела и гуляла. Окрестные хутора тоже праздновали возвращение победителей. Особо отличившиеся командиры, сверкая золотом погон, звеня орденами и медалями, пили, пели и плясали с размахом, накрывая столы прямо во дворах. Большинство рядовых, отцепив с просоленных от пота гимнастеров две-три медали, без передыху ушли на

фронт – трудовой. Надо было восстанавливать порушенное немцами, да и нашими, колхозное и совхозное хозяйство, отстроить взорванный элеватор, сожженную маслобойню, мастерские МТС.

Протрезвев, но не остыв от прошлых баталий в ратном поле, спустив спекулянтам реквизируемые у немцев предметы быта, обихода и прочее барахлишко, капитаны, майоры и подполковники (таким звание присваивалось за храбрость, за беспрекословное выполнение приказа вышестоящего командира; они не умением, а числом побеждали; в лобовую бросали батальоны на дзоты, поднимали захлебнувшиеся в атаке полки и без артподготовки вели их на немецкие окопы и заграждения в три ряда; чудом остались живы, потому что «смелого пуля не берет») пошли обивать пороги высоких учреждений, а некоторые – так врываются в кабинеты ответственных начальников, били себя в грудь:

– Ах вы, крысы тыловые! Мы там на фронте за вас кровь проливали, а вы за нашей спиной отсиживались да жирели!..

Таким образом требовали себе доходные должности и различные блага.

Один такой майор жил рядом, напротив их хаты, наискосок. Возвращаясь домой после дружеской попойки, устраивал своей жене дознание с пристрастием, с рукоприкладством:

– Признавайся, сука! – бушевал он на всю улицу. – Говори! Была под немцем? Была? Говори! – и хрясь ее.

Молодая и красивая женщина, побитая и растрепанная, если происходило поздно вечером, выбегала на улицу в одной ночной рубашке и искала спасения у соседней. А майор выходил на крыльцо и салютовал из немецкого браунинга. После очередной такой семейной ссоры она прибежала и в их хату. А майор, у которого, как видно, кончились патроны, в исподнем белье ходил по двору и, перекрывая пение цикад и лягушек, костерил по матушке и бабюшке всех и все подряд.

Бабушка, приветив и кое-как успокоив ни в чем не повинную женщину, взяла лежавшую у печки железную кочергу, но, передумав, поменяла ее на ухват, стоявший тут же, в углу. С закругленными, как у быка, железными рогами, насаженный на массивную ручку – с его помощью ставят и вытаскивают из духовки чугуны и горшки, – он ей показался более весомым «аргументом» для беседы с неугомонным майором.

Гоняла она его по двору довольно долго. Майор побывал и в навозной куче, и пытался спрятаться среди лопухов и репейников, искал спасение на старой груше. Отовсюду баба Паша выковыривала его рогами ухвата и доходчиво объясняла, кто он есть на самом деле, не давая проходу в дом.

– Ах ты лихоманка! Нехристь!.. Пустобрех! Чума тебя возьми! Пропойца проклятый! Немцы промашку дали... Сколько хороших людей побили, и моего зятя тоже! А на тебя пулю пожалели? Я тебе покажу, как над женой измываться! Она у тебя святая! А ты – томно! Я, если тебя не убью, – так покалечу!

Майор быстро отрезвел, но от обороны переходить к нападению не решался – знал, что авторитет у Прасковьи Григорьевны в станице не-

пререкаемый. Она чуть ли не половину детей выкормила и выпестовала, проработав лет тридцать в яслях и детских домах, и слыла хотя и женщиной круглого нрава, но очень честной и справедливой.

На переполох, устроенный Витькиной бабушкой, сбегалась вся улица, и с соседних народ прибыл. Прибежал на шум и участковый милиционер, бабушкин ровесник, ее давнишний приятель.

– Угомонись, Прасковья! Чего это на тебя нашло? – схватившись за ухват, увещевал он ее.

– Не лезь! А то и тебе достанется!

– Вот оглашенная! Да объясните толком, что здесь делается?

– А то и делается!.. – Она отдала ему ухват. – Да ты куда глядишь? У тебя под носом жен мордуют, измываются над ними, а тебе хоть бы что!.. Явились, защитники сраные! – Она указала на майора, сидевшего на стульях крыльца, от стыда прикрывавшего лицо ладонями, щупленького и жалкого; грязное его белье облеплено гроздьями зеленого репейника, в пыли и навозе. Она жестко продолжала: – Другие как люди вернулись. Ну, выпили... А то как же! Такого зверя уложить! Так буде! Пора и за дело браться. А этим все мало, всё пьют, жрут да жен своих колотят. А за что, спрашивается? Объясните ему, люди! Вам все известно – кто да что. Деревня у нас, поди, не город...

Она забрала у участкового ухват и пошла к себе в хату. Навстречу ей жена майора с накинутой на плечи шалью – хотела отдать.

– Потом занесешь. Иди уж! Народ вразумит дурака твоего, – сказала ей бабушка.

А на другой день к вечеру явился с гостинцами майор. В гражданском костюме, держа под руку свою жену. Поклонился бабе Паше и сказал:

– Спасибо вам, тетя Паша, за науку. Вразумили меня, балбеса. А уж как я перед своей Любой виноват – слов нет. Вы да люди мне все рассказали да разъяснили. Не виновата она передо мной ни в чем!

– Да и ты, Степан, меня извиняй, если что не так. Уж больно обидно мне стало за наших баб, а особенно за твою Любу. Я ведь на свадьбе вашей гуляла, и первенца вашего кормила – помер в младенчестве, царствие ему небесное. И лад и любовь промеж вас были. А тут – нате вам! Да знаешь ли ты, лихоманка тебя забери, сколько горя, страха да страданий она натерпелась? Сколько всего пришлось пережить, когда она от немцев ховалась? Да и наши кобели не лучше. И анчуткой обряжалась, и личико хотела себе изуродовать. Да мы, бабы, ей не дозволили...

Майор стоял у порога, виновато понутив голову, незаметно зыркая глазами на ухват, ручка которого торчала из духовки печи. Люба, прижимаясь к нему, поглаживала его безвольно опущенную руку, ласково смотрела на него и укоризненно посматривала на бабу Пашу, давая ей понять – хватит, мол, об этом, мы уже помирились, все выяснили.

– Ну да Бог тебя простит! Лишь бы промежду вами все было налажено. Любо да ладушки... А наше дело – сторона. Чего у порога стоите? Проходите, гости дорогие! Чем богаты, тем и рады, – уже другим тоном обратилась она к ним.

Виктор почувствовал, что отлежал левый бок. Перевернулся на живот, положил подбородок на кисти рук, стал прислушиваться к голосам, доносившимся из разных углов вагона. Лампа «летучая мышь», покачиваясь, тускло освещала лишь среднюю часть вагона, до верхних нар, а далее царил полный мрак. Лишь огоньки сигарок вспыхивали во время затяжек, на секунду подсвечивая лицо курящего. У дяди Васи горела свеча. Там, видимо, резались в буру или реме.

Виктор скосил глаза на ближнее от него зарешеченное окошко – ни зги, темень непроглядная. В ноздри, перебивая кислый запах невымытых тел, летучую вонь испражнений, несло дыхание хвои и болотной гнили. «Вздохнуть бы полной грудью!» – помечтал, не думая о том, что еще как надышится...

По железной крыше вагона пробарабанили крупные капли дождя. «На бреющем из крупнокалиберного пулемета длинной очередью, гад...» Навязчиво стрельнула мысль: «Опять война? Да будь она проклята! Хватит о войне...».

А что было после войны? Да ничего хорошего. Дядьку Мишу призвали в армию. Тетку Олю комсомол мобилизовал на Дальний Восток в рыболовецкий флот. Мать, Витька и бабушка Паша собрали свои нехитрые пожитки и подались в Ростов.

Бабушку пригласила в Ростов ее старинная подруга Нюся в качестве товарки, а вышло – в служанки.

Муж Нюси был крупным воротилой подпольной торговли, и ему нужны были доверенные лица в кругах мелких спекулянтов, где он не желал светиться. Мать должна была раздавать товар торговцам на толкучках да собирать деньги, с чего и иметь свои проценты. В общем, бабушкина философия – «торговать – что воровать» оправдывалась. И в этой безысходной, казалось бы, ситуации заниматься этим прибыльным делом своей дочери она не позволила.

Мать устроилась на работу в какой-то ЖЭК секретарем-машинисткой с окладом в две буханки хлеба на «черном» рынке. Бабушка жила у Нюси, а Витька с матерью – далеко от центра, в доме дальней родни по деду, у четвероюродной тетки Матрены. Занимали угол на кухне, отгороженный занавеской. «Там не ходить, здесь не сидеть, это не трогать», – постоянно напоминала злая, остроносая, с жидкими седыми космами, худющая тетушка.

У нее было двое пацанов. Один – Витькин ровесник, лет десяти, второй – лет четырех. Его она, как-то говорили мальчишки на улице, понесла от дохлого румына, стоявшего у нее на постое во время немецкой оккупации. Капризный, худосочный, болезненный, слюнявый – даже не приплод греха, а сопля врага.

Витька случайно услышал, как эта ведьма, вражеская подстилка, зло шипела своим отпрыскам:

– Нечего вам с ним водиться, с этой вшивой деревенщиной! Хватит! Пожили... Пора и со двора. Пусть убираются!

«Ах ты, зараза!» – затаил Виктор зло и обиду. И, ничего не сказав матери, вернувшейся поздно с работы, на другой день спер у хозяйки из комоды пачку денег, когда та отправилась торговать на базар перекупленным по дешевке барахлом. Детей своих держала впроголодь, а деньги копила.

Ростов и Одесса соперничали между собой на предмет того, у кого больше воря и бандюг. «Ростов – папа, Одесса – мама» – ходила поговорка. Если папа выгонит – мама приютит их, потрошителей карманов, магазинов, квартир и прочих учреждений и заведений, где деньги и другие ценные вещи лежат-хранятся.

Что да как было в Одессе – Виктор знать не мог. Но Ростов сразу после войны – ему запомнился. В 1946 году город еще лежал в руинах – наши его два раза у немцев отбивали. Только центр очистили и, отремонтировав пути на основных магистралях, пустили по ним трамваи. Восстанавливали в первую очередь заводы, фабрики, учреждения, а народ ютился в подвалах, лачугах, бараках, землянках.

Жизнь кипела на базаре, вокзале, толкучках. В одних подворотнях раздевали, в соседних – этим торговали. Товарняки, пассажирские поезда народ брал штурмом. Кто не попадал в вагон, передвигались на крышах, в переполненных тамбурах, на подножках.

В тот год на Украине выдался хороший урожай. Народ из прилегающих областей хлынул туда менять свои пожитки на просо, муку, подсолнечное масло, жмых, кукурузу, сало. Оставшийся от мужа выходной костюм, пальто, сапоги хромовые, новое исподнее женщина могла обменять на мешок картошки, пуд кукурузы, пару кругов макухи, несколько пол-литровых банок пшена, бутылку подсолнечного масла. Тащила добытое на себе пухнувшим от голода ребятишкам, с риском быть по пути ограбленной, покалеченной, а то и хуже...

«Эй, не зевай! Смотри в оба! Не спи в дороге!» По вокзалам и вагонам так и рыщет беспризорная шпана. Лихая шайка ловко, на ходу поезда, забрасывает веревку с металлической «кошкой» на конце и стаскивает с крыши или подножки мешок, узел вместе с уцепившимся в свое добытое с трудом добро бедолагой.

Мать, сколотив из таких же, как и она, вдовушек бригаду, два раза ездила на Полтавщину. На третью поездку вещей не осталось. Вот и подались они в Ростов в поисках лучшей доли.

Дом, в котором жила бабушка в услужении, располагался на центральной улице – Большой Садовой. В субботу по поручению Нюси мать и бабушка ходили на центральный рынок делать закупки: картофель, овощи, засолку, мясо, рыбу, специи разные. Гастрономию, бакалею и прочие дорогостоящие деликатесы приобретала по своим бластным связям сама хозяйка.

Рынок занимал всю прилегающую к кафедральному собору площадь, а начинался с мелких торговцев с рук за квартал со всех сторон.

Из детской памяти возникло целое птичье царство... Витьке было года три, когда ранней весной отчим на легковой машине с брезентовым верхом повез их с матерью к устью реки Маныч. На длинной и широкой песчаной отмели он увидел сотни тысяч красивых белых больших птиц. Выстроившись в шеренги, они двигались навстречу друг другу, смешно переставляя длинные тонкие ножки, грациозно подпрыгивали, помахивая крыльями. Длинная шея изгибается вопросительным знаком: где тут лягушка? где тут рыбешка? В мутной водиче водится. Ты ее поймай, подкинь и глотай, широко раскрыв ножницами длинный клюв.

«Коловорот в природе, внучек, – объясняла Витьке подобные явления в природе бабушка. – Кто-то кого-то кушает».

Обособленно, у самого края, где на берег набегают и скатываются волнистая рябь, снуют, суматошно кидаясь в разных направлениях, черно-белой окраски кулички. Они склеивают оставшихся на песке мелких рачков и разных водяных насекомых.

Чуть далее от берега крупные, сероватой окраски птицы, громко гогоча, переговариваясь между собою, хлопчут, устраивая себе гнезда; другие уже чинно восседают на яйцах.

С тонкими, как лезвие бритвы, крыльями, с перепончатыми лапками чайки стремительно взмывают вверх и, сложив крылья, камнем падают в воду. Уже схвачена поперек туловища и поднята на высоту блистающая серебристой чешуей рыбешка, но выскальзывает. Ее на лету подхватывает другая, третья пытается отнять ее. Завязывается шумная драка. Крики и разноголосый гвалт стоит кругом невообразимый.

На пригорке лиса затевает забавные игры со своим подростим вороватым выводком. Сколько слетелось в одно место лакомого! С заоблачной выси с десятков степных орланов, лениво пошевеливая крыльями с бахромой на концах, совершая круг за кругом, опускаются все ниже и ниже. Они высматривают в этой шумной компании свою дичь. А та пока еще и не подозревает о надвигающейся опасности, не чувствует приближения беспощадного, меткого, хищного охотника. Вот переполоху-то будет!..

Вот так же и на городском рынке, похожем на птичий базар, огромная орава народу орала, зазывая покупателей. Уличенных и пойманных на краже воров били смертным боем, и отбивавшим их от разъяренной толпы милиционерам тоже доставалось.

– Пирожки с капустой! С мясом пирожки! Рыба жареная! Горячая картошка! Сапоги яловые! Галоши, галоши! Женское белье! Бурки мужские и женские! Иголки! Нитки! Чулки! Рейтузы! Носки! Сковородки! Чугунки! Глиняная посуда с глазурью! Пудра, помада! Бигуди! Мыло! Карандаши! Гребешки! Огурчики богаевские, малосольные и свежие!

– Купи галифе. Гля! С лампасами. Их сам маршал Буденный носил. Купи!.. Задешево отдам!

Однорукие, безногие калеки, привязанные к сбитой из досок табуретке без ножек, но на колесах из подшипников, приторговывали папиросами в розницу, махоркой – щепоткой и стаканчиками, дурили наивных и доверчивых, фокусничая с наперстками. Яркие попугайчики за «трояк» вытаскивали из ящичка всем одинаково счастливые писульки клювиком, а подавали лапкой. Цыганки нахально гадали, цыганята плясали «на пузе». Гармонисты, подвыпив и уронив к ногам капелюху, разухабисто распевали песни о несчастной любви и загубленной молодости.

Иногда, перекрывая всеобщий гвалт и шум, раздавался истошный крик: «Обокрали! Держи вора!»

В субботу, ближе к сумеркам, к Ньюсе сходились гости – крупные спекулянты, заведующие базами, магазинами. Являлись и высококотиемые слуги Господа. Сменив рясы на цивильные костюмы, а то и опустив крест за пазуху, подобрав рясу, спрятав косичку под шляпой, опираясь на массивную трость, входили в образ важного научного светила или процветающего адвоката. С ними у хозяина квартиры были какие-то дела. Гуляли иногда и до зари, с песнями и плясками... Слуги Господни не только обильно чревоугодничали, но и греховодничали с появившимися в разгар веселья миловидными прихожанками, а проще – с блудницами.

Мать с бабушкой только готовили, а к столу подавали две другие Ньюсины подружки. Витька сидел на кухне в уголке, тут же и засыпал на стареньком кожаном диване, подложив под голову маленькую плюшевую подушку.

Хозяйка иногда появлялась на кухне, чтобы сделать какое-нибудь распоряжение. При ее виде Витька сжимался в комочек. Уж очень дама была презентабельно-респектабельная, вся в шелках, ярко отбеленная перекисью водорода блондинка, инкрустированная разноцветными камушками, золотом, с дорогими бусами на груди.

Бывало, что в разгар вакханалии чья-либо пьяная рожа, прослышав о красивой дочке поварихи, совалась на кухню. Бабушка решительным образом, особенно не церемонясь, выпроваживала ухажера.

Витька с пачкой денег за пазухой шиковал на базарчике около проходной «Ростсельмаша». Накупив пирожков, он щедро угощал ими случайных дружков. Приглянулась ему девчонка в белой шубке и такой же шапочке с муфточкой. Он и ей предложил пирожок. «Спасибо, – прошептала смущенно она, пряча угощение в муфточку. Девчонка Витьке понравилась, он уже было намеревался познакомиться с ней, но тут откуда ни возьмись появилась ее мама и увела ее, довольно громко выговаривая дочке:

– Это нехороший мальчик, он беспризорник и воришка!

– Я не воришка! Я жрать хочу! – хотелось крикнуть Витьке им вслед.

Девочка шла и оглядывалась. Витька смотрел вслед уходившей от него красивой, нарядно одетой девочке со спрятанным в муфточку пирожком, и на душе у него что-то липкое, поганое ворочалось. Уверенно сказанное матерью девчонки: «Нехороший... Беспризорник... Воришка...» – вначале больно кольнуло, затем... И стыд, и злость, и обида, и новая сумятица взаимоисключающих, необъяснимых ощущений нахлынула на него и вытеснила все прежние. Он своим детским умом начал осознавать, что все, что он сделает хорошего или плохого, сразу останется в невозвратном прошлом, и он не может вернуть назад время, чтобы исключить, добавить, подправить оброненное слово, действие, поступок.

Делать мелкие гадости, совершать крупные мерзости, а одумавшись, остановиться и начинать размышлять о том, что бы это такое приятное сделать, даже – подвиг совершить, дабы обелить себя в глазах людей, друзей близких своих. Это опять же все заново. А то, что уже наследил, плюнул, харкнул, дал в морду, наорал, убил – остается в прошлом, тебе его уже не достать. Оно в памяти навсегда. Можно, конечно, забыть. Это если твоя позиция жизни и мораль – ниже пупка, а если выше? Ох, как же тяжело будет с этим жить! Потому как в памяти остается все – и плохое, и хорошее. С памятью, пока жив, не расстанешься. Ее не задвинешь, ничем не вытравишь, не выбросишь из головы. Память... Мысль... Она всегда с тобой – наяву и во сне.

Особенно во сне она мстительна и беспощадна. И наваливается на тебя таким мучительным укором, что ты, как ни силишься, не можешь ее прогнать. Ох, скорее бы проснуться! Уж как тяжело!

А та другая, светлая и чистая, возникает из этого хаотического небытия с такими мельчайшими приятными подробностями, которые в жизни ускользали от твоего внимания, но заскочили и спрятались в уголки памяти, а тут явились, сияя правдой и чистотой, в радужном свете, в оборвавшемся полете...

Боже мой, какое это наслаждение – повидаться с детством, юностью, родными, друзьями, любимой девушкой... С недоступным и недостижимым в определенных обстоятельствах. Ах, как не хочется пробуждаться! А проснувшись, мечтаешь заснуть да продлить видения. Оборвалось же на недосказанном, расстались на самом сладостном моменте... И только одна мысль овладевает тобой – повторить, продлить эти сладостные грезы, чудные мгновения.

Это он в вагоне, уставившись немигающим взглядом в закопченный потолок, так думал. А в тот день у него в голове возникали другие мысли и желания.

«Хорошо бы каждый день лопать пирожки горячие с картошкой, с капустой, с мясом, да компотом запивать либо морсом». А что хуже – когда тебя мучает голод или совесть?

Пройдут еще десятки лет. Многие будут пережито, многое понято и переосмыслено. Иногда будут возникать другого свойства мысли: стремление ответить всем-всем! Ответить полной мерой всем и за все.

О! Если бы встретить виновников своего морального падения, ду-

ховной немощи и физической боли! Разыскать обманщиков, обидчиков, вернуть из небытия дурных учителей и лживых наставников – и мордой, харей в эту чашу жизни, наполненную мерзостями. Да за что же ты меня, несмышленища, обидел, гад? Хлебай до дна, скотина! И вы хлебните, вещавшие с трибун о всеобщем равенстве, братстве и счастье... И вы попейте, проповедники светлого будущего... «Оно придет! Оно вот-вот наступит! Его семена мы обронили в благодатную почву... Оглянись вокруг – уже первые ростки появились, да и плоды тоже... Как, горькие? Это же невиданные плоды! Ты их еще не можешь вкушать. Вот дуралей! Учили, учили... А ты?»

И вы хлебните, внушавшие: это не белое – черное, оно не наше – их... это наследие, пережиток наш... Наследие их...

После множества спотыканий, падений, побоев, он пришел к твердому убеждению, что не все люди – люди. В основном, конечно, травоядные, относящиеся к сообществу собирателей и создателей, производителей. Другая особь – пожиратели, людолюбы-людоеды, блюдолизы и просто кровососы. Все под одной личиной ходят. Разница лишь в том, что одни выше, другие ниже, тонкие, толстые, лысые и волосатые, носы прямые и с горбинкой, уши оттопырены или прижаты, глаза зеленые, карие, с поволокой, наглые, сияющие, тусклые. Цвет кожи – белый, черный, желтый; рыжие, альбиносы...

Витька всегда с сочувствием и симпатией будет относиться к людям, зарабатывающим хлеб в поте лица своего, – к простым работягам и к сельским трудягам. К начальствующему человеку – терпимо. Понимал: без командиров производства, от младших по чину и самого высокого ранга, не обойтись. При строящемся социализме – что на гражданке, что в армии – как же без старшин и генералов? Вот построим коммунизм, тогда другое дело – все будут на равных. А уж когда до анархизма дотянем, каждый сам по себе начальник будет и – каждому по потребности. Кто сколько и что захочет, тот столько и то употребляет!

...В тот злополучный зимний день заканчивающегося 1945 года Виктор нехотя плелся к чужому дому.

Удариться в бега, что ли? Бабушку жалко, переживать будет. Мать, конечно, обязательно задаст трепку.

На голове у него была та самая буденовка (имитация шлема, какие надевали русские воины перед битвой). Старую фуфайку бабушка кое-как ушила, но лоснящиеся от соплей рукава ему закатывали. Латаная-перелатаная, в клеточку, из толстой фланели рубашонка на голом теле; штаны, заправленные в валенки, подшитые обрезками автомобильных покрышек, также были латки на латке. Трусов на нем не было, и штаны из парусины больно натирали промежность. Подпоясывался солдатским ремнем таким образом, что за пазухой образовывались вместительные карманы, куда он мог с одной стороны спрятать булку хлеба, а с другой – что-то еще.

Он тихонько поскуливал, как нашкодивший щенок. Ему было обидно за себя, боязно перед матерью и жалко бабушку, которая ему говорила: «Большой это грех, внучек, на чужое добро зариться. В Евангелии

так и сказано – не укради! А коли согрешишь – повинись, помолись, и Господь простит». Да что это за бог такой? За все-все прощает. А куда ни глянь – сплошное божье наказание.

Январские морозы в 1946 году на Дону были лютыми. Днями до сорока градусов термометр опускался. Витька наблюдал, как вокруг солнечного диска образовывались загадочные концентрические круги. Они сквозь морозную дымку проступали ярко-оранжевым, голубым и зеленым свечением. В старину это явление определили бы как знамение свыше. Бабки и деды перед храмом произносили молитву и шептались между собой: «Господи, спаси и помилуй! Неужто опять война либо мор?»

Виктор с матерью и бабушкой вышли из храма на мороз и, сев в трамвай, поехали на вокзал. Предстояла дорога в далекие и неведомые края – так порешили на семейном совете.

– Надо ехать, Ксенюшка! Люди говорят, что там и работу хорошую можно найти, и край тот войной не порушен, и народ тамошний гостеприимный, добрый... А как устроитесь, и я к вам приеду. Да и тепло там. Не пропадете, Бог милостив. Поезжайте... – говорила матери бабушка в переполненном зале ожидания.

Когда объявили посадку на поезд «Ростов-Махачкала», бабушка, прижимая к себе Виктора, чтобы не разрыдаться, всхлипывая, быстро стала говорить:

– Жалочка ты моя! Бог даст, все будет хорошо. Мать слушайся. Не обижайте друг друга. Учиться тебе надо. Ну, идите, идите! Места нужно занимать, а то народу! Народу!.. И куда столько едут? Прощайте! Прощайте! Береги его, Ксюша! – уже вслед выкрикнула она в толпу, которая подхватила их и понесла к вагонам.

Влезли с трудом. Казалось, пассажиров было в несколько раз больше, чем мест. А как поезд тронулся, то через какое-то время все как-то и устроилось. Пожилые, калеки и женщины позанимали нижние полки, а мужики и детвора постарше расположились на верхних. Никто не роптал, не возмущался, не требовал «согласно купленным билетам», само собой все утряслось. Так и двигались на Кавказ, как любили тогда говорить, «в тесноте, да не в обиде».

На больших станциях поезд задерживали по два-три часа. Мать выстаивала длинную очередь за кипятком. Уже на вторые сутки от булки хлеба и куса сахара-рафинада, что дала им на дорогу бабушка, осталась половина от половины. В обед они съели по дольке хлеба; отколов граммов по десять сахару, запивали из одной кружки.

– Это на ужин, сынок. И на завтра что-то нужно оставить. Неизвестно же, как мы там...

Виктор, наблюдая, как мать заворачивала в тряпицу кусок чернухи, подумал: «Зачем это «что-то» оставлять? Наестся бы сразу...».

Когда поезд к полудню прибыл в Махачкалу и Виктор с матерью ступили на перрон, то немало были изумлены происшедшей за ночь пе-

ременой в погоде. Несмотря на резкий ветер, дувший со стороны моря, зимнее солнце греет так, будто это обычная осень. А когда они, обогнув здание вокзала, поднялись по крутым ступеням на прилегающую к нему площадь, то увидели город мирного времени. И ни намека, что где-то была война, жестокая и разрушительная. Ветхие, но совершенно не пострадавшие от пожаров, бомбежек и артиллерийских обстрелов дома чуть ли не петровской эпохи (город до революции назывался Порт-Петровск). Не заметно и той нервной суеты, которую Виктор наблюдал в Ростове и которая присуща большим городам, где «лишних» людей много.

Местные жители, вернувшиеся из России, где они выгодно сбывали на рынках свою продукцию, тут же и растворились, разбежавшись в разные стороны.

Они с матерью заняли одну из арочных ниш, украшавших фасад вокзала, чтобы осмотреться и обдумать свое тягостное положение. Куда это их занесло? Страна своя, а сторона чужая. Что делать? Куда податься? Что и кто их здесь ждет? Тугим тяжким жгутом ворочались у матери в голове мысли и возникали вопросы, безответные, тупиковые. Да где же вы, добрые люди, о которых ей говорила мать? Как и где их найти и как к ним достучаться?

В годы войны и первые десятилетия после доброжелательность, сочувствие и бескорыстную помощь чаще всего можно было найти у людей, живущих в бараках, общежитиях, коммуналках. А слова «добрые люди» стали выше и значительнее всех других лозунгов, призывов и плакатов официальной пропаганды. Они отражали самую суть христианской и мусульманской морали и вообще всей философии, проповедующей человеколюбие.

Бабушка была мудрым человеком. Она знала, что в годы разрухи и всеобщей неустроенности, когда смрадное дыхание войны испепеляет, калечит и убивает ближних, в первую очередь дальние становятся сострадательнее, чутко отзываются на чужое горе. Хотя и им не сладко, не сытно, не весело, но не стреляют, не бомбят, не жгут, не вешают, не угоняют в Германию на каторжные работы.

За Виктором с матерью наблюдала пожилая женщина с кошелкой в руках, из тех, кто выходит к прибывающим или проходящим поездам в надежде продать пассажирам что-либо из съестного: пирожка горячего, вареного картофеля, кукурузного чурека, семечек, фруктов и т.д. Это было их приварком к заработку или к скудной пенсии. А привлек ее внимание необычный вид приезжих. Уж очень они выглядели неприкаянными и растерянными.

Молодая красивая женщина в теплых ботах, в серой длинной юбке, в цигейковой короткой шубке; на голове – туго завязанный вокруг шеи яркий полушалок с бахромой. В руках у нее другой платок, большой, или скатерть узлом. В нем, как видно, все их пожитки. Мальчонка лет десяти, тот вообще выглядел нелепо в своем полувоенном, полугражданском одеянии.

– Приезжие, небось? Издалека ли?

– Из Ростова мы.

– К родне, знакомым или так?

– Да какая уж тут родня! Холодно да и голодно у нас. Вот и поехали. Люди говорят: на Кавказ нужно подаваться. Там нынче прожить, мол, легче. Дешево все... И с работой можно хорошо устроиться... Мы и поехали. Приехали... Не знаем, может, вы что посоветуете?

Тетка смотрела на них с явным сопереживанием – повидала таких на вокзале немало: беженцев, эвакуированных. Особенно в войну. Но всех же не приютишь, не обогреешь, не накормишь!

– Да что вам так сразу посоветовать? Как это вы, не обдумавши: поедем туда – не знаем куда?! Боже ты мой, господи! – Она, всплеснув руками, кинула к ногам пустую кошелку. – Ну да ладошки-оладушки, раз уж вы мне на глаза попались... Я здесь рядом живу. У нас народу во дворе много, как в обители. Сообща и обмозгуем, что да как... Меня Татьяной Ивановной зовут. А вас как кличут?

– Ксения.

– А сынишку?

– Виктор, Витя.

Тетя Таня (так к ней обращались и стар и мал) жила одна. Муж, а затем и единственный сын ушли на войну – навсегда... Жила она в одной комнате в общей квартире, на первом этаже. В коммуналке помещалось еще пять семей, шестая занимала половину общей кухни. Такие излишества, как ванная и туалет, отсутствовали. Частичные удобства были во дворе в виде внушительных размеров деревянного «палаццо» со множеством дверей. Открыто – свободно, закрыто – занято. Массивный, чугунного литья кран с помпой украшал центр двора. Излишки воды по прорытому лопатой узенькому арыку стекали в общий сортир.

Во двор они вошли через арку четырехэтажного жилого дома с поблекшей, еще довоенной, в синий цвет окраской фасада. Мельком Виктор отметил на крыше подобие высоких обшарпанных греческих амфоров.

Двор окружали двухэтажные строения восточного стиля. Несколько шатких скрипучих деревянных лестниц вели к длинным, деревянным же, верандам второго этажа.

К первому этажу прилепились строения социал-реалистического «ренессанса» в виде кухонь, прихожих, кладовок, сарайчиков из кирпича, самана, из листового металла, обтянутого толстой парусиной или рубероидом, горбыля и добротных досок – из того материала, что плохо лежал или не шибко охранялся. Все эти комнатухи и клетушки были пристанищем обезвреженной и униженной старой интеллигенции, недобитого дворянства, представителей многочисленных народов Дагестана, а также мастеровых, крестьянства и всяческих нарушителей паспортного режима – бродяг, воров, спекулянтов всех мастей и других тварей по паре и в одиночку, а также несметного количества крыс, мышей, тараканов, вшей, клопов. И если кто-либо из жильцов из желания повысить санитарный уровень своей среды обитания затевал травлю всех этих разносчиков заразы, прыгающих, ползающих, бегающих, то

паразиты, спасаясь от преследования, отправлялись в эмиграцию в сопредельные апартаменты. И они, паразиты, тоскуя по немытому и вонючему, ставшему близким и родным телу, страдая от ностальгии, вскоре возвращались в родные пенаты и, восстановив статус-кво, многократно приумножались.

Впрочем, большинство людей, борясь за выживание, более думая о хлебе насущном, примирилось с присутствием мелких паразитов и вредных грызунов. В годы войны, да и в последующую пятилетку, когда элементарные средства гигиены были в дефиците (по инерции заводы и фабрики продолжали изготавливать снаряды и пушки, патроны и пулеметы, танки и самолеты и варить сталь, а не мыло), эти гады нещадно заедали худой и немытый советский народ. Прямо божья кара вместо благодати!

Когда тетя Таня ввела мать с Виктором в свою каморку, они с порога были очарованы увиденным: несмотря на тесноту и скудость обстановки, все здесь дышало домашним уютом, веяло теплом и царил тонкая чистота, подчеркнутая белыми пятнами занавесочек на единственном окне, круглыми, продолговатыми, прямоугольными вышивками на этажерке, где стояло с десяток книг; они покрывали крышку патефона, с вычурной тщательностью были разложены на одеяле и подушках и свисали с гнутых железных спинок кровати, были приколоты к коврику с тремя лебедями. А с потолка, над круглым столом, нависал большой розовый абажур.

Гости робко переминались у порога, смущенно озираясь, все еще не веря свалившемуся на них подарку судьбы. Витька, прижав руки к бокам, крутанул фуфайку, почесав ребра, тем самым расшевелил пребывающих в дремоте насекомых. Это движение заметила тетя Таня.

– Ага! – сказала она с улыбкой. – Это мы устроим! Мы их сейчас, паразитов... Да раздевайтесь вы, а одежку – сюда, – она указала на прибитую справа от входной двери деревянную вешалку. – Я сей момент.

Она выскользнула из комнаты и, точно, вернулась минут через пять. В руках у нее были две глиняные миски с янтарного цвета кукурузной кашей, обильно сдобренной тюленьим жиром. Витька и мать неприкаянно стояли посреди комнаты.

– Садитесь к столу. Проголодались, небось, в дороге. Кушайте, кушайте! А я пойду похлопочу насчет бани.

Она усадила их за стол, вручив им по деревянной ложке с поблекшей хохломской росписью, а сама снова убежала.

Через два-три десятка лет Виктор что-то да и забудет из своего босяковского, вшивого, голодного детства, но кашу кукурузную (в народе ее называли мамалыгой) с тюленьим жиром он будет вспоминать и тогда, когда будет обедать или ужинать в самых престижных ресторанах Москвы и других городов. В минуты хандры, просто недовольства чем-либо он мысленно возвращался назад, во времена детства, выковыривал из памяти отдельные эпизоды, веселые и грустные, ощущения, запахи, состояние и настроение души. А то возникало страстное желание вер-

нуться на день-два, заглянуть на несколько минут в прошлое, чтобы быстро-быстро прокрутить все-все до дня сегодняшнего. По пути что-то обойти, избежать, спрятать. Там, где сказал «нет», согласиться, где «да» – нет! На мгновение... Чтобы нырнуть и вынырнуть чистым и радостным.

Виктор тщательно выскреб ложкой чашку. Мать предложила ему добавку от своей порции, но он решительно отказался.

– Что ты, мама! Я же наелся. А это просто так... Вкусно очень! – полируя языком ложку с порозовевшей от удовольствия мордуленцией произнес Виктор.

Тетя Таня вошла в комнату и энергично распорядилась:

– Одевайтесь, собирайтесь – баниться идем. Договорилась, недалеко здесь...

Она сняла со стены вместительную, из толстой парусины сумку, зачихнула в нее из нижнего ящика этажерки какие-то склянки и бутылки. В коридоре сняла со стены веник с дубовыми листьями.

Шли по железнодорожным путям недолго. Баня находилась при кочегарке, снабжавшей тепло депо и несколько барakov, где жили семьи железнодорожников.

– Ты вот что, Татьяна... Как начальство покажется, я гукну, – сказал встретивший их весь в промасленной одежде и угольной пыли высокий и худой мужчина. – За час, небось, управитесь?

– Управимся-управимся. А начальство, оно и подождать может. Сбрехнешь: тетка Таня, мол, с полубовником грехи отмывают.

– Ну ты скажешь... – скаля белые зубы, смущенно проговорил кочегар, открывая ключом дверь и пропуская их внутрь предбанника.

Два высоких окна замазаны белой краской. Большой, с жесткой спинкой черный кожаный диван, два низких мягких кресла, несколько стульев вокруг массивного круглого стола с точеными полными ножками, старинная горка с посудой. Пол застелен широкими красными ковриками дорожками.

Витьке было невдомек, что в бане может быть такая шикарная обстановка.

– Раздевайтесь, располагайтесь! – скомандовала тетя Таня. – Здесь железнодорожное начальство моется. Бывают и их высокие гости: гуляют, парятся. Для тех, кто рылом не вышел – место там, за стенкой, – она указала на еще одну дверь, ведущую, видимо, в общую баню.

Первым догола раздели Виктора.

– Ты, Ксения, тоже раздевайся. Одежонку свою сложите сюда, – она подала ей освободившуюся сумку. – Я ее Николаю передам, он прожарит. А ты сразу и приходи. Я жару уж нагоню. Молочные ванны будем принимать.

Тетя Таня в бязевой длинной рубаше, легонько подтолкнув Виктора к другой двери, из которой низом просачивались струйки пара, вошла в парную. Остальное Витька помнит, как чудный диковинный сон.

На Дону бани были редкостью. И казаки, и мужики мылись в корыте, подогревая талую или дождевую воду, для чего во дворе, на углу

дома, всегда стояла пустая кадушка, куда по желобу и стекала дождевая вода. А зимой собирали снег во дворе и носили его цыбарками в дом и нагревали в печи, тем и мылись. А воду для питья и приготовления пищи брали из колодца, а то и из речки; а что такое экология и с чем ее едят – понятия не имели.

В плотном горячем тумане двигались две аморфные фигуры. Они то появлялись, то, окутавшись паром, исчезали в глубине парной. Мать, порозовевшая – тетя Таня ее уже отхлестала дубовым веником, попозже и Витьке достанется, – манипулировала веником, прикрывая стыдные места, когда приближалась к Витьке.

Странное чувство овладело Виктором. Ему было неловко и стыдно. Он, вроде и нехотя, стал восторженно поглядывать на голую исхудавшую, порозовевшую, но красивую фигуру матери. А тетя Таня, выплеснув на нее полный таз воды, громко смеясь, отняла у нее веник и, загнав мать на полку, стала им ее еще хлестать да приговаривать:

– Ох ты, лапушка-ладушка, красота несравненная! Такие телеса ласкать, поглаживать да лелеять надо. А подкормить и приодеть? Прямо в царские хоромы... Поддавай! Вот тебе! Вот тебе, на! – ласково приговаривала она, орудуя веником.

Ничто так не очищает тело, как хорошая русская баня. А заодно и душу согревает. Русский мужик, разомлевший после бани, становится добрым и мягким, а баба – веселой и податливой. Поэтому доброта и лень в русском человеке – это от бани.

Витька сидел на полу в большой, продолговатой формы, деревянной шайке.

– Пусть откисает! – сказала тетя Таня, вылив на него с полбутылки какой-то приятно пахнувшей жидкости.

А когда сами управились – и за него принялись. Положив на деревянную скамью, мать терла его большой мочалкой. Ворочая его с боку на бок, легонько секла его дубовым, пропаренным в кипятке веником. Обильно обдав теплой водой из тазика, ласково пошлепав рукой по голый розовой заднице, удовлетворенно сказала:

– Вот уж славно! Лапушка ты моя, ладушка! Спасибо вам, тетя Таня! Мы будто бы заново на свет уродились.

Виктор очнулся от сна и открыл глаза. Прямо у него под носом, где деревянные рейки на потолке вагона образуют угол, паучок, чуть более спичечной головки, заплетал тонкую, еле заметную в сумеречном свете фонаря паутину. Комарик, залетевший с воли в «теплые края», уже попался и трепыхался конвульсивно, но тщетны были его попытки освободиться от тенет. Паучок отвлекался от работы, замирал на несколько секунд, ждал, когда жертва обессилеет и смирится со своей участью и он позавтракает этим кровососом. А комар все не сдавался, дергался, крутился, вертелся и пронзительно верещал. Может, взывал к своим соплеменникам? А паучок хладнокровно ждал и проворно продолжал плести новые ячейки для мух, комаров и мошек.

В камере эки жили по тюремным правилам, подчиняясь режиму и внутреннему распорядку. На этапе, в вагоне, режим был мягче. Кто спал днем – бодрствовал ночью. Развлекались тихими играми, вели задушевные беседы, затевали перебранки и споры и другие «развлечения», включая легкий мордобой.

Виктор прислушался. В своем закутке при свечах – тени плясали на потолке – дядя Вася, а с ним Мишка и еще несколько человек играли в преферанс. Видимо, расписывали новую пульку.

– По пять копеек, – предлагал дядя Вася.

– Да нет! Высоковато будет, – возразил ему кто-то.

– Вот ни-ще-та! – довольно громко прошипел Мишка. – Чего распоткивать? Пять – не десять. А по рублю слабо?

– Ладно тебе! Тоже мне, Крез объявился! – оборвал Мишку дядя Вася. – По три копейки. А там видно будет. Да с картами поаккуратнее и повежливее. Без фокусов, не загибать, не подминать. Последняя колода с воли.

Виктор крутанулся на правый бок, переключил внимание и слух к противоположной стене вагона. Здесь у дверей при бледно-желтоватом, вскользь проникающем через зарешеченное оконце лунном свете, проходили занятия литературного кружка. Поклонники и ценители изящных искусств и другого творчества – человек пять-шесть благарей и меценатов – окружали заботой и вниманием людей искусства, потому как и себя причисляли к божественной среде.

– ...Поэмы «Одиссея» и «Илиада» слепого Гомера написаны гекзаметром, а вообще же вся система античного стихосложения возникла в VIII веке до нашей эры в Древней Греции. Ее переняли римляне, а затем и ставшая просвещенной вся Европа!..

До Виктора долетали лишь обрывки отдельных фраз – собеседники переходили на доверительный тон. Вопросы задавали полупшепотом. Возникали всплески бурного веселья.

– ...Поэты не читали, а пели свои стихи. Рифмы не было... Их часто изображали с лирой в руках – отсюда и лирическая поэзия...

– ...Ну, конечно! Появились и взаимопроницающие стили, как, впрочем, и в живописи, архитектуре, музыке.

– ...Одеты были в рубище, а слова произносили знатные!

– ...Женская рифма – мужская рифма... Методов написания стихов множество...

– ...На Востоке – газели, на Руси – былины... «Боян бо вещей». Пели гусяры, нищие проповедники. Их еще называли «калики перехожие»... Думы украинские: их исполнителями были бандуристы или кобзари...

– ...Это, можно сказать, возникло в начале нашего века – имажинизм, футуризм, декадентство.

– ...В Европе, да и у нас в России, сохранились названия стоп античного стихосложения – ямба, хорей, дактиль, анапест, амфибрахий...

– Я был на одном концерте, так там один мужик-поэт сходу стихи сочинял. Ему слова из зала говорили, он их в блокнот записывал. По сцене шагает, шагает, бормочет про себя... Голова кудлатая... И как вы-

даст в зал! Да так складно!

Это вездесущий Петька реплику вставил. Без него не обходилось ни одно сборище, треп; везде свой нос совал, во все разговоры встречал. Даже на воровские сходки проникал. Любознательность его постоянно сопровождалась пинками да чувствительными затрещинами. Но с него – как с гуся вода.

– Есть и такой прием стихосложения – буриме. Это когда имеются рифмованные концы стихотворения, а к ним необходимо подобрать нужные по смыслу слова. Акrostих – это стихотворение, написанное таким образом, чтобы начальные буквы строк образовывали имя, фамилию или какое-либо слово.

– А ты можешь сочинить акrostих без блокнота? – не унимался Петька.

– Можно попробовать. На какое слово? Только покороче.

– Дурак! – опередил кто-то Петьку.

– Дурак так дурак... Только букву «к» уберем, чтобы получилось четверостишие.

Все умолкли в ожидании, и даже Петька.

Дурак – не лучше, чем мудака.

Ублюдок этих двух достоин.

Романтик – это лишь чудак,

А паразит возник из вони.

Это продекламировал нараспев через минуту Геннадий. Слушатели восторженно зашумели, зааплодировали. Дядя Вася из своего угла вынужден был на них цыкнуть.

Виктор не стал далее прислушиваться. Он переключил, в который раз, свое сознание на недавнее детство. Он научился усилием воли, как стеной, отгородиться, отрешиться от жизни, пропитанной всяческой вонью, от нездорового смеха, неискренних слез, ругани, грязи, вшей и клопов – от всей той мерзости, где хоть какой-то порядок пытался поддерживать дядя Вася и его подручные. Но мурло оно всегда мурло – на воле или в тюремном вагоне.

«Битие определяет сознание – вот лозунг наш и партии, – любил повторять дядя Вася. – Если человек не желает свое тело держать в чистоте, обязательно испоганит душу, исковеркает себе жизнь». Чаще мордобоем ему удавалось поддерживать порядок в вагоне, заставлял мыть руки и рожи, экономно расходуя воду, без особых причин не материться: «Даже в логове зверя бывает чище, не говоря уже о птахах лесных – те гораздо опрятнее многих «хомо сапиенсов». Это нелюди себе подобных опускают ниже скотских условий обитания. Но мы – люди! Люди мы!» – патетически восклицал он.

Витька закрывал глаза, уходил в себя и уж в который раз вызывал из памяти яркие ситуации, образы родных, знакомых ему людей и даже звуки и запахи, цвет и свет, еле уловимые движения, ускользающее состояние, понятное и непонятое настроение. Порой ярко и четко перед ним возникали мельчайшие подробности ушедших дней, слово в слово о чем говорили, от чего ссорились или смеялись и т.д.

На бричке, какие были еще на вооружении в царской армии, они километров десять тряско двигались по покрытому мелким гравием шоссе, связывающему прежнюю столицу Дагестана, город Буйнакск, с нынешней – Махачкалой.

Свернув с шоссе, пару километров петляли между холмов, покрытых редкой снежной поземкой.

К соседу тети Тани – рабочему депо Али Казимагомедову – зашел переночевать его родственник, главный бухгалтер колхоза Кафыр-Кумук – Абакар. Хозяин и поведал ему о бедственном положении приезжих.

– Да у нас в колхозе свиноферма без присмотра уже который день! Позарез хозяйка нужна. Прежняя, Маруся, бросила свиней и исчезла в неизвестном направлении. Наши мусульмане ни в какую не желают за ними присматривать. А товарищ Сталин обязывает все нацменские колхозы государственную мясопоставку осуществлять и свининой.

Чуть ли не слезно уговаривал Абакар взяться за дело Витькину мать, узнав из разговора, что она выросла в крестьянской семье, где всякую скотину держали и с малолетства приучали и корову доить, и гусей пасти, и когда и какой корм свиньям приготовить и дать. Не такое это уж мудреное дело.

– Это что же получается! Уж который день свиньи без ухода? – возмутилась мать. – Так и есть... Поехали!

Вот они и поехали: пригородным поездом до Буйнакска километров тридцать. Аул Кафыр-Кумук был километрах в двух от предпоследней станции, где они сошли. Председатель колхоза, высокий, богатырского вида мужчина, черноусый, в серой каракулевой папахе и военном мундире без погон, но с двумя рядами орденских колодок, радушно встретил их в своем кабинете. Обо всем расспросил: откуда, мол, что да как, почему? Мать тут же и заявление написала, и соответствующие документы предъявила. С истинно кавказским гостеприимством их приняли в доме председателя, накормили и уложили спать в комнате для гостей.

Рано утром отправились на ферму, погрузив в подкатившую бричку собранный еще в Махачкале тетей Таней и ее соседями кое-какой кухонный скарб, а также матрац, подушку и даже половичок...

Дорога с двумя четкими линиями накатанной колеи чуть извилистой лентой тянулась к видневшейся вдали серой кучке построек. Возница, притормозив лошадок, указал на постройки и сказал:

– Там – кутан!

Витька с матерью залюбовались неожиданно возникшей уютной и довольно обширной зеленой долиной. С запада и востока ее прикрывали похожие на верблюжьи горбы горы. С юга – массив Главного Кавказского хребта, с севера в прорехах белых кучевых облаков светлоричневыми пятнами проступал контур невысокой горной гряды.

С левой стороны, ближе к пологим склонам холмов, располагались огороженные каменной кладкой несколько загонов для скота, внутри них – накрытые от непогоды кусками жести и рубероида пирамиды из кизяка – традиционного на юге России, на Кавказе, в сельской местно-

сти «корма» для печи.

Весь левый край долины прорезал неширокий арык. Через него перекинут деревянный мостик, по которому прогоняли на пастбище коров и бычков. Ближе к арыку – ряд жилых помещений, наподобие тех, что Витька видел в ауле. Четыре глиняные сакли с плоскими крышами сцеплялись между собой тремя общими стеками и на всю длину открытой верандой.

Возница остановил лошадок в центре «площади». Из-под навеса над верандой, где собрались все обитатели кутана, отделился человек. Шел он не спеша. Начальник... В солдатских галифе, в толстых цветных шерстяных носках; глубокие калоши сияют новизной; в лохматой черной папахе, на плечи накинута новый военный бушлат. В руках толстая, отполированная до блеска суковатая палка – знак власти, инструмент профессии.

Возница пошел ему навстречу и подал ему записку от председателя. Мать с Витькой сидели в бричке. Примут или от ворот поворот?

Начальник внимательно прочитал послание, аккуратно сложив, положил в верхний карман гимнастерки и, так же не спеша приблизившись, важно произнес:

– Добро пожаловать!

Мать приветливо улыбнулась. Витька еле сдержался, чтобы не рассмеяться.

Подавая руку и для приветствия, и чтобы помочь матери сойти на землю, мужчина добавил:

– Бригадир Гаджи, – веселая улыбка осветила лицо румянцем, карие глаза заблестели.

– Ксения, – отрекомендовалась мать, легко спрыгивая на землю.

– Сена... Сеня... – несколько раз произнес с удивлением знакомое слово бригадир.

– Да не Сена, а Ксения! А по отчеству Федотовна, – поправила бригадира мать, улыбаясь. – А это мой сынишка Виктор. Витя, слезай! Будем вещи носить, куда укажут. А вас как по отчеству называть? Гаджи... А дальше как?

– Гаджи-Магомед! Мало, мало, далеко – Гаджиев, – все еще широко улыбаясь, произнес бригадир.

– Вас – Гаджи Магомедович Гаджиев, а меня – Ксения Федотовна Ажинова. Очень приятно! Вот и познакомились.

Бригадир махнул палкой и что-то гортанно произнес в сторону людей, стоявших на веранде. Обитатели кутана приблизились к приезжим. Состоялась церемония дальнейшего знакомства.

Всего на кутане обитали три семьи: бригадир Гаджи с женой Патимат, с ними старший сын лет шестнадцати да пара двойняшек, Витькиных ровесников, двое пастухов – Ибрагим с женой и дочкой лет семи, Муса с женой, бездетные. Каждый подходил и пожимал матери и Витьке руки. Дети стояли в стороне, Гаджи подвел Виктора к ним и сказал:

– Это твой игрушка. Играй будем.

Мать спросила у бригадира:

– Нам куда, Гаджи Магомедович?

– Ходи туда! – он палкой указал направление и зашагал в сторону сарая. За ними покатила бричка. Возница, мальчишка лет четырнадцати, вел лошадей под уздцы.

Свинарник был разделен на три неравные части. Две трети занимали свиньи, кладовая и жилое помещение с тамбуром. Кроме наружных дверей, были внутренние ходы.

– Погибай донгуз, сапсем худой. Ухажер доргуз надо. Ухажер – ек Маруса бросай донгуз. Яман Маруса. Донгуз тоже яман, – говорил матери бригадир. При этом все время манипулировал своей палкой, за каждой фразой либо втыкая ее в землю, либо острым концом грозя свиньям. Эта скотина ему была явно не по нутру. Более того, он ими брезговал и ближе, чем метров на десять, к сараю не подошел.

Некормленные несколько дней, они жалобно повизгивали, просовывая пяточки в щели закрытых на засов ворот.

– Сколько они не кормлены?

Гаджи-Магомед не понял вопроса.

– Кушать надо дать, – проще объяснила мать. Гаджи-Магомед покачал языком, укоризненно покачал головой и согласился:

– Кушай надо! Сопсем худой стал. Сдохнет. Много люби кушать донгуз. Кушай много нет. Мало-мало есть, – он ткнул в дверь кладовки.

Мать подошла и открыла дверь в кладовую. Там она обнаружила в полцентнера подгнившего буряка и горку – пуда два – заплесневелой в початках кукурузы. В углу стоял большой чугунный котел и кое-что из хозинвентаря.

– Да это же люди есть не будут, а свиньи и подавно! – возмутилась она.

– Я окно бросай. Ибрагим бросай. Все донгуз кушай. Много нету – норма. Трава нужна гоняй. Трава кушай.

– Так зима же! Какая трава? Да вы что?

– Барашка всегда трава кушай. Конь трава кушай. Донгуз кушай трава нет. Яман скотина! Шуба сапсем нету. Там, – он указал палкой в сторону высоких гор, – другой донгуз, шуба есть. Всыгда кушай сам ищим. Эта донгуз зима боимся, голый. Сапсем дурной донгуз.

Мать не растерялась и рук не опустила – кровь потомственной крестьянки сказывалась, и за дело она взялась рьяно. Витька, как мог, помогал ей. А видя такое усердие, и бригадир, и пастухи не остались в стороне. Охапками принесли свежей соломы, вязанку хвороста на растопку. Появился и штабель кизяка.

В кладовой была примитивная печь. Мать с Витькой установили бывший там котел, в нем стали варить похлебку из буряка и кукурузы. Вычистили часть свинарника, отгородив его валявшимися там досками, настелили свежей соломы – устроили спальню для хрюшек.

«Апартаменты», где им предстояло жить, «мебель» и «интерьер» тоже требовали немало усилий. Замызганные до безобразия две табуретки, стол с окаменевшими остатками былого пиршества, ржавая же-

лезная кровать были отдраены куском кирпича, ошпарены крутым кипятком. Пол намазали смесью свежего коровьего помета и глины. Два окошка, через которые можно было наблюдать солнечное затмение, вымыли. Печка засияла свежей побелкой, распространяя блаженное тепло и щекочущий ноздри запах мамалыги.

Ожили и заметно повеселели хрюшки. Виляя тощими задами, они благодарно похрюкивали, встречая мать и Виктора, и все норовили потереться об их ноги своими боками с выпирающими ребрами. Ласточка, Кирпа, Белянка, Чернушка, Мошка, Ласка – у каждой было свое имя, и каждая откликалась на него.

– Якши! Молодэц, Ксэна! Витка! – через неделю, ничем не проявляя брезгливости, заглянув в свинарник и зайдя в комнату, удовлетворенно изрек бригадир.

Жизнь стала налаживаться, сперва, правда, не очень сытная. В колхозе им на месяц выписали пуд кукурузной муки, пять кило пшеничной, литр подсолнечного масла да в счет будущих трудодней пятьсот рублей деньгами. На них мать купила пачку крупной соли, бутылку керосину, кусок хозяйственного мыла, сахару-рафинаду полкило, спичек, чаю плиточного калмыцкого и еще чего-то по мелочи – все это по пути на кутан в колхозном магазине – сельпо.

Такой аванс, доверие со стороны председателя их еще больше взбодрили и вселили надежду на лучшие времена. Повседневные же трудовые «подвиги» отодвинули на задний план все остальные мелочи жизни.

А народ, эти кумыки, оказался хорошим, добродушным, душевным, веселым. Женщины тепло приняли мать и делились, чем могли – брынзой, горячим кукурузным чуреком, банкой молока. Особенно подружилась мать с женой бригадира красавицей Патимат. Да и Витька всего-то пару раз подрался с местными пацанами.

Первый раз эти двойняшки Витьку одолели. Причина – самая пустяковая: из-за взаимного непонимания. Вторая ссора у них произошла из-за маленькой Асият. Витька еще из дому сохранил глиняную солоушку-свистульку. Он ее и подарил Асиятке на зависть этим двум джигитам, а те возьми да и отними у нее игрушку. Витька – в драку. Те давай его опять мутузить. Девочка побежала и пожаловалась тете Патимат.

Патимат, прибежав, придержала за шиворот Асланбека. Витька взял над Апламбеком верх. Она поменяла братьев местами – ничья! Так и справедливость восторжествовала, и дружба зародилась.

К концу февраля весна стала подавать робкие весточки о своем приближении, но вела себя, как непостоянная и взбалмошная молодлица. То со стороны ледников Кавказского хребта дунет серой промозглой тучей, наполненной колючей сыростью, то твердой, как песок, снежной крупой сыпанет. А переместившись за Каспийское море, резко дыхнет теплым воздухом юго-востока. И запляшут озорные зайчики в оттаявших лужах, весело зачирикают стайки воробышек.

Андрей ХАКУАШЕВ

**К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ**

*(К 80-летию писательской
организации республики)*

Многовековой опыт мировой художественной литературы убедительно свидетельствует, что зарождение любой национальной литературы связано с созданием письменности на родном языке, хотя при определенных условиях ее становление иногда возможно и на инонациональной основе. Еще в самом начале 19-го столетия первые адыгские просветители, осознав непреложность этого положения, большей частью занимались составлением алфавита родного языка, несмотря на то, что они в совершенстве владели иностранными языками (русским, турецким и арабским) и свои научные исследования и художественные произведения писали на них. Адыгскими просветителями было создано множество алфавитов, но ни один из них не стал достоянием народа, не нашел широкого распространения, и в этом виновато царское правительство, которое, открывая, и то в ограниченном количестве, русские школы для инородцев, как раньше называли нерусских, категорически запрещало преподавание в них национальных языков.

Хотя об этом сейчас не очень охотно говорят и пишут, однако Октябрь принес многомиллионным угнетенным народам России не только свободу, но и разбудил их творческие силы, поставил их на путь образования, культуры, литературы и искусства. С первых же дней победы революции была организована комиссия для создания алфавитов кабардинского и балкарского языков, которая за короткий период времени успешно завершила свою работу. После создания алфавитов сразу во всех аулах были открыты школы, в которых преподавание велось на родных языках, были составлены учебники и учебные пособия для национальных школ, организовано свое издательство, на кабардинском и балкарском языках стала выходить газета, на национальные языки были переведены произведения классиков русской литературы, появились первые литературные альманахи, изданы отдельной книгой поэтические произведения национальной литературы. В результате такой интенсивной и целенаправленной работы творческих работников появился любознательный национальный читатель, который, не удовлетворяясь переводной литературой, все настойчивее требовал произведения национальных писателей на родных языках.

Революция пробудила малые народы России к активной творческой деятельности, и они за короткий период времени преодолели свою безграмотность, отсталость, среди них появились первые специалисты: учителя, врачи, инженеры, поэты и писатели. Из-за маломощности полиграфиче-

ской базы первые произведения национальных литератур издавались за пределами республики или печатались на страницах единственной газеты «Карахалк», иногда их включали в школьные хрестоматия. К началу 30-х годов занимающихся творческой деятельностью в Кабарде и Балкарии было, как свидетельствует П. Максимов, около ста человек, которые в основном группировались вокруг областной газеты, выходившей на четырех языках.

Трудности, с которыми сталкивались в те дни первые национальные писатели, были связаны не только с изданием их произведений, их успешной творческой работе мешали их разобщенность, отсутствие какого-либо органа, который руководил и направлял бы их работу, оказывал бы им посильную помощь. Писатель П. Максимов, внимательно следивший в те годы за становлением кабардинской и балкарской литератур, одним из первых обратил внимание на полнейшее отсутствие у творческих работников области какой-либо связи между собой. Говоря о такой изоляции творческого человека, в одной из своих статей он писал: «Каждый писал себе втихомолку, скребясь, как мышь в своей норке, и не вынося своей продукции за пределы собственной квартиры» (1). Однако чуть раньше на необходимость объединения творческих сил области обратили внимание и сами национальные писатели. О важности создания какого-то руководящего органа для писателей, как это ни парадоксально, впервые свое мнение высказал семнадцатилетний студент рабфака при Московском редакционно-издательском институте Хачим Теунов. В адрес Совнарпроса области он в апреле 1931 года отправил на 12 страницах письмо, в котором он поднимает ряд актуальных проблем, волнующих как творческих работников, так и его самого, называющего себя «пролетарским студентом». При этом он особо подчеркивает, что свои мысли он излагает «всем своим состоянием, нутром, макая свое перо в глубь души, а не для громкого фрондерства». В своем письме он предлагает Совнарпросу рассмотреть четыре пункта, которые могут способствовать ускоренному развитию национальных литератур. По его мнению, необходимо, во-первых, немедленно создать организацию, которая объединила и руководила бы творческой работой писателей, во-вторых, все писатели, поэты и критики должны находиться под большевистским руководством, в-третьих, художественную литературу должна создавать не одна Кабарда, к ней должны подключиться Черкесия, Адыгея и Абхазия, в-четвертых, учитывая, что все национальные писатели имеют постоянную работу, им надо оказывать всестороннюю помощь, проявлять к ним «четкое и чуткое отношение» (2). По его мнению, все предложенные им мероприятия может решить только ассоциация пролетарских писателей, на срочной организации которой настаивает молодой студент.

Надежды рабфаковца не оправдались, Совнарпрос даже не удосужился ответить на его письмо. Отправляя свой проект в это учреждение, он и сам был не очень высокого мнения о нем. По его мнению, он не богат работниками, которые могли бы «руководить писателями и их направлять по прямой дороге».

Уже не надеясь на помощь со стороны местных учреждений, через

несколько месяцев Х. Теунов отправил это же письмо в переработанном виде в «Северо-Кавказскую ассоциацию пролетарских писателей», в «Литературную газету» и журнал «Революция и горец». Из них только ростовский журнал сразу же откликнулся на призыв о помощи молодого национального писателя. Более того, редакция, основательно сократив и переработав письмо, опубликовала его под названием «Больше внимания кабардинской литературе» в 8-м номере журнала «Революция и горец», изданном в 1931 году. Характеризуя состояние родной литературы, он писал в ней: «Кабардинская литература находится сейчас на положении ребенка, требующего за собой ухода. Ей надо помочь формироваться и организоваться, определять свой путь, найти свое лицо.

Все это может сделать не один любитель литературы и даже не один писатель, а совместные организованные усилия всей пишущей братии, сознающей, что литература – часть большого общепролетарского дела» (3). Молодой автор считает, что из нынешнего тяжелого положения национальную литературу может вывести только одно – создание писательской организации. Обосновывая необходимость ее организации, в своей статье он пишет: «...экономический и культурный рост Кабарды и Балкарии требует создать «большое искусство большевизма». И организовать для «большого искусства большевизма» боевой орган – ассоциацию пролетарских писателей и колхозных писателей. Этого требует эпоха. От организации этой ассоциации ни в коем случае нельзя отказаться, ибо мы имеем все предпосылки для этого» (4).

Как подтверждают дошедшие до нас документы, оказывается, что в те же дни вопросами становления родной литературы серьезно занимались не только молодой рабфаковец, но и другие национальные писатели. Осенью 1931 года в Нальчике состоялось общее собрание творческих работников области, на котором обсуждались вопросы организации ассоциации писателей Кабарды и Балкарии. Вот как описывает то ликование, которое вызвало его проведение у его участников, один из участников этого учредительного собрания: «В нальчикском межсоюзном клубе осенью 1931 года в один туманный вечер собралась вся литературная сила Кабарды и Балкарии... Этот вечер, как первый литературный вечер, займет свое место в литературной историографии области...

Здесь были представлены очеркисты, публицисты, которые мастерски описывают полные кипучей творческой энергии дни. Здесь были представлены молодые пролетарские художники, запечатлевшие образ прошлой и настоящей Кабарды. И, наконец, этот вечер привлек и балкарских и русских, и превратился в настоящий интернациональный литературный праздник.

Все носили печать радости и веселости. Все чувствовали, надеялись, что вечер откроет славную страницу коллективного творческого строительства области. Все чувствовали, что на долю каждого из них выпала честь сыграть свою немаловажную роль пером, скрипкой и кистью в великом социалистическом преобразовании страны...

Искали выхода из тупика, который они видели теперь в организации сил. Сильна была тенденция к объединению, сильно было творческое и

политическое пробуждение, и теперь оно вылилось в организованную форму» (5).

На этом вечере, по-видимому, была организована Ассоциация писателей Кабарды и Балкарии, которая подчинялась Северо-Кавказской АПП. Правомерность такого суждения подтверждает и П. Максимов. В своей статье «Поэты Кабарды» он, не связывая организацию ассоциации непосредственно с этим вечером, писал: «Примерно в 1930 г., по инициативе нескольких товарищей русских и националов в Нальчике организовалась АПП, но ничего из этого не вышло: поддержки со стороны СКАПП оказано не было, работы на месте не велось, и областная писательская организация существовала только на бумаге» (6). О злключениях кабардино-балкарской ассоциации в те же дни писал и русский писатель Ставский В. П. (1900-1943) в статье «Национальные писатели Северного Кавказа». Такого же мнения придерживался и Ж. Налоев. Как он отмечал в вышеуказанной статье, мертворожденная «Ассоциация, будучи оторвана географически, идейно-политически от края и центра, распалась...» (7).

В связи с ликвидацией Российской ассоциации пролетарских писателей, естественно, свою деятельность приостановили все ее региональные отделения, в том числе и в Нальчике. Взамен на скорую руку в области организовали оргкомитет писателей, однако и он, по словам П. Максимова, «...реально дело не сдвинул с мертвой точки: на бумаге оргкомитет числился, но писатели не собирались» (8). Возлагать всю ответственность за его недостаточную эффективную работу только на местных творческих работников нельзя, в этом во многом был повинен и краевой оргкомитет, который никакой помощи не оказывал вновь созданной организации.

Более оперативному решению основных проблем, связанных как с организацией новых творческих структур, так и со становлением кабардинской и балкарской литератур, хотя мало кто знает об этом, способствовал приезд в область бригады работников газеты «Правда» в составе писателей Михаила Кольцова, Ефима Зозули и других. Детально ознакомившись с состоянием двух национальных литератур, они пришли к неутешительным выводам: за десятилетие в области почти что ничего не сделано для становления и развития двух братских литератур. Руководитель бригады М. Кольцов в республиканском обкоме партии открыто выразил свое недоумение и, не скрывая ничего, прямо заявил: «...В то время, как во всех областях хозяйственного и политического строительства Кабарда имеет великие достижения, выдвинувшие ее в число самых передовых районов Союза, на литературном фронте у вас зияющий прорыв...» (9).

Чуть позже в апреле того же года было опубликовано постановление ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций», которое намного ускорило реорганизацию только что созданного оргкомитета области. Говоря о значении этого постановления, Х. Теунов в своей книге «Литература и писатели Кабарды» писал: «Создание писательской организации и усиление ее партийного руководства благоприятствовали развитию кабардинской литературы, содействовали и ее политическому росту, и ее более четкой идейно-художественной направленности.

Начавшиеся издаваться в 1932 году литературно-художественные

альманахи «КъбарушцӀэ» (на кабардинском языке) и «Новая сила» (на русском языке) активизировали и направляли творческую деятельность писателей, вовлекали в литературное движение молодые силы. Оргкомитет Союза советских писателей явился первым творческим объединением литераторов Кабардино-Балкарии. Здесь впервые стали проводиться писательские собрания, на которых обсуждались теоретические и практические вопросы литературы и новые произведения» (10).

К более активным действиям областное руководство подтолкнул приезд второй бригады писателей, теперь уже из Северо-Кавказского оргкомитета, куда входили писатели Гр. Кац, П. Фофанов и П. Максимов. Предварительно заслушав доклад заведующего культпромом обкома Звонцова и содоклад члена бригады П. Максимова, они решили вопрос о создании оргкомитета писателей поставить на заседании бюро обкома ВКП (б). Состоявшееся 4 апреля 1933 года бюро обкома приняло такое постановление: «Кабардино-Балкарский областной комитет ВКП (б) считает, что литературная организация области должна максимально усилить свою работу с тем, чтобы к годовщине постановления ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1933 года выйти значительно укрепленной, связанной всеми звеньями своей работы с рабочими и колхозными массами области, с начинающими писателями из всех отдельных селений и аулов... Оргкомитет Союза писателей должен развернуть большую творческую работу по созданию художественных произведений, отображающих социалистическое строительство и героическую борьбу трудящихся Кабардино-Балкарии против угнетателей: князей, помещиков, кулаков, белогвардейцев.

Общественные организации области обязаны прийти на помощь оргкомитету по укреплению его издательской базы, по выделению материальных средств, по организации творческих командировок писателей на строительства и в колхозы области.

Партийные, комсомольские, советские, профессиональные организации должны учитывать, что творческая работа писателя, переводчика является большим общественно-полезным делом.

Утвердить состав областного комитета в следующем составе: тт. Афаунов (председатель), Ростокин (секретарь), Беппаев, Афаунов, Хачуев, Кожаяев, Кулишов, Ульбашев, Хортюнов, Борукаев и Гутищев.

Поручить комиссии в составе тт. Водахова, Звонцова (созыв), Захарова, Афаунова и Сибекова разработать практические меры по организационному оформлению и оказанию содействия оргкомитету писателей» (11).

Оргкомитет писателей области и специально созданная комиссия в течение года провели целый ряд практических мероприятий. Как отмечает П. Максимов: «В целях овладения писательской «инженерной» техникой был создан кружок по поднятию писательской квалификации... стали выходить литстраницы в газетах, сданы в набор сборники кабардинских стихов, для выявления и привлечения новых литературных сил члены оргкомитета прикреплены к заводам Нальчика... отпущены средства оргкомитету, созданы издательские возможности. Намечены творческие командировки, сокращено число нагрузок, осуществлен ряд мероприятий по линии материально-бытового обслуживания (снабжение, прикрепление к

столовым, закрытым распределителям и т. д.» (12).

Положительные тенденции, произошедшие в литературной жизни области, как показывает писатель П. Максимов, коснулись и народного поэта Бекмурзы Пачева. Как он отмечал в своей статье, «...судьба старика Пачева изменилась, как в сказке, он извлечен из своей хибарки в Нартане, и ему, как и другим, наиболее выявившимся писателям, предоставлена квартира в Нальчике в новом «Доме специалистов»; кроме того он прикреплен к столовой и материально обеспечен» (13).

Через год, когда подготовительная работа была в основном завершена, 13-го июля 1934 года обком ВКП (б) на заседании бюро поставил вопрос о проведении первой областной конференции писателей Кабардино-Балкарии. На нем было принято такое решение: «Учитывая важность развития советской кабардино-балкарской литературы для роста социалистической культуры, необходимость обмена творческим опытом и разрешения вопросов творческой практики, бюро обкома постановляет:

1. Созвать 1-го августа с. г. в Нальчике первую областную конференцию КБАО.

2. Утвердить для конференции следующую повестку дня:

1. Доклад о первом съезде писателей СССР.

2. Итоги развития и дальнейшие задачи кабардино-балкарской художественной литературы (тов. Налоев. Содоклады руководителей секций).

3. О драматургии (тов. Талпа).

4. О поэзии (тов. Смоляков).

5. Об очерке (тов. Ростокин).

6. О критике (тов. А. Пшеноков).

7. О национальном языке национальных литератур (Кожаяев, Хочуев).

8. О детской литературе (тов. Энеев).

9. О работе с начинающими (тов. Круглов).

10. Выборы областного правления Союза советских писателей.

11. Выборы делегатов на Всесоюзный съезд писателей.

3. Обязать райкомы, райисполкомы, Облсовпроф, Облоно, районы, наряду с проводимыми хозполиткампаниями, провести подготовительную работу к конференции писателей Кабарды и Балкарии, широко популяризуя среди трудящихся масс, комсомольских организаций, школ, литкружков, среди членов профсоюзов, рабочих и колхозников значение советской литературы, как одного из могучих рычагов, мобилизирующих трудящиеся массы на борьбу за социалистическое строительство.

4. Обязать т. Захарова на страницах газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария» развернуть широкую кампанию по разъяснению трудящимся области значения первого Всесоюзного съезда писателей и Облконференции писателей Кабардино-Балкарии, роль советской литературы вообще и в частности национальной в деле социалистического строительства, а также осветить ход работы самой конференции.

5. В порядке подготовки к Всесоюзному съезду писателей обязать Нациздат КБАО к 1-му августа выпустить в свет всю оригинальную и переводную литературу, сданную Оргкомитетом.

6. Обязать Оргкомитет, Нациздат и типографию обеспечить выпуск

в свет литературно-художественных сборников до созыва Всесоюзного съезда писателей» (14).

Бюро обкома ВКП (б) постановило созвать областную конференцию 1-го августа, однако ее открытие по каким-то причинам перенесли на 7 августа. В госархиве КБР не сохранились ни протоколов съезда, ни текстов двух основных докладов и содокладов, ни списка приглашенных. До нас дошла только регистрационная тетрадь, в которой зафиксированы фамилии, имена и отчества делегатов конференции. Местные газеты, освещавшие ее работу, в республике не сохранились, поэтому со всей полнотой восстановить ход ее работы невозможно. Мы располагаем только одним интересным документом – телеграммой, присланной из Москвы в адрес конференции от имени Оргкомитета писателей СССР и его председателя М. Горького, в которой говорилось: «Растет национальная по форме культура Кабардино-Балкарии, растут новые писатели, смогушие отразить героические победы края, его борьбу за построение социалистического бесклассового общества.

Выше партийность советской литературы! Выше художественное мастерство писателя! Ближе к жизни, ее волнующим фактам и явлениям! За высококачественную национальную литературу социалистического реализма... Да здравствуют кабардино-балкарские советские писатели, участники великого процесса создания социалистической культуры» (15).

Отлежавшаяся в архиве регистрационная тетрадь сохранила полный список делегатов 1-ой областной конференции писателей Кабардино-Балкарии. В ней приводятся данные о каждом из делегатов съезда: фамилия, имя, отчество, год и место рождения, социальное происхождение, партийная принадлежность. Она написана от руки то ручкой, а большей частью карандашом, из-за угасания текста прояснить некоторые данные почти что невозможно. Не только специалистам, но и рядовому национальному читателю, как нам кажется, будет интересно познакомиться с делегатами первой конференции КБАО. Это тем более важно, что этот список до сих пор не опубликован, с этой тетрадью познакомились, по всей вероятности, лишь несколько специалистов. В регистрационной тетради приводятся данные о каждом из делегатов по многим параметрам, граф много, но мы здесь приводим, на наш взгляд, самые необходимые. Кроме этого исправляем допущенные секретарем явные ошибки, а сокращенные слова приводим полностью.

На конференции всего делегатов зафиксировано 37. В тетради они приводятся в следующем порядке:

1. Налоев Джонсон Мурзабекович – 1906, крестьянин, служащий, кабардинец, кандидат ВКП (б), 2 курса научно-исследовательского института.

2. Ростокин Евгений Дмитриевич – 1904, крестьянин, служащий, русский, беспартийный, партийная школа (незак.).

3. Кешоков Алим Пшемахович – 1914, крестьянин, студент, кабардинец, беспартийный, учащийся.

4. Тенгизова Баблина – 1918, крестьянка, колхозница, кабардинка, ВЛКСМ, малограмотная.

5. Геттуев Магомет Измаилович – 1917, крестьянин, студент, балкарец, ВЛКСМ, 7-летка.
6. Шильдбург Василий Захарович – 1896, рабочий, служащий, немец, беспартийный, 4 класса.
7. Гуртуев Берт Измаилович – 1910, сельхозрабочий, служащий, балкарец, ВЛКСМ, низшее.
8. Кожаяев Сосруко Магометович – 1901, крестьянин-бедняк, служащий, кабардинец, беспартийный, высшее.
9. Пшеноков Мачраил Тлекешович – 1898, крестьянин-бедняк, колхозник, кабардинец, ВЛКСМ, низшее.
10. Алакаев Шамсадин Нартович – 1907, крестьянин, служащий, кабардинец, беспартийный, среднее.
11. Тютюников Степан Федорович – 1976, рабочий, украинец, беспартийный, среднее (самоучка).
12. Бачиев Мустафа Гитчиевич – 1913, крестьянин-бедняк, колхозник, балкарец, ВЛКСМ, окончил 5-месячные учительские курсы.
13. Пачев Бекмурза Машевич – 1957, крестьянин, колхозник, кабардинец, беспартийный, образование не указано.
14. Бачиев Хасин Кунакович – 1915, крестьянин-бедняк, колхозник, балкарец, ВЛКСМ, агроном.
15. Шомахов Амирхан Камизович – 1910, крестьянин, служащий, кабардинец, кандидат ВКП (б), высшее.
16. Круглов Тимофей Васильевич – 1886, рабочий, пенсионер, русский, член ВКП (б), низшее.
17. Талпа Михаил Евгеньевич – 1894, служащий, русский, беспартийный, высшее.
18. Пшеноков Абдул Каншаович – 1907, крестьянин, служащий, кабардинец, кандидат ВКП (б).
19. Смоляков Григорий Яковлевович – 1907, крестьянин, служащий, русский, беспартийный, высшее.
20. Ульбашев Ибрагим Мусаевич – 1902, крестьянин, служащий, балкарец, беспартийный.
21. Этезов Хамид Гугуевич – 1902, крестьянин, служащий, балкарец, беспартийный.
22. Отаров Керим Сарамузовевич – 1912, крестьянин, учащийся, балкарец, ВЛКСМ.
23. Гукемухов Абубекир Махмутович – 1905, крестьянин, служащий, кабардинец, беспартийный, самообразование.
24. Покровский Александр Михайлович – 1898, служащий, высшее.
25. Ифраимова Галина Львовна – 1906, из батраков, служащая, беспартийная, учащаяся.
26. Афаунов Магомет Абубекирович – 1908, крестьянин, служащий, кабардинец, член ВКП (б), комвуз.
27. Арипшев Хажимуса Хажетович – 1910, крестьянин, студент, кабардинец, член ВКП (б), среднее.
28. Согтаев Таусу Сусренович – 1906, крестьянин, служащий, балкарец, член ВКП (б), среднее.

29. Шаваев Саид Чируевич – 1910, крестьянин, служащий, балкарец, член ВКП (б), низшее.

30. Настуев Ахмат Батарбекович – 1910, крестьянин, служащий, балкарец, член ВКП (б), среднее.

31. Журавлева Антонина Георгиевна – 1898, рабочая, служащая, русская, беспартийная, среднее.

32. Шекихачев Пшикан Дзадзуевич – 1899, крестьянин, служащий, кабардинец, член ВКП (б), среднее.

33. Отаров Сагид Аубекирович – 1903, крестьянин, служащий, балкарец, член ВКП (б), среднее.

34. Уваров Яков Антонович – 1900, крестьянин, служащий, русский, среднее.

35. Максидов Залимхан Битуевич – 1910, крестьянин, служащий, кабардинец, ВЛКСМ, комвуз.

36. Кациев Хабу Хаджи-Курманович – 1916, крестьянин, кумык, кандидат ВКП (б), учащийся.

37. Афаунов Измаил Цацуевич – 1910, крестьянин, служащий, кабардинец, член ВКП (б), ниже среднее (16).

Еще раз возвращаясь к регистрационной тетради, надо сказать, что она составлена крайне небрежно, в ней много фактических и орфографических ошибок, отдельные графы не заполнены, приглашенные гости не записаны отдельно, а включены в основной состав делегатов.

Однако вызывает недоумение и сам состав делегатов конференции. Сейчас невозможно установить, кто конкретно занимался их формированием и по каким критериям их отбирали. Если исходить из регистрационной тетради, то большей частью делегатами стали члены оргкомитета писателей, его активисты, руководители литературных кружков в школах и просветительских учреждениях. В целом общее количество делегатов 1-ой конференции писателей КБАО составляло 32, зафиксированных гостей – 5. По национальному составу (с приглашенными) картина выглядит следующим образом: кабардинцев было 14, балкарцев 11, русских 7, наряду с этим в их числе были один украинец, кумык, еврейка и немец. Интересен и своеобразен и образовательный ценз делегатов – 6 из них имели высшее образование или учились в вузах, со средним образованием было или являлись учащимися 15, низшее имели 7, а несколько делегатов получили его самостоятельно. В тетради зафиксирована партийная принадлежность каждого делегата. Среди них членами или кандидатами ВКП (б) были 13 делегатов, членами ВЛКСМ – 9, беспартийных – 15, а один делегат записан как «красный партизан».

Сейчас нет возможности восстановить, с чем это связано, но, избрав делегатами конференции многих людей с «низшим» образованием, ее организаторы забыли пригласить более достойных творческих деятелей просвещения и литературы двух народов. О таком предвзятом подходе к подбору делегатов убедительно свидетельствует такой пример. За год до открытия первой конференции писателей области в опубликованной на страницах журнала «Революция и горец» (1933, № 5, с. 48) статье Налоев Ж. призывал национальных читателей обратить внимание на А. Шоген-

цукова, на, по его мнению, «... богатейшего молодого самородка, стихи которого поражают читателя ярким блеском» (17). Являясь председателем оргкомитета писателей, Ж. Налоев должен был бы пригласить на конференцию поэта, с которым он справедливо связывал будущее национальной поэзии, однако он этого не сделал. Предположительно, он очень хотел, но ему этого не позволили, и это, как можно полагать, связано с тем, что до этого поэт поддержал участников баксанского выступления крестьян. В своей статье Ж. Налоев называет фамилии и более молодых кабардинских поэтов – Карданова, Канукоева и Афашагова, которые, по его мнению, «подают надежды», являются «довольно даровитыми», но почему-то и их нет в числе делегатов конференции.

Свидетельством того, что оргкомитет писателей области предварительно работу провел на низком уровне, является и то, что от участия в обсуждении актуальных проблем национальной литературы были отлучены такие активные деятели просвещения и литературы, как Н. Цагов, Т. Шеретлуков, К. Блаев, Т. Борукаев, Х. Эльбердов, П. Кешоков, К. Сижажев, А. Хавпачев, Т. Шаков, Х. Эльмесов, Х. Теунов. Члены оргкомитета «обидели» и балкарцев. На конференцию не были приглашены К. Мечиев, К. Кулиев, О. Этезов, С. Хочуев, А. Будаев, А. Ульбашев, М. Геттуев. В день конференции вряд ли все они были за пределами области, и если они, не находясь в отъезде, не были приглашены на писательский форум, то на это были какие-то веские причины.

Документы первой писательской конференции не сохранились, однако республиканским архивистам удалось восстановить состав членов как оргкомитета, так и правления, установить фамилий делегатов на Всесоюзный съезд писателей. По их данным, председателем оргкомитета был избран Налоев Ж., секретарем – Ростокин Е. Д., кабардинскую секцию возглавил Кешоков А. П., балкарскую – Гуртуев Б. И., русскую – Талпа М. Е. В президиум оргкомитета вошли Кожаев С. М., Пшеноков М. Л., Отаров К. С., Афаунов М. А., Беппаев Т. С., Шекихачев П. Дз., Отаров С. А. Членами правления кабардино-балкарской писательской организации стали Налоев Ж., Гуртуев Б., Кожаев С., Афаунов М. и, с правом совещательного голоса – Ростокин Е., которые и стали делегатами первого Всесоюзного съезда советских писателей, состоявшегося в Москве 17-го августа 1934 года.

Осуществив многолетнюю мечту и организовав союз, объединивший творческие силы области, члены оргкомитета и правления с воодушевлением приступили к работе. Под руководством своего талантливого руководителя они сразу же взялись за сплочение творческих сил области, стали привлекать молодежь к творческой деятельности, проводить литературные вечера, организовать литературные кружки в школах и учебных заведениях, повышать мастерство художников слова, увеличить издание книг на родных языках. Это подтверждает и статья «Художественная литература Кабардино-Балкарии на национальных языках», напечатанная в те дни в одной из газет и приписываемая Сосруко Кожаеву. В ней сказано: «Издание художественной литературы на национальных языках значительно отстает от общего культурного подъема в нашей области, но и

на этом отсталом участке мы имеем большие достижения. Национальное издательство выпустило на кабардинском и балкарском языках в 1933 году 6 названий, в 1934-м – 11 названий и в 1935-м – 17 названий художественных книг. Причем рост из года в год идет не только по линии увеличения количества названий. Характерно и то, что... увеличивается и тираж, издаются книги, значительные по объему. Неизменно поднимается качество книжной продукции как путем улучшения подготовки рукописей и печатания текста, так и в смысле изящного и привлекательного внешнего оформления книг» (18).

В период становления кабардинской и балкарской литератур чрезвычайно важную роль сыграла русская литература. Почти все национальные писатели переводили на свой родной язык наиболее выдающиеся произведения русской литературы, учились художественному мастерству у русских классиков, таким образом повышали свою квалификацию. Как отмечается в той же статье, за короткий период были переведены на кабардинский и балкарский языки «несколько книг М. Горького, изданы 3 книги Л. Толстого, книги Тургенева, Чехова, В. Гюго, Гончарова; пьесы Чуркина по «Поднятой целине» Шолохова... Подготовлены к печати 5 произведений М. Горького, в числе которых «Мать», 2 книги Чехова, 2 произведения поэзии и прозы Пушкина, «Герой нашего времени» Лермонтова, серия сказок Салтыкова-Щедрина; «Поднятая целина» Шолохова и др. Начат перевод замечательного романа Островского «Как закалялась сталь». Издана серия детских художественных книг в прекрасном оформлении» (19). Успешная творческая работа кабардинских и балкарских писателей в те годы высоко оценена и в предисловии, предпосланном к сборнику «Писатели Кабардино-Балкарии», впервые вышедшему на русском языке в Москве в 1935 году. Кроме этого в те же самые дни шла интенсивная работа творческой группы кабардино-русских поэтов и исследователей по переводу произведений богатейшего кабардинского фольклора на русский язык. Общее руководство работой этого коллектива осуществляли профессор Ю. М. Соколов и Ж. Налоев. Как в сборе и подборе материалов, так и переводе текстов на русский язык уникального издания, вышедшего в издательстве «Академия» в 1936 году, принимали участие кабардинские ученые и поэты М. Талпа, Н. Цагов, Т. Борукаев, Т. Шеретлоков, П. Шекихачев, П. Кешоков, С. Кожаев, А. Пшеноков, А. Шортанов, А. Шомахов, Б. Балкаров и Х. Мидов.

Историков литератур до сегодняшних дней поражает невиданная интенсивность ускоренного становления младописьменных литератур народов СССР. Почти что за 15-летний путь развития они освоили все поэтические жанры, драматургию и наиболее трудную для них прозу. В предвоенные годы в кабардинской литературе появился роман в стихах А. Шогенцукова, в архиве писателя Х. Теунова сохранилась рукопись романа, который датируется 1934 годом.

Широкая поступь кабардинской и балкарской литератур чуть позже была остановлена грубой силой – развязанными в стране жесточайшими репрессиями. Безжалостные жернова не пощадили ни старых, ни молодых – без суда и следствия были расстреляны ни в чем неповинные националь-

ные поэты и писатели, многие из которых только что вступили на творческий путь. И те, которые избежали этой суровой кары, долго не смогли прийти себя, работать в полную силу, они находились под бдительным надзором, над их головами постоянно висел Дамоклов меч.

Однако несмотря на невероятные трудности и препятствия, с которыми встретилась молодая писательская организация, она сумела поставить на путь ускоренного развития кабардинскую и балкарскую литературы, в то же время это заслуга и прославленных зачинателей двух братских литератур. В полной мере оправдались такие вещие слова, сказанные в одной из своих статей русским писателем Ю. Либединым: «Еще молоды кабардинская и балкарская литературы и искусство, здесь еще многое впереди, но мы знаем – вдохновенные и воодушевленные своей славной историей, писатели и поэты, художники и музыканты этой полной сил молодой республики скажут свое веское слово, которое пополнит сокровищницу советской интернациональной культуры» (20). Впоследствии эти вдохновенные слова мудрого наставника оправдались – кабардинская и балкарская литературы вышли не только на всесоюзную арену, но и на международную.

Литература

1. П. Максимов. Поэты Кабарды. На подъеме. 1933, № 6-8, с. 136.
2. Республиканский музей. ИКЛМ, 23 – 754, с. 105.
3. Х. Теунов. Больше внимания кабардинской литературе. Революция и горец. 1931, № 8, с. 72.
4. Там же.
5. Нало Жансэхъу. Литературей щ1эиныр. Налшык, 2004, нап. 105 – 106.
6. П. Максимов. Поэты Кабарды. На подъеме. № 6-8, с. 135.
7. Нало Жансэхъу. Литературей щ1эиныр. Налшык, 2004, нап. 106.
8. П. Максимов. Поэты Кабарды. На подъеме. № 6-8, с. 136.
9. Там же, с. 137.
10. Х. Теунов. Литература и писатели Кабарды. М., 1958, с. 116-117.
11. УЦДНИ АС КБР, ф. 1, Д. 135, лл. 10, 11.
12. П. Максимов. Поэты Кабарды. На подъеме. № 6-8, с. 138.
13. Там же, с. 142 – 143.
14. УЦДНИ АС КБР, ф. 1, оп. 1, д. 149, лл. 16 – 17.
15. Курашинов Б. М. В кругу друзей. Нальчик, 1973, с. 7.
16. Кабардино-Балкарский госархив. Ф. 187, оп. 1, ед. хр. 13, л. 1.
17. Нало Жансэхъу. Литературей щ1эиныр. Налшык, 20043, нап. 121.
18. Там же, с. 203.
19. Там же, с. 204.
20. Курашинов Б. М. В кругу друзей. Нальчик, 1973, с. 110.

Омор СУЛТАНОВ,
*поэт, председатель СП Киргизии,
«Писатель года Тюркского мира-2015»*

ВОРОТА

Как старый снег,
что падал тяжело,
таял быстро –
промчалась время.
От полюса до полюса
оно прошло свой путь.
Скрипучие ворота Саалакуна,
в которые входил один лишь ветер,
и тот же ветер из которых выходил –
запомнил я.

Как утомляет ожиданье!
Сначала пламенем пылает,
затем сжигает все нутро,
а ржавчина своё берет,
она подтачивает силы
и застарелую болезнью
становится в конце концов.
И превращается в ворота,
в которые лишь ветер входит,
выходит ветер из которых.
Ворота мохом поросли...

Саалакун с его подругой,
Саалакун с его старушкой –
они мне кажутся похожи
на мать и на отца Манаса.
Их сын не возвратился с фронта...
От ожиданья их ворота
устали и покрылись мохом.

Однажды я глядел на них,
и так мне захотелось взять
цепь, покрытую ржавчиной ожиданья,
и принести ее к воротам Саалакуна,
и привязать к ней – Гитлера.
Нет... Не стереть с лица земли.
Нет... Не убить – а посадить на цепь!
Здесь – у ворот –
На день, на год, на век!
Как много на земле таких дворов!..

ДЕНЬГИ

Как ни вилай,
как ни крутись, –
преследуют деньги
всю жизнь.

Едешь куда-то,
назад возвращаешься,
хоть прочь их гони,
хоть сам убегай –
деньги встают на твоём пути,
деньги, проклятые деньги...

Дома сиди,
из дома беги,
на гору влезай,
в реку ныряй –
гонятся и догоняют тебя,
если ещё не догнали, –
деньги.

Ах, деньги, деньги!
Бедолаги деньги!
Вас выдумал, верно,
похожия на вас
занудный, и суетный,
и неотвязный,
как боль зубная,
бедняга.

Есть слово “Нет!”.
А вы не согласны,
знать не желаете слова “Нет”.

Есть слово “Есть”,
в нём вся загвоздка,
любимое ваше слово “Есть” –
вы слышите в жизни только его,
даже когда говорят вам: “Нет!”

Ах, как лицо порой печально!
Ах, как лицо порой сияет...

Люди не знают,
где вы запрятаны.
Мне хорошо известно место,
но никому я ещё не сказал,
где вы лежите.
Тише – иначе другие услышат,
я потихоньку скажу,
на ушко:
– Переверните встречный камень,
под каждым камнем
валяются деньги...
Клянусь!

ПАМЯТЬ

*Памяти грузинского поэта
Иосифа Нонешвили*

Сегодня,
в воскресенье,
отдыхая,
на чёрные туманы ТЕЦ
смотрел я долго-долго...

Устал терять.
Я истощен потерями, как тот
арык, что разрывается на части.
Во мне все ниже
уровень воды.

О, если б Нонешвили
стал водой,
и мог я слушать шум его быстрей,
где море Чёрное
на голубых волнах
качает мысли.

Ты веришь, Нонешвили,
в летний дождь?
Ты веришь Нонешвили,
в бег Куры?

Стихи твои,
подобно ивам,
склонившимся над опустелым руслом,
скорбят...

Друг Нонешвили,
ты подобен птице,
вперед летящей,
но свернувшей с курса;
ты никогда уже не встретишь старость,
она к тебе дороги
не найдёт.

Ночь.
И луна повисла над долиной,
как будто глобус
в нашем старом классе.
Я ночью этой вспоминаю друга,
и чёрным дымом ТЭЦ
воспоминанья мои покрыты.

На вечере поэзии
все звёзды
твои стихи взволнованно читают,
а ты стоишь,
дружище Нонешвили,
меж Да и Нет,
печалью нашей став.
Я сомневаюсь, думаю:
ужели
тебя на свете никогда не будет?

Устал терять.
О, как устал терять!

А есть ли на земле душа такая,
что от своих утрат не устаёт?

Валерий Михайлович Крушельницкий. Родился 13 апреля 1942 года. Образование высшее. 30 лет работал на комсомольской, партийной и советской работе в Красноярском крае. В Эвенкийском автономном округе. С 1992 года живёт в Прохладном, КБР. С 1992 по 2000 год работал редактором газеты «Прохладненские известия». С 2000 года занимается литературным трудом. Автор 12 опубликованных книг, из которых 3 написаны в соавторстве. Среди его книг – «Верность»,

«Человек из легенды», «По зову сердца», «Очарованные севером», «Рабочая честь» и другие.

Лауреат нескольких премий КБР, награждён Почётной грамотой Парламента КБР, Почётным знаком «За заслуги перед профессиональным сообществом» Союза журналистов России. Заслуженный журналист КБР, член Союза писателей КБР. Общественный деятель.

Многоуважаемые прохладяне!

В очередной, уже 70-й раз, пришел к нам великий праздник, праздник со слезами на глазах – День Победы в Великой Отечественной войне.

Для того чтобы мы сегодня жили под мирным небом, на алтарь отечества наш советский народ положил миллионы своих жизней. Среди этих павших, которые навечно останутся в наших сердцах и памяти, более шести тысяч наших земляков, жителей земли прохладненской.

Защищали эту землю люди самых разных национальностей и вероисповеданий – русские, кабардинцы, балкарцы, украинцы, грузины, осетины, чеченцы и представители других наций и народностей.

О войне, ее участниках написаны тысячи книг. Верится, что и эта книга В. М. Крушельницкого «Навечно в памяти...» посвященная нашим землякам-прохладненцам, участникам Великой Отечественной войны, живым и ушедшим в вечность, труженникам тыла и «Детям войны», не затеряется среди них. Она станет всем нам своеобразным подарком, благодарностью и признательностью за все, что они сделали для нас в суровые годы войны и не менее тяжелые послевоенные годы, светлой Памятью о них в сердцах сегодняшних и

завтрашних поколений прохладян, где бы они ни жили – в городе или селе.

Эта книга о наших земляках, имена которых не должны забываться. Память о них – живых и погибших – в наших сердцах будет жить вечно.

*Глава местной администрации
г.о. Прохладный, КБР
И. Е. Кладько*

Многоуважаемые жители земли прохладненской!

Правильно говорится, что забывающие свое прошлое, не чтящие свою историю, не знающие людей, её делающих, не будут иметь будущего.

Пришел на российскую землю, в наш многонациональный дом, в том числе в Кабардино-Балкарию, дорогой моему сердцу Прохладный великий праздник – День Победы в Великой Отечественной войне. Жители города и села, земли прохладненской на алтарь этой Победы положили жизни более шести тысяч своих жителей.

Чтить их, всегда помнить и почитать наша святая обязанность, но прежде всего нашего молодого поколения, всех тех, кто придет нам на смену.

Хочется выразить слова благодарности автору этой книги за то, что в доступной для читателя форме он постарался рассказать о своих земляках – участниках войны, тружениках тыла, много сделавших для того, чтобы мир пришел в наш общий дом – в Россию, в наши дома и семьи.

Также хочется верить, что эта книга станет читаемой не только у взрослых, но прежде всего у молодого поколения, не только прохладян, но и у жителей Кабардино-Балкарии в целом.

В эти дни славного юбилея, разрешите мне от всего сердца поздравить вас всех с этим праздником, праздником со слезами на глазах.

Валерий КРУШЕЛЬНИЦКИЙ

МОРСКАЯ СЛАВА СТЕПНОЙ СТАНИЦЫ

Прохладный. Почти два столетия это была неухоженная, пыльная, с непролазной грязью по весне и осени казачья станица, со своими обычаями, традициями, своеобразным русско-украинским говорком, специфическим укладом жизни. Заросшие травой улицы, особенно по станичным окраинам, на которых вольно себя чувствуют куры, утки да важно переваливающиеся с боку на бок гуси и индюки. Над низенькими глинобитными домиками, в подавляющем своем большинстве покрытыми соломой и камышом, которого много в близлежащих озерах и болотцах, в жарком летнем мареве плавают густой, терпкий цветочный аромат. Любят станичники цветы: возле каждого дома – палисадник, а в нем цветы – кусты сирени, роз; выпускающиеся пышным цветом астры, пионы, анютины глазки, дубки.

Ю. Ф. Бекетов

Да разве все цветы перечислишь?!

Мужики – казаки-станичники да иногородние крестьяне, от темна и до темна, до лопающихся кровавых мозолей на натруженных руках, с ранней весны и до глубокой осени гнут спины на своих земельных наделах. Кто за Неволькой, кто чуть ближе. Им помогают повзрослевшие казачата.

Женщины – те больше по домашнему хозяйству. На их руках голопузая малышня и скотина – коровы, овцы, козы, домашняя птица, количество которой зависит от благосостояния хозяина дома.

Ничем не отличалась от других станичников и семья Бекетовых. Такой же невидный домишко, на обычной улице, которая сегодня называется улицей Свободы. Находился он неподалеку от церкви, в районе нынешней школы № 8.

Глава семьи – Данила Прокопьевич Бекетов, родом из станицы Егорлыкской, что привольно раскинулась на придонских степных просторах. Там же, в Егорлыкской, в 1901 году родился и Флавиан Данилович, отец будущего советского адмирала Юрия Бекетова, героя нашего очерка.

Донские казаки Бекетовы испокон веков занимались нелегким крестьянским трудом, пахали землю, сеяли и растили хлеб, пасли скот. Как и все казаки, мужчины рода Бекетовых несли обязательную воинскую службу и с шашкой в руке и карабином за плечами защищали свое Отечество в войнах с Турцией, чуть позднее воевали с японцами на маньчжурских сопках в 1904-1905 годах...

Волею судьбы, в начале XX века семья Бекетовых перебралась в станицу Прохладную, где, как и по всей стране, завоевывал свое право на существование новый строй. На Кавказ пришли новые времена. Флавиан Бекетов, как и многие казаки – кубанцы, терцы, донские казаки, – принял Советскую власть и, несмотря на молодость, а шел ему всего 18-й год, встал на ее защиту. Он на стороне Красной Армии принимает активное участие в Гражданской войне. Здесь, на Кавказе, в Кабарде, он знакомится с Беталом Калмыковым – будущим руководителем Кабардино-Балкарии. Эта дружба продлится долги годы, вплоть до ареста Калмыкова.

Если предки Флавиана Бекетова были земледельцами, то он уже советский служащий, и потому проходит соответствующую учебу, становится директором Прохладненской МТС, впоследствии работает заместителем начальника Госснаба республики.

В станице Прохладной, где Бекетовы оседают, знакомится Флавиан с молодой черноглазой красавицей, казачкой Марией Головчанской, чьи предки еще в незапамятные времена пришли в эти края из Малороссии (Украины), да так здесь и остались. По душе

пришлась ему хозяйственная и в то же время озорная хохотушка. Они поженились, и в декабре 1932 года на свет появился их первенец Юра. Чуть позже родился еще один сын, Геннадий.

С приходом Советской власти разительное меняется облик станицы. Появился и начал работать детский дом, один из первых в республике. Центр Прохладной уже с середины 1920 годов стал освещаться электрическими фонарями. Важно, с чувством собственного достоинства, на ноябрьской демонстрации 1923 года по центральной улице станицы – улице Революции (нынешней улице Ленина) – прошел первый, пусть и небольшой, в 10-12 человек, пионерский отряд во главе со своей пионервожатой, комсомолкой Еленой Климентьевой.

Ю. Ф. Бекетов

Эти и многие другие изменения в жизни станицы, а с 1937 года города Прохладного, – проходили на глазах молодого Юры Бекетова. С той поры прошло не одно десятилетие, но еще живут в нашем городе люди, хорошо знающие эту семью. Одна из них – Маргарита Семеновна Сенычова, работает и сегодня фармацевтом в аптеке ГБ10. Она очень тепло отзывается о семье Бекетовых и прежде всего о хозяйке дома – Марии Степановне.

– Это была, в моем понимании, замечательная женщина, – говорит она, – хорошая хозяйка своего дома. И когда они жили на улице Свободы, в районе нынешней 8-ой школы, и потом, когда семья переехала в железнодорожный поселок, и Бекетовы поселились в доме по нынешней улице Головки, 18. До сих пор в памяти эта дружная семья. В доме всегда был уют, чистота, вкусно пахло стряпней – булочками, пирогами, в приготовлении которых Мария Степановна была мастерицей. А еще она запомнилась мне аккуратностью. Следила за собой, такими же обхоженными были и ее мальчишки – Юра и Гена.

Нелегко приходилось Марии Степановне. Двое ребятишек на руках, муж – военный, политработник. Семейные неудобства, связанные с частыми его переездами. Переживания за детей и мужа. Ведь они, жены военных, как никто другой, знали о надвигающейся опасности, о том, что война уже на пороге их советского дома. Войну с Германией ждали. Но она пришла неожиданно, и военный политработник Флавиан Бекетов одним из первых встретил ее.

Бои с наступающим врагом были кровопролитными и ожесточенными. Батальонный комиссар Бекетов всегда среди бойцов, всегда на переднем крае. В одном из боев, уже под самый конец 1941 года, он получает тяжелое ранение. В полевом госпитале, обдуваемом стылыми декабрьскими ветрами, под станицей Поворино, он медленно умирает. В последние дни и часы своей жизни он вспоминает своих бойцов, с которыми выходил из окружения, спасая секретные

армейские документы. Вспоминает семью, дорогую сердцу Машеньку, своих мальчишек, которым перед смертью написал письмо. В нем Флавиан завещал сыновьям любить и беречь мать, защищать и оберегать, когда придет им это время, свою родину. Письмо это с труд-

нейших военных дорог начала 1942 года чудом дошло до адресата. В семью Бекетовых привез его политрук госпиталя, где умер Флавиан Дмитриевич, – Кириллов.

Прошли с той поры долгие семь десятилетий, но знал бы он, батальонный комиссар Бекетов, как бережно хранятся уже пожелтевшие, хрусткие от времени листочки военного письма в доме его старшего сына Юрия! Что с честью он выполнил завет отца – любить и защищать Родину. Стал военным, морским офицером, контр-адмиралом, подводником.

Закончилась война. Страна, а с нею вместе и Прохладный, вернулись к мирной жизни. Младшие Бекетовы учились. Мария Степановна, закончив фармацевтическую школу, пошла работать, и всю жизнь проработала, как тогда говорили, аптекарем. Стала хорошим специалистом. Аптекой, в которой она трудилась, заведовал в те послевоенные годы Борис Рудня, один из первых руководителей-фармацевтов нашего города. Знала ли, думала ли Мария Степановна, каких высот достигнет ее старший сын! Что его имя, наряду с именем прославленного адмирала Арсения Головки, тоже навсегда войдет в историю российского флота!

Контр-адмирал Юрий Флавианович Бекетов – один из первых советских подводников-ракетчиков!

Впервые я встретился с ним жарким июньским днем, когда Прохладный отмечал 100-летие со дня рождения Арсения Григорьевича Головки, бывшего в годы Великой Отечественной войны командующим Северным флотом ВМС СССР.

Разошлись участники митинга, ушли почетные гости. А он остался стоять с букетом алых гвоздик, в белоснежном парадном кителе, застегнутом, несмотря на жару, на все пуговицы.

– Мой кумир детства, – взглянув на меня, тихо проговорил он и положил цветы к подножию обелиска. – Мы, прохладненские мальчишки предвоенных лет, бредили тогда кто морем, кто небом. Неизгладимые впечатления оставляли самолеты, которые из Нальчика прилетали в Прохладный и садились в восточной части станицы на

полевой аэродром. – Юрий Флавианович замолчал, а потом снова заговорил: – Моим кумиром был и остается Арсений Григорьевич. Его родители жили тогда на улице Свободы, недалеко от нашего дома, и я несколько раз с ним встречался. Один раз он даже взял меня на руки, и его морская форма, фуражка с крабом до сих пор помнятся очень ясно и четко. Мы, мальчишки, в том числе и я, очень ему завидовали, и многие из нас мечтали стать моряками. Я глубоко убежден, что это и его огромная заслуга – в том, что наша станица, а впоследствии город, дали стране много моряков, имена которых широко известны в России и принесли земле прохладненской славу и известность. И я счастлив, что судьба дала мне возможность стать одним из них.

Но неистребимую страсть стать моряком в детскую душу Юры Бекетова вложил не только адмирал А. Г. Головкин. В те военные и первые послевоенные годы многие советские мальчишки были одержимы героями кинофильма «Мы из Кронштадта». Они бредили морской формой, океанскими штормами и качающейся под ногами корабельной палубой, восхищались мужеством и отвагой моряков, идущих на смерть за свое отечество, за свою свободу.

В этой юной когорте, мечтавшей о море, не затерялся и прохладненский школьник, ученик средней школы № 42 Юра Бекетов. Мне врезалась в память встреча с одной из старших учительниц этой школы Надеждой Самойловной Вовк. Она, помнится, сказала: «У меня было много учеников, которых я с любовью вспоминаю до сих пор. Среди них и Юра Бекетов. Он был всегда аккуратен, подтянут. Портфель с учебниками и тетрадками в идеальном порядке. Его уважали ребята, он не был задирой, но всегда был готов постоять за себя, прийти товарищу на помощь. Не знаю, с какого класса, но с 10-го, это уже точно, он мечтал стать моряком. Я часто видела в его портфеле книги о моряках. А еще, и это мне запомнилось больше всего, он любил стихи. Читал их хорошо и много. Как мне кажется, несмотря на свою внешнюю замкнутость, суровость, что ли, в душе он был мягким, добрым человеком. Я бы сказала, лириком. У него была очень светлая, приятная улыбка...».

Действительно, Юра полюбил море еще с детства, и поэтому куда идти учиться после школьного выпуска, раздумий у него не было – только на моряка! Только в морское училище. И в 1950 году, после окончания десятилетки, он поступает в Высшее Военно-морское орденов Ленина и Ушакова 1-ой степени Краснознаменное училище им. М. В. Фрунзе. И с этого года вплоть до настоящего времени, всего себя посвящает служению Родине на ее морских и океанских просторах, где ему и приходилось нести нелегкую офицерскую службу.

Передо мной лежит послужной список контр-адмирала Юрия Флавиановича Бекетова. Все его должности на морской, а позднее и на штабной службе, перечислить сложно. Они занимают почти три страницы машинописного текста. Начинаются в 1950 году, когда он был курсантом, и кончаются сегодняшним днем, в котором он – помощник президента Союза моряков-подводников ВМС России, за-

меститель председателя секретариата – руководящего органа Союза моряков-подводников ВМС. Кроме того, он академик и профессор академии проблем безопасности, обороны и правопорядка РФ.

И хотя служба Юрия Флавиановича приходилось уже на послевоенное время, что такое война, ему пришлось испытать на себе в полной мере. Хотя бы потому, что в годы Великой Отечественной немцы густо нашпиговали Финский и Рижский заливы и восточную часть Балтийского моря контактными и неконтактными минами. Боевое траление и очистка фарватеров от них начались еще в 1945 году. Но и в 50-ые годы военным морякам хватало работы по их уничтожению. В течение трех лет, с 1954 по 1957 гг., морской офицер Бекетов участвует в этих работах. Принимал он участие и в подрыве неконтактных мин шнуровыми зарядами в Рижском порту и реке Даугава. Руководил подрывом вытраленных, а так же выброшенных на морские берега контактных мин. Работа была сложной и невероятно опасной. Нередко возникали нештатные ситуации, приводящие к потере тральщиков. Но Юрий Бекетов из всех ситуаций выходил с честью. За это уже в мирное время он награждается боевым орденом и становится ветераном боевых действий.

Несколько лет Бекетов служит на подводных кораблях Северного флота. В марте-мае 1960 года в качестве инженера-геофизика принимает участие в важнейшем для страны мероприятии – высокоширотной экспедиции «Север-12» на дрейфующей станции «Северный полюс – 8», где он производил промеры глубин Северного Ледовитого океана в районе хребта Ломоносова, от Северного географического полюса до мыса Шмидта. Эти исследования имели важнейшее значение не только для народного хозяйства страны и в деле исследования Северного морского пути для проводки морских торговых караванов, но и в укреплении обороноспособности страны в ее арктическом регионе.

«...Прекрасным солнечным июльским утром 1961 года началась моя служба на подводных лодках», – так почти поэтически говорит об этой службе в своих записках, названных «Залп из глубины океана», сам Юрий Флавианович. В этих записках – гордость за то, что исполнилась его детская мечта. Гордость за людей, с которыми ему довелось служить на подлодках, а чуть позже и на подводных ракетных крейсерах.

В 1962 году он оканчивает курсы командиров подводных лодок, старших помощников по изучению ракетного оружия этих лодок и его применению. В мае 1963-го назначается старшим помощником командира дизельной ракетной крейсерской подлодки «К-110» 12-ой эскадры подводных лодок Северного флота, которой на тот момент командировал капитан 2-го ранга Вольдемар Федорович Шпунтов. Тогда технические возможности применения балтийских ракет, как пишет в своих воспоминаниях Бекетов, были примитивными. Подготовка ракет к запуску была длительной, технически весьма сложной. Пуск их осуществляется только из надводного положения,

что лишало подводные лодки их главного боевого качества – скрытности. Да и дальность полета ракет была весьма невеликой – не превышала 500 км. Учитывая все это, отечественная военная наука, ВПК СССР сделали в кратчайший срок, всего за шесть лет, невозможное: уже 16 декабря 1969 года, будучи командиром ракетного подводного крейсера стратегического назначения «К-140», наш земляк Юрий Бекетов впервые в мире выполнил пуск в одном залпе из подводного положения восьми баллистических ракет с дальностью действия до 2500 км...

Но до этого в его жизни был командный факультет Высших специальных классов офицерского состава ВМС по специальности «Командир подводной лодки», по окончании которых он был назначен командиром на первую отечественную атомную ракетную подводную лодку «К-19», которая после первой крупной на флоте радиационной аварии ядерного реактора была прозвана «Хиросимой», и о которой в свое время американские кинематографисты сняли художественный фильм. Он был посвящен мужеству команды подлодки, спасшей ее в чрезвычайной ситуации, и, по существу, спасшей мировой океан от ядерного заражения, а мир – от ядерной угрозы.

В мае 1967-го Бекетов становится командиром этой лодки. А о том, какой он был командир, каковы были его отношения с экипажем, красноречиво говорит то, что по итогам боевой подготовки в 1967 году «К-19» заняла первое место в ракетной подготовке ВМФ страны, получает приз главнокома ВМС и награждается Почетным знаменем ЦК ВЛКСМ и Мурманского обкома КПСС.

Служба на флоте, тем более на атомных подводных стратегических крейсерах, на вооружении которых были баллистические ракеты, всегда была делом высочайшей государственной важности и ее доверяли только лучшим из лучших, с практически энциклопедическим военно-техническим образованием. И как приятно всем нам, прохладянам, что к этой когорте выдающихся военачальников принадлежит и наш земляк – морской офицер, капитан 3-го, 2-го, 1-го рангов, а затем и контр-адмирал Юрий Флавианович Бекетов.

После первого в мире подводного одновременного запуска 8-ми ракет (за что Юрий Флавианович получил орден Красного Знамени), были у него и его команды и участие в маневрах «Океан», и семь самостоятельных походов на боевое патрулирование у Восточного побережья США. Эти походы никогда не были легкими. Нередко нервное напряжение у команды подлодки и ее командира зашкаливало за все возможные и невозможные пределы. Но команда всегда с честью выходила из всех штатных и нештатных ситуаций. И совершенно не случайно, что в 1972 году экипаж подлодки «К-140» под командованием Бекетова завоевывает приз Главного командования ВМС СССР по ракетной подготовке, награждается вымпелом Министерства обороны «За мужество и воинскую доблесть», а сам корабль был занесен в Книгу Почета Северного флота.

За все это командир подводного крейсера благодарен только ко-

манде, сплоченной и действующей как единое целое, и ее офицерам. Среди них Юрий Флавианович чаще всех вспоминает штурмана, капитана 3-го ранга И. Ф. Величко, младшего штурмана капитана-лейтенанта В. С. Толчино, командира ракетной боевой части капитана 2-го ранга В. М. Сомкина и многих других, среди которых были офицеры штаба дивизии и эскадры подводных лодок В. В. Владимиров, Ю. И. Титов, Э. Ф. Зенкевич, М. А. Суетенко.

В 1973-1974 гг. Бекетов – слушатель Высших академических курсов командиров соединений кораблей Военно-Морской Академии им. адмирала Н. Г. Кузнецова. После их окончания и вплоть до выхода на пенсию в декабре 1990 года он продолжает выходить в море на боевых кораблях, но в основном теперь он служит на высших офицерских должностях. Он заместитель командира отдельной 339 бригады подводных лодок Беломорской военно-морской базы Северного флота, принимает участие в испытании ракетных подводных крейсеров разных проектов. В этих испытаниях подводная лодка 661 проекта впервые в мире достигает подводного хода в 44,7 морских узла. Затем Бекетов в должности зам. командира дивизии занимается отработкой экипажей и вводом их в боевой состав флота. В течение 10 лет, с 1976 по 1986-й, он старший офицер-оператор Главного оперативного управления Генштаба ВС СССР. Принимает участие в качестве советника делегации СССР на переговорах с США по заключению Договора об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2), заключении целого ряда других договоров, направленных на ограничение систем противоракетной обороны.

Не остался сидеть контр-адмирал Юрий Бекетов дома и после выхода на пенсию. Государству, его вооруженным силам, нужен его боевой опыт. Он – помощник начальника отдела планирования заказов вооружения и военной техники штаба вооружения ВМФ страны, главный инженер Центра обеспечения реализации международных договоров по ограничению вооружений, много внимания уделяет работе с ветеранами-подводниками, членами их семей.

Мне до сего времени вспоминается встреча с Юрием Флавиановичем в одной из нальчикских гостиниц. Было это в 2006 году. Мы сидели в фойе и ждали телевизионщиков из республиканского телецентра. Мы много тогда с ним говорили, и мне запомнились его слова:

– Не забыты морские и океанские походы. Их было много. Остались в памяти моряки, офицеры, с которыми делились трудности этих походов. До сих пор помнятся морские и океанские брызги, бьющие в лицо, особенно когда на море крупная волна. Запах и соленый вкус этих брызг ни с чем не сравнимы. Он остается с моряком навсегда, до конца его жизни.

Юрий Флавианович замолк, а мне вспомнилась давняя морская традиция, о которой я вычитал в какой-то военной книге. У командира подводной лодки очень много обязанностей. В его руках жизнь

корабля, его команды. Но есть одна обязанность, которую выполняет только он, командир, и никто больше. Это две чисто символические операции: задраивать при погружении и отдраивать при всплытии рубочный люк. Делается это командиром когда лодка уходит в поход и когда она возвращается на родную базу.

– Таких операций у меня было не две, и не три, а гораздо, гораздо больше, – Юрий Флавианович светло улыбается. – И всегда на сердце была торжественность и какая-то грусть. Ведь уходили в поход надолго. Уходили от дома, семей, боевых друзей. И была великая гордость за то, что этот поход государство доверяло именно мне, командиру.

И еще, что меня приятно удивило. Юрий Флавианович был не только высокого класса специалистом и хорошим командиром для своих подчиненных. Он был еще и очень начитанным человеком. У него имелась неплохая библиотека, в которой много военной и мемуарной литературы. Как говорят те, кто его знал и знает (один из этих людей – корреспондент газеты «Труд» Юрий Дмитриев), у Бекетова в его командирской рубке всегда лежали стопки книг. А одним из любимых авторов контр-адмирала был Джек Лондон.

Закончить этот небольшой очерк о жизни нашего замечательного земляка я хотел бы коротким отрывком из стихотворения флотского поэта В. Белозерова, которое называется «Гост».

*...Мы выпьем за горечь разлуки,
За жгучие вьюги, морозы,
За нежные женские руки,
За тихие женские слезы.
Мы выпьем за бури и штормы,
Большие морские глубины,
За труд наш опасный, упорный,
За умные наши машины.
За бурю тревог и учений,
За рост попаданий и сбитий,
За то, чтоб число погружений
Равнялось количеству всплытий!*

Мне думается, в этом стихотворении весь Юрий Флавианович Бекетов. Мореход, мореплаватель, суровый и требовательный командир. А в душе – любящий отец и дедушка. Красивый и внешне, и внутренне. Лирик в лучшем смысле этого слова. И это прекрасно.

Артем НЕРУБЛЕНКО,
выпускник МКОУ «СОШ с. Янтарного»

2008 г. – победитель районной олимпиады по русскому языку и литературе, 2013 г. – победитель городского конкурса «Нет коррупции», в номинации «Лучшее стихотворение». 2014 г., 2015 г. – призер районного литературного конкурса творческого объединения «Золотое перо» в номинации «Журналистика», 2014 г. – лауреат Всероссийского поэтического конкурса «Поэзия Шекспировской веснь» в номинации «Свободный выбор», работы лауреатов этого конкурса опубликованы в летнем номере литературно-художественного альманаха «Алый парус».

Дипломы участника за успешное участие в Международном литературном конкурсе для школьников 6-11-х классов «День Енота – 2014» (г. Новосибирск); во Всероссийском литературном конкурсе для детей и подростков «Загадка Лермонтова» (г. Москва, 2014 г.); в III Международном творческом конкурсе «Вечная память» (Федеральный журнал «Сенатор», фонд «Маршалы Победы», к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, г. Москва, 2015 г.).

МАРШ КРУГА

Миром правит круговая порука –
Друг за друга, друг за другом...
И те, кто шаром земным управляют,
Крепко друг другу руки сжимают.
Ширится круг, крепчает.
Сколько тех, кто ни за что не отвечает
Ни перед людьми, ни перед Богом?!
Главное только ходить полубоком,
Лиц же тогда не увидеть задом.
Мерзко и мерзкому в мерзость глянуть...
Что круг порочный, объяснять не надо,
Так ведь никто ж никого не арканит.
Кто вы? Не могу вам найти названья...
Вам и думать не надо – в круге тянут,
Выбирать дорогу не нужно – подскажут,
Повернут, если надо, даже.
Если ж оступится один из круга –
Тут же замолвят словечко за друга.
Подкупят иль мзды дадут кому надо...
Отряхнулся и снова – в ряды отряда.
Миром правит круговая порука –
Друг за друга, друг за другом...
Так и топочет этот центр Вселенной
Небожителей обыкновенных.

ХАТТЫ¹

Хетты не хуже своих соседей умели собирать силы в кулак, когда намеревались нанести удар по врагу; только пальцы в этом кулаке складывались иначе, чем так, как в Египте или Вавилоне.

Вот как наставлял своего преемника на троне хеттский царь Мурсили: «Общайся только с придворными! От горожан и крестьян царю нечего ожидать. Им нельзя верить, а общение с ничтожными лишь порождает опасность».

В аналогичном обращении египетского фараона Ахтоя смысл иной: «Не делай различия между сыном знатного человека и простолодином. Приблизжай к себе человека за дела его...»

Конечно, Ахтой не был «демократом». Просто он знал, что главная угроза трону исходит от непокорных египетских вельмож. Мурсили же твердо рассчитывал на верность хеттской знати.

Дело в том, что отношения между царем и «благородными» людьми у хеттов носили иной характер, нежели в Египте или Вавилоне. В отличие от других стран Древнего Востока, знатные хетты не считались рабами царя, как остальное население.

У хеттов сохранилось присущее индоевропейским народам представление о «благородстве» как о врожденном качестве; оно не зависело ни от степени близости к царю, ни от занимаемой должности. «Чистыми», то есть свободными, хетты признавались, если не несли отработанной (луццы) или продуктовой (саххан) повинности. Они объединялись в собрание воинов – «панкусу», от мнения которого зависел выбор нового монарха из числа представителей царского рода.

Одним словом, царь не оказывал давления на знать, бывшую надежной опорой трона. Неслучайно другой царь, Хуттусили I, когда ему понадобилось изменить решение о назначении наследника престола, обратился именно к панкусу. Таким образом, хеттский способ «складывания пальцев в кулак» был более эффективный, чем у остальных народов. Четкое, простое устройство общества, единство интересов царского рода и свободных хеттов делали этот кулак весьма грозным (29).

Религия у хеттов играла первостепенную роль. В стране было множество храмов, в которых отправлялись различные культы многих и многих богов. Божества хеттов отвечали каждый за свою, вполне определенную сферу жизни. Бог Солнца – один бог, ему принадлежало неотъемлемое: он сотворил весь этот мир. Богиня Солнца – всем этим миром управляла. Ей поклонялись хетты как главной, не забывая при этом, что главный – Он. Кроме того, были бог Грозы, бог Луны, богиня Духа пчелиного роя, божества Страх и Ужас и так далее (Бацалев).

Одним из предметов поклонения был восходящий к 7 тысячелетию до н. э. культ быка. На стенах святилища Чатал-Хююка найдены огромные бычьи

¹ Продолжение. (Начало см. в № 1 2015).

головы, вылепленные из глины, на фресках также часто изображен бык (22).

В Хатгусе располагалась и древнейшая библиотека мира. Для сравнения приведем время создания других известных нам древних библиотек: библиотека царя Тиглатпаласара I в Ашшуре и библиотека Ашшурбанипала в Ниневии были основаны соответственно около 1100 и 650 годов до нашей эры. Эта библиотека находилась в царской крепости. Ее здание насчитывало не менее двух этажей и достигало 32 метров в длину (9, ч. 4).

О роли хеттов в мировой истории можно судить по высказываниям востоковедов. Боссерт называет Хеттское царство «мостом из Месопотамии в Грецию» и включает хеттов и их прямых наследников в число «учителей наших учителей» – греков. Б. Грозный говорит, что «древние хетты, воспеваемые блестящей вавилонской культурой, были лучшими посредниками между Азией и Европой, эгейской областью, Грецией и Римом». В. В. Струве присоединяется к подобным высказываниям: «Хеттская культура имела большое историческое значение, поскольку хетты и воспринявшие их наследие народы Малой Азии более позднего времени являлись важнейшими посредниками, передававшими достижения вавилонской культуры народам тогдашней Европы» (17).

В найденных Г. Винклером табличках «из Арцавы» говорилось, что царство хеттов было разграблено примерно в 1200 году до н. э. завоевателями – народом мосхи. Однако, как выяснилось, не все царство было разграблено, а та часть его, в которой находилась столица, то есть фактически только Каппадокия. В 8 веке до н. э. Хатти продолжало существовать, хотя мосхи все еще оккупировали каппадокийское царство. Долгие десятилетия хеттские государства (Тархундасса на плато Конья, Малатья в горах Тавра и Каркемиш во внутренней Сирии, причем последние два удержали название «Хатти») одно за другим постепенно восстанавливали свою независимость, а затем объединились под началом Каркемиша (6). Последняя часть Хеттского государства, княжество Каркемиш, было окончательно разгромлено ассирийским царем Саргоном II в 708 году до н. э. Ослаблению и окончательному падению Хеттского царства способствовали также и нашествия «народов моря». Перед мощной волной стихийного нашествия десятков племен и народов с Балканского полуострова они оказались бессильны.

Причин великого движения племен и народов с запада на восток было несколько, одной из них было изменение климата. Громадные приливные волны стали обрушиваться на побережье Северного моря; низменности были затоплены. На обширной территории Европы – в Англии, Германии, Нидерландах, Бретани – начался голод. Другой возможной причиной могло быть землетрясение. Как сообщают египетские хроникеры Мединет-Хабу, острова, родина «народов моря», подвергались землетрясениям, города их гибли, леса «были объаты пламенем, и они имели перед собой моря пламени». Известный французский океанолог Рене Малез полагает, что последние остатки Атлантиды ушли на дно морское не 12 тысяч лет назад, а за 1200 лет до н. э., и «народы моря» были атлантами, наступавшими с запада на восток, воевавшими с греками и египтянами. Еще в XVIII столетии швед Рудбек, ничего не ведая о

хрониках Мединет-Хабу, определил дату гибели Атлантиды 1226 годом до н. э. Он исходил из того, что «годом» жрецы Египта называли лунный месяц, так как пользовались лунным календарем.

Такой же пересчет солнечных годов на лунные месяцы сделал и немецкий атлантолог Юрген Шпанут в середине нашего века. Согласно Шпануту, Атлантида находилась в Северном море. Ее гибель была связана с целой серией катастроф, произошедших в конце XIII века до н.э. Это был катастрофический взрыв Санторина в Эгейском море, извержения Этны на острове Сицилия и Геклы в Исландии, а также других вулканов в различных точках Европы и Азии. Огромный метеорит (или астероид) упал в районе устья реки Эдер, впадающей в Северное море возле гирлянды Северо-Фризских островов, что и послужило причиной гибели Атлантиды и толчком к началу вулканической деятельности. Спасаясь от гибели, атланты совершили дальний рейд и вторглись в Египет, приведя в движение многие народы Средиземноморья.

Чтобы выжить, племена двинулись на юг, так как знали, что где-то на юге лежат богатые страны – Греция, Египет. Издавна они торговали с южанами, выменивая товары на янтарь, который часто находили на берегу моря. На этот раз к берегам Средиземного моря шли не отдельные торговцы, а целые народы. На фресках Мединет-Хабу, запечатлевших битву египтян с «народом моря» в устье Нила, по мнению Шпанута, запечатлены пришельцы из Северного моря, вооруженные бронзовыми мечами, копьями, круглыми щитами, а также рогатыми шлемами, напоминающие тех, что в средние века носили норманны. Колонны беженцев все разрастались. Огромной волной они захлестнули Венгрию, докатились до Македонии, осадили Афины, пересекли Малую Азию и достигли нильской дельты, где, в конце концов, были уничтожены войсками египтян.

Одна из египетских хроник, начертанных на стенах храма Мединет-Хабу, так повествует о нашествии «народов моря»: «Ни одна страна не устояла перед десницей их, начиная от Хатти. Кеде, Каркемиш, Арцава, Аласия были уничтожены. Они разбили лагерь посреди Амурру, они погубили его людей, как если бы те (никогда) не существовали. Они направились на Египет... В союзниках объединены были среди них прст, чкр, шкрш, дйнь и вшш. Они наложили руки на страны до края земли, сердца их были полны упования и говорили они: «Преуспеют наши замыслы»...»

Очевидно, Хеттское царство тоже пало жертвой этого великого переселения народов (22). После уничтожения Хеттского царства «народом моря» народ хеттов пришел в упадок. На их месте поселились фригийцы, вытеснив хеттов в Киликию, Мелид (Мелитена) и Куммух (Коммагена), где они дожили до прихода персов и впоследствии были ассимилированы малоазийскими греками и армянами (28).

Итак, судя по данным истории, Хеттское царство было «окончательно разгромлено» ассирийским царем Саргоном II в 708 году до нашей эры, и, по данным хроник, хатты «были ассимилированы греками и армянами». Ошибкой было бы считать, что история хеттов на этом

закончилась. Прошло более семи столетий. Казалось бы, от разбитого и ассимилированного народа не должно остаться и следа. Однако открываем две книги, написанные с разницей в два тысячелетия: «Географию» Страбона (около 63 г. до н. э. – 23 г. н. э.), «лучшего источника для изучения географии древнего мира», и «Дорогу на Иордан» К. Захаряна.

В обеих книгах пишут о племени хаттов, жившем в начале первого века нашей эры в центре Европы. Вернувшись на четыре столетия назад, то же племя хаттов оказалось на бывших землях кельтов в области Майна. В первом веке н.э. на несколько лет позже Страбона римский историк Публий Корнелий Тацит (около 54–123 гг. н. э.) в своей книге «Германия» подробно описывает одно из мощных германских племен хаттов, а епископ Григорий Турский (около 540–594 гг. н. э.) в «Истории франков» также упоминает этот народ. Что это – случайное созвучие или возрождение феникса из тлена? Но это еще не все. В начале 8 века нашей эры, а точнее в 738 году, другой Григорий – Турский в письме Бонифацию, «апостолу всех немцев», сообщает «о некоторых хаттах, народе Гессена (латинское *populus hassiorum*)», который проживает в низовьях реки Фульда (данные Википедии).

Остановимся подробно на каждом из этих сообщений.

Еще много столетий назад земли от Рейна до Вислы, от Дуная до Немецкого и Балтийского морей были покрыты густым, непроходимым первобытным лесом, носившем название Геркинского или Герцинского леса. Первоначально под этим названием древние подразумевали всю гористую область, покрытую лесом (в 60 дневных переходов длины и 9 дневных переходов ширины) в Средней Германии на север от Дуная (Истра), от Рейна до Карпат и границ Дации.

По описанию Страбона «Геркинский лес довольно густой, деревья в нем больших размеров; он охватывает большое пространство в окружности в пределах области, укрепленной (самой) природой; в середине леса находится местность, вполне удобная для поселения. Вблизи нее находятся истоки Истра и Рена; между ними лежат озеро и болота, образовавшиеся при разливах Рена» (24, кн. 7).

Грек Посейдониос (135–50 годы до н. э.) при описании этой страны отмечает, что она находится «на краю света, у самого дальнего моря», где живет германское племя «в стране тенистой и покрытой лесом, и солнце повсюду мало имеет доступа в виду глубины и густоты лесов, которые простираются к югу до Геркинских лесов».

В Геркинском лесу находился «Боигем – царская резиденция вождя Марабоды, куда он переселил не только разные другие племена, но и своих соплеменников – маркоманнов». В числе германских племен, проживавших на этой территории Страбон назвал и хаттов, которые, как и другие племена, «получили известность от войны с римлянами, в ходе которой они покорялись, снова восставали или покидали свои поселения» (24, кн. 7).

Германскими племенами в те годы называли все племена, населявшие области за Реном, обращенные на восток и лежавшие на территории кельтов. Имя «германцы» кельтского происхождения и обозначает

«близко живущих соседей» (гальско-кимрское «geg» – сосед); первоначально оно употреблялось кельтами (еще в эпоху Цезаря) для обозначения некоторых кельтских народностей на левом берегу нижнего Рейна. Но уже в первом веке до н. э. оно было перенесено на всех германцев. Римляне называли их «германцами», как бы желая указать, что это «истинные» галаты.

Слово *germani* на языке римлян означает «подлинные». «За племенами, живущими по течению реки Рена следуют остальные между Реном и рекой Альбием; последняя течет приблизительно параллельно первой к океану, пересекая не меньшую территорию, чем Рен» (24, кн. 7, 290). Этим именем называли около 45 различных народностей, по названию которых было видно, что слова эти латинского происхождения. Не исключено, что римляне странно звучащие для них названия переносили на свой лад (7, гл. 2).

Лампрехт полагал, что ко времени Цезаря германцы прожили оседло «по меньшей мере, тысячу лет, а скорее всего «тысячи лет», и являлись «носителями внушающей удивление варварской культуры». У Фука эта цифра еще больше: «Как доказано, около трех тысячелетий они занимались земледелием и скотоводством, почти два тысячелетия они знали бронзу и благородные металлы и были знакомы с их обработкой, много столетий знали железо; они ткали, строили дома, проводили дороги и имели торговые связи с востоком, югом и западом». Однако история последующих пятисот лет протекала в вечном, не знающем перерыва переселении народов, что говорит о том, что германцы вели жизнь кочующих пастухов и охотников (7, гл. 4).

Первые известия о германцах начинаются с 4 века до н. э. К этому времени они уже успели расширить свою территорию на Западе до нынешних, на севере – до Голландии, на юге и юго-западе – до Майна и среднего Рейна. В 4 веке до н.э. южные земли на Средненемецкой возвышенности и в области Майна, покинутые ушедшими на юг кельтами-волками (*volcae*), были заняты хаттами и маркоманнами.

То есть в четвертом веке до нашей эры, через триста лет после разгрома Хеттского царства, появилось первое известие о хаттах как о германском племени в центральной Европе.

Согласно классификации, все древние германские народности разделяли на три большие группы: западную, восточную и северную. Хаттов относили к западной группе. Эта группа занимала почти всю нынешнюю Германию, Голландию и часть Ютландского полуострова. Народности, входящие в состав западногерманской группы, в свою очередь, подразделялись на три ветви: ингвеонов, гермионов и истевонов.

К истевонам относили прирейнских германцев, среди которых наиболее сильными считались хатты (на правом берегу Рейна, предков позднейших гессенцев), убии и батавы (на островах, образуемых нижним Рейном). Помимо них в числе западной группы был ряд мелких народностей. Все они вошли впоследствии в состав салийских и рипуарских франков. Если не считать незначительных передвижений на Западе, то это расположение германские народы сохранили до второй

половины второго века.

Цепь укреплений на прирейнской и придунайской линиях сдерживала германские народности в прежних границах. Но быстрый рост населения заставил германцев прорвать эту цепь. Наступательное движение, продолжавшееся до шестого века включительно, получило название великого переселения народов. Последнее закончилось занятием германцами всех западно-римских областей.

В книге «Германия, или О происхождении германцев и местоположении Германии», написанной Тацитом в 98 году н. э., дается этнографическое описание германских племен, живших в то время за пределами Римской империи. Значительное место в книге уделено хаттам.

«С Герцинским лесом начинаются поселения хаттов, обитающих не на столь плоских и топких местах, как другие племена равнинной Германии; ведь у них тянутся постепенно редяющие цепи холмов, и Герцинский лес сопутствует своим хаттам и расстается с ними только на рубеже их владений. Этот народ отличается особо крепким телосложением, сухощавостью, устрашающим обликом, необыкновенной непреклонностью духа.

По сравнению с другими германцами хатты чрезвычайно благоразумны и предусмотрительны: своих военачальников они выбирают, повинуются тем, кого над собою поставили, применяют различные боевые порядки, сообразуются с обстоятельствами, умеют своевременно воздерживаться от нападения, с пользой употребляют дневные часы, окружают себя на ночь валом, не уповают на военное счастье, находя его переменчивым, и рассчитывают только на доблесть и, наконец, что совсем поразительно и принято лишь у римлян с их воинской дисциплиной, больше полагаются на вождя, чем на войско.

Вся их сила в пехоте, которая, помимо оружия, переносит на себе также необходимые для производства работ орудия и продовольствие. И если остальные германцы сшибаются в схватках, то о хаттах нужно сказать, что они воюют. Они редко затевают набеги и стремятся уклониться от внезапных сражений. И если стремительно одолеть врага и столь же стремительно отступить – несомненное преимущество конницы, то от поспешности недалеко и до страха, тогда как медлительность ближе к подлинной стойкости.

И что у остальных народов Германии встречается редко и всегда исходит из личного побуждения, то превратилось у хаттов в общераспространенный обычай: едва возмужав, они начинают отращивать волосы и отпускать бороду и дают обет не снимать этого обязывающего их к доблести покрова на голове и лице ранее, чем убьют врага. И лишь над его трупом и снятой с него добычей они открывают лицо, считая, что, наконец, уплатили сполна за свое рождение и стали достойны отечества и родителей; а трусливые и не воинственные так до конца дней и остаются при своем безобразии. Храбрейшие из них, сверх того, носят на себе похожую на оковы железную цепь (что считается у этого народа постыдным), пока их не освободит от нее убийство врага.

Впрочем, многим хаттам настолько нравится этот убор, что они до-

живают в нем до седины, приметные для врагов и почитаемые своими. Они-то и начинают все битвы. Таков у них всегда первый ряд, внушающий страх как все новое и необычное; впрочем, и в мирное время они не стараются придать себе менее дикую внешность. У них нет ни поля, ни дома, и ни о чем они не несут забот. К кому бы они ни пришли, у того и кормятся, расточая чужое, не жалея своего, пока из-за немощной старости столь непреклонная доблесть не станет для них непосильной» (25, стр.5). Основной территорией селений хаттов была равнина Фритцлар-Ваберн и район г. Касселя. Отдельные поселения доходили вплоть до Рейна, где хатты неоднократно вступали в военные конфликты с римлянами.

Римлянам, которые тогда подчинили своему политическому господству почти весь известный мир, от Испании до самой Персии и от Северной Африки вплоть до Британии, германцы стали впервые известны благодаря походам кимбров и тевтонов. Эти народности в 113 году до н. э. вторглись с севера через Альпы в Италию и грозили даже столице Риму, так как разбили несколько римских армий. Только в 15 г. н. э. начались настоящие походы римлян с запада через Рейн, с юга через Дунай, – в германскую землю в целях ее завоевания. Двум полководцам Друзу и Тиберию удалось частью силой оружия, частью путем переговоров превратить в римскую провинцию земли от Рейна до Эльбы.

Однако в 9 году н. э. римский полководец Публий Квинтилий Вар своими вымогательствами и проводимой насильственной романизацией вызвал выступление в 9 году н. э. против Рима германских племён во главе с Арминием, в числе которых были и хатты. Восставшие заманили в Тевробургский лес войско Вара в количестве трех легионов и перебили его. Вар покончил жизнь самоубийством. После поражения Квинтилия Вара часть племен освободилась от владычества Римской империи.

В ответ на это в 15 году во время военной кампании под руководством римского полководца Германика было полностью разрушено главное селение хаттов Маттий. Это событие описано Страбоном пленением из числа хаттов «дочери вождя Укромира и жреца Либеса» (24, с. 292). В последующем хатты вошли в антиримскую коалицию под предводительством херусков. К концу века римляне начали воздвигать по Рейну и Майну укрепленную пограничную стену (так называемый рубеж) против германцев (7 гл. 1).

В начале 6 века н. э. область, где селились хатты, была захвачена франками и стала частью королевства франков. В составе королевства хаттам удалось в значительной мере сохранить автономию. Примечательно, что хатты (наряду с фризами) – единственное германское племя, чье имя и поныне продолжает жить как в названии местности, так и в именовании жителей. От названия племени хаттов произошло название Гессен («Доисторическая Германия» материал из Википедии).

Согласно современным представлениям, имя собственное «Chatti» постепенно превращалось в сегодняшнее Hessen: Chatti > Hatti > Hassi (около 700 года н.э.) > Hessi (738 год н. э.) > Hessen («Союз франкских племен») (около 500 года н. э.).

Первое упоминание названия Гессен (немецкое Hessen) датируется 738 годом, когда Григорий Турский сообщил в письме Бонифацию о некоторых хаттах, народе Гессена (по-латински *ropulus hassiotum*), который селится в низовьях реки Фульда. Позднее так стали называть жителей как Верхнего, так и Нижнего Гессена.

С именем миссионера Бонифация связано и событие, описанное некоторыми историками. Так, на севере Гессена, близ Гайсмара, неподалеку от пограничного укрепления франков стояло священное для германцев-язычников дерево – Дуб Донара (Дуб Тора). В 723 году Бонифаций срубил дуб и распорядился возвести из него капеллу Святого Петра во Фритцларе. Это положило начало обращению хаттов в христианство.

В состав хаттов входил ряд других племен: это батавы, хаттуары, ландоуды, маттиаки, нертереаны, никтрены и каннинефаты. Согласно Тациту, «батавы принадлежали к хаттам, одному из крупнейших племенных союзов рейно-везерских германцев. В период обитания в районе верхнего течения реки Везер или области между реками Эмсом и Липпе батавы из-за внутренних неурядиц отделились от хаттов и переселились, предположительно в пятидесятом году до нашей эры, в дельту реки Рейн».

По мнению голландских исследователей, этноним «батавы» означает «те, которые живут на прежней территории хаттов». Согласно другой точке зрения, данный этноним связан с особенностями внешнего облика батавов и их личных качеств и означает «сильные» или «счастливые люди». В 12-м году до нашей эры батавы были покорены римлянами и в дальнейшем выступали как их союзники, оказывая им большую помощь во время германских войн.

Поддерживая римлян войсками, батавы получали большие льготы: они освобождались от всех поборов и налогов. Они были хорошими наездниками и пловцами, в летописях неоднократно упоминается об их усердии и мужестве. По старинному обычаю когортами батавов командовали воины, происходившие из самых знатных родов. Еще у себя дома они начинали проводить наборы в конные войска, прославленные больше всего искусством переплывать реки: отряды батавов с оружием в руках переплывали Рейн, не сходя с коней и не нарушая строя. Недаром императорская конная гвардия комплектовалась из батавов (3).

После заката Римской империи шестнадцать столетий назад батавы странным образом исчезли из исторического поля зрения. Они были “открыты” вновь в XIV-XV веках, во время Ренессанса, когда ученые обратились к древним римским текстам. С 1500 года рассказы об этом гордом и свободолюбивом народе занимают определенное место в описании истории Нидерландов – политики, писатели, искусствоведы стали преподносить батавов как своих доблестных предков (23).

ЯЗЫК И РАСА

Генетическое родство языков можно считать доказанным при наличии фонетических, лексических и грамматических соответствий даже

при разрыве между ними в несколько тысячелетий. Р. Раск считает, что на протяжении одного человеческого поколения народ может изменить свои верования, традиции, установленные обычаи, законы и институты, может подняться до известной степени образованности или вернуться к грубости и невежеству, но язык при всех этих переменах продолжает сохраняться, если не в первоначальном виде, то, во всяком случае, в таком состоянии, которое позволяет узнавать его на протяжении целых тысячелетий (З. И. Керашева).

Хаттский язык, или hattili, на котором говорили хатты, назывался «языком города Хатти». В царском архиве столицы Хеттского царства – Хаттусы (современный Богазкёй) в религиозных текстах, написанных на индоевропейском хеттском языке, встречаются иноязычные литии, молитвы и заклинания, написанные на хаттском языке. На этом языке звучали некоторые песнопения во время хеттских богослужений. Но в отдельных литургических текстах хаттийские литии переведены на индоевропейский хеттский язык (13). Эти тексты написаны слоговой клинописью почти без идеограмм, что очень затрудняет понимание; к тому же есть основания думать, что они были записаны хеттскими писцами по памяти без четкого понимания их значения, иногда даже с ошибками в словоделении.

Хаттский язык отличается от хеттского не только тем, что принадлежит к другой языковой семье, о чем писал Дж. Маккуин в своей книге «Хетты и их современники в Малой Азии» (9, ч. 2 стр.111).

Сложность разгадки хаттского языка лингвисты объясняют и тем, что «с фонетической точки зрения клинописные записи хаттского языка в высшей степени неточны, так как хеттский вариант аккадской клинописи, которым записаны тексты, позволяет различать всего 12 согласных, а хаттская фонологическая система, по крайней мере, исторически, была значительно богаче». Все это ставит почти непреодолимые препятствия интерпретации хаттского языка, тем более что грамматическая структура и характер отражаемых в языке грамматических категорий, по-видимому, весьма существенно отличаются от грамматических категорий, существовавших в индоевропейском хеттском-неситском языке, и от его грамматической структуры; поэтому и билингвы дают лишь слабую опору для раскрытия хаттской грамматики (15).

Структура этого языка показала, что он не являлся ни индоевропейским, ни семитским. Хаттский язык представляет собой самый древний из засвидетельствованных текстами анатолийских языков третьего-начала второго тысячелетия до н. э. По словам немецкого лингвиста А. Камменхубер, исследовавшей анатолийские языки и другие языки древней Малой Азии, «мы до сих пор не в состоянии перевести и трех строк однозначного (то есть не снабженного еще в древности переводом на хеттский язык) хаттского текста. На хеттские переводы хаттских текстов можно полагаться лишь с соблюдением крайней осторожности».

В 20-х годах XX века швейцарский востоковед Эмиль Феррер высказал гипотезу о близости хаттского языка к западно-кавказским языкам. Дальнейшие исследования подтвердили типологическое сходство

принципов структуры хаттского и абхазо-адыгских языков. Эту гипотезу поддержал и ряд ученых (В. В. Иванов, И. М. Дьяконов, Дунаевская), который подтвердил, что как по своей лексике, так и по грамматике хаттский является языком древне-северокавказской семьи, сохраняющим много общих черт с северо-западными кавказскими языками, в частности с абхазо-адыгскими (9, стр.111–112).

Существующую информацию о хаттском языке ученые считают достаточной для выявления его родства с языками современных автохтонных кавказских народов (30).

О многосторонней общности языков говорит и высказывание польского лингвиста Яна Брауна: «На всех плоскостях своей структуры, фонологической, морфологической, синтаксической и лексической хаттский язык обнаруживает явное сходство с материалом северозападной группы исконных кавказских языков. Пришло время, чтобы начать детальные, сравнительно-исторические штудии над хаттским языком с одной стороны и абхазо-адыгским с другой. Невозможна подготовка комплексной, научной сравнительно-исторической грамматики северозападной группы кавказских языков без учета хаттского, который представляет как будто «санскрит» для упомянутой языковой группы» (5).

Чтобы определить место хаттского языка в языковой семье, остановимся на некоторых гипотезах и классификациях языков. В середине XX века Н. Я. Марр выдвинул концепцию «яфетической» кавказско-средиземноморской общности языков. Позже С. Старостиным было доказано существование дене-кавказской или сино-кавказской языковой общности, в которую входили абхазо-адыгские языки (11). По мнению И. Гаршина, предками сино-кавказцев являются первые европеоиды.

Сино-кавказские языки – это гипотетическая макросемья, объединяющая несколько языковых семей Евразии и Северной Америки. Языковые семьи Евразии объединяются в две основные семьи, одна из которых – сино-кавказская, в состав которой входят северокавказская, енисейская и тибето-китайская. По мнению И. А. Бодуэна де Куртене, хаттский язык представляет собой отдельную ветвь сино-кавказских языков, проявляя при этом близость с северокавказской и енисейской ветвями.

В 9-8 тысячелетиях до н. э. произошел распад дене-кавказских языков, который (по предположению И. Гаршина) мог произойти в одном из районов Юго-Западной Азии – в Анатолии или где-то восточнее (по-видимому, в зоне и в эпоху «Благодатного полумесяца» – протогорода Чатал-Гююк). Выделившиеся из дене-кавказского праязыка северокавказский, сино-тибетский и на-дене праязыки распались в 5–4 тыс. до н. э.

Говорившие на северо-кавказских языках народы либо остались на исконном месте (хатты, хурриты, уруртийцы), либо мигрировали в немного более северные районы (предки адыгов и абхазов, вайнахов, народов Дагестана).

Далее (согласно одной из концепций) в 9–8 тысячелетиях до н.э. произошел распад сино-кавказской языковой общности, находившейся

в Малой Азии и прилегающих районах Малого Кавказа (современные Турция и Армения). Оставшиеся на территории Малой Азии сино-кавказцы образовали хатто-хурритскую семью языков, которая разделилась в 4 тысячелетии до н. э. на две языковые группы – хаттскую (современную адыго-абхазскую) и хурритскую (современную нахско-дагестанскую).

Несмотря на то, что они начали развиваться автономно, четкой локализации групп не произошло – хатты обосновались на полуострове Малая Азия и на черноморском побережье Кавказа (10).

В конце третьего тысячелетия значительная часть хаттов мигрировала на Западный Кавказ и заселила горные районы Северного Кавказа, смешавшись с палеолитическим населением. Предполагается, что хатты приняли участие в создании Майкопской культуры на Кавказе. Об этом свидетельствует присутствие в археологической Майкопской культуре периода ранней бронзы 3-го тысячелетия до н. э. выразительного земледельческого компонента, сходного с культурой Аладже-Гуюк Анатолии.

Изучение исторических памятников позволяет предположить, что на всем протяжении от центральной и западной части Северного Кавказа и Закавказья, через Восточное Причерноморье, Колхиду и Южное Причерноморье (Понт) до реки Галис (Кызыл-Ирмак) в третьем и, вероятно, во втором тысячелетии до нашей эры были распространены племена, либо непосредственно принадлежавшие к северо-западно-кавказской языковой группе, либо говорившие на языках, родственных абхазо-адыгским.

Выводы лингвистов дополняет и древний фольклор абхазов и адыгов, в котором сохранилась легенда о походе Уар-Хату в Малую Азию, который окончился на Евфрате.

Аналогичная запись найдена в древнехалдейском трактате по астрологии: «В 3750 году до н. э. – «Фар Хатти (Var Hatti – «царь хатти») приходит и занимает трон Аккада».

Также довольно интересно отметить и то, что в нартском эпосе упоминается некий язык «хатиаг авзаг», то есть хаттийский язык, на котором когда-то разговаривали нарты, и который нарты забыли, а помнили его лишь самые старшие из нартов. Также интересно, что у нартов хатиаг авзаг был языком сакральным и магическим, так же как у хеттов-неситов хаттский язык был языком богослужений и культов (5). Можно еще вспомнить, что и кабардинские князья говорили на непонятном для простонародья языке.

Работы ряда историков позволяют проследить историко-культурные параллели между хаттами и абхазо-адыгами. Сюда можно отнести анализ одного из лексических совпадений термина «Уашъхьо». Г. А. Меликишвили впервые обратил внимание специалистов на общность хаттского *washab* и адыгского *uasho* и считал это тождество весьма важным для подтверждения родства хаттов и абхазо-адыгов.

«Одной из самых показательных лексико-морфологических встреч, – отмечал Ш. Д. Инал-ипа, – между хаттским и абхазо-адыгскими языками является полное совпадение по форме и содержанию названий бога

Уашхо, древний религиозно-мифологический образ, который был известен аборигенам Малой Азии еще за 2 тысячи лет до н. э. и сегодня не совсем забыт в кругу абхазо-адыгских народов – во всех абхазо-адыгских языках термин: абхазский – «уашхуа», убыхский – «уашхва», адыгейский – «уашхо», кабардинский – «уашхъуэ» используется в основном как выражение самой верной клятвы и заверения; реже он употребляется как «бог» у убыхов, «бог клятвы» у кабардинцев, «небесный свод» у адыгейцев и т. д. В текстах на хаттском языке Малой Азии «уашхо» встречается в значении «божество», «бог вообще» (5).

В главе «Литература хатти» Истории всемирной литературы есть такие слова: «Этот последний язык (хаттский), существенно повлиявший как на хеттский, так на палайский, является древнейшим представителем северо-западно-кавказской (абхазо-адыгской) семьи языков, (составляющей часть более обширной северо-кавказской группы, включающей также дагестано-нахские языки).

В хаттских обрядовых текстах сохранились целые сочетания слов, находящие точное соответствие в кабардинском и адыгейском фольклоре, где отражена древняя адыгская традиция, особенно близкая к хаттской. Таким образом, исследования хаттского языка и поэзии открывают широчайшие возможности для изучения исторической поэтики, фольклора северо-кавказских народов» (1).

Правдивость этих слов подтверждает филолог А. П. Тихонова. По ее мнению, «как показал анализ хаттского лексического материала и его абхазо-адыгских соответствий, мы имеем дело с родственными языками, для восстановления понятийно-логической структуры которых возможно обращение к современным языкам. В результате анализа нам удалось дать структурную интерпретацию и перевод ряда хаттских слов, считавшихся специалистами непереводаемыми» (26).

Помимо языковой определенное значение имеет расовая принадлежность. Хотя после открытий генетиков роль расы значительно уменьшилась, в данном случае она остается в силе в связи с тем, что мы хотим определить наличие или отсутствие общих черт между разными народами.

Как известно, существует много классификаций по расовому признаку. Остановимся на двух из них.

Согласно расовой классификации В. П. Алексеева, нагорные области Передней Азии являются ареалом распространения балкано-кавказской группы популяций, относящейся к средиземноморской или южно-европейской локальной расе, которая является частью европеоидной ветви (2).

По классификации В. В. Бунака, кавказская раса относится к понтийской расе, которая является подвидом европеоидной расы, распространенной среди населения черноморского побережья (адыги, абхазы, западные грузины, часть румын). Из числа древних народов к понтидам относят и хаттов. То есть хатты и кавказцы относятся к одной расе.

То, что хатты являются народом, родственным западнокавказским абхазам и адыгам, обосновывал в своей книге «Древние миграции и

происхождение индоевропейских народов» археолог, культур-антрополог Л. С. Клейн (глава 8).

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, и хаттский, и кабардинский языки относятся к одной и той же семье северокавказских языков. Во-вторых, оба эти народа являются представителями понтийской расы. В-третьих, согласно данным генетиков, и те и другие являются носителями одних и тех же гаплогрупп G2 и J2, то есть имеют одного и того же предка. В-четвертых, есть данные о наличии общих религиозных и культурных нитей, которые подтверждаются адыго-абхазскими легендами и нартским эпосом.

В вопросах истории и языков однозначные выводы сделать сложно по многим причинам. Археологи находят памятники, историки определяют их культурную принадлежность, а филологи языковую. Появление ДНК-генеалогии позволяет с большей точностью дополнить данные археологов, антропологов, лингвистов.

Таким образом, можно сказать, что хатты и кабардинцы имеют общие точки соприкосновения по языку, расе, культуре и ДНК-генеалогии.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Мировоззрение древних атыхов, хаттов». Цикл статей «Мир культуры адыгов», АРИГИ, под руководством проф. Р. А. Ханыху.
2. В. П. Алексеев, «География человеческих рас», М., 1974.
3. «Батавы», энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, Санкт-Петербург, Брокгауз-Ефрон, 1890-1907.
4. И. А. Бодуэн де Куртенэ – «Хаттский язык».
5. Аршба – «Этнический состав населения Северо-восточного Причерноморья» arshba>topic72.htmlpm.
6. В. Бацалев, А. Варакин – «Тайны археологии. Радость и проклятие великих открытий». Издательство «Вече», 1999 («Великие тайны»).
7. Борхард Ю. – Экономическая история Германии. Часть 1. С древнейших времен до конца Гогенштауфенов, Петроград, М. «Книга», 1924, главы 2,4.
8. Ф. Браун – «Классификация древнегерманских племенных языков», Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.
9. А. В. Волков, Непомнящий Н. Н. – «Хетты. Неизвестная империя Малой Азии», М., Вече, 2004.
10. И. Гаршин – «Дене-кавказские языки (сино-кавказские, палеоевразийские, атапские)» – на сайте И. Гаршина.
11. И. К. Гаршин – «Реконструкция миграции коневодов Зауралья в Европу и Африку по данным археологии, лингвистики, ДНК-генеалогии и исторической экологии».
12. О. Р. Герни Борз – «Хетты», Хилл, Оксфорд, 1952.

13. Ф. Грозный – «О «хеттских» иероглифах на стелах Тель-Амара». Вестник древней истории, № 1, 1937 г.
14. «Доисторическая Германия» – материал из Википедии.
15. И. М. Дунаевская, И. М. Дьяконов – «Хаттский (протохеттский) язык (Языки Азии и Африки)». Т. Ш. - М., 1979, с.79-83.
16. И. М. Дьяконов «Предыстория армянского народа. История Армянского нагорья с 1500 по 500 г. до н. э. Хетты, лувийцы, протоармяне». Ереван, Издательство АН Армянской ССР, 1968. Глава 1.
17. В. Замаровский – «Тайны Хеттов». М., «Вече», 2000.
18. К. Захарян «Дорога на Иордан», Ереван, 2012.
19. В. В. Иванов – «Целесообразность человека», интервью Ю. Латыниной.
20. «История древнего Востока». М., «Высшая школа», 2003, глава 15.
21. Л. С. Клейн – «Древние миграции и происхождение индоевропейских народов», Санкт-Петербург, 2007, глава 8
22. А. М. Кондратов – «Атлантиды моря Тетис» Ленинград, Гидрометеоздат, 1986.
23. О. Красноухова – «Следы Батавов». Журнал «Наука и жизнь» №2, 2006.
24. Страбон – «География» М., 1994, книга 7.
25. Корнелий Тацит – «О происхождении германцев и местоположении Германии». Сочинения в двух томах. Том 1. Анналы. Малые произведения. Л., Наука, 1969, перевод А. С. Бобовича.
26. А. П. Тихонова «Хаттско-адыгские лексические параллели (лингвокультурный аспект языкового знака)» диссертация, журнал Вестник Адыгейского госуниверситета. Серия 2: Филология и искусствоведение. Выпуск №1, 2002.
27. Г. Турский – «История франков», М., Наука, 1987, серия «Литературные памятники».
28. «Хеттское царство – Упоминания в других статьях». Wiki-linki.ru>Citates/128005/4.
29. А. Чернышев – «Страны Древнего Востока. Хеттское царство» М.-Л., 1996.
30. Я. А. Яралиев, Н. О. Османов – «История лезгин. Пелазги (3-2 тыс. до н.э.)» Том 1, М., 2003.

ЗАСЛУЖИВШИЙ ИМЯ

Среди тысяч различных имён отдельной строкой стоят те, что наполнены светом свершений, те, которые в отличие от наречённых, заслуживаются и зарабатываются преданным отношением однажды избранному делу, которому посвящают всю свою жизнь. Именно оно возносит обычное человеческое имя на высоту, делая людей знаменитыми или, по меньшей мере, широко известными. Единственным условием для обретения такого имени является наличие любимого занятия, которое не предают, чему ни за какие блага мира не изменяют, по одной простой причине – оно нравится и доставляет удовольствие, и, в отличие от других, никогда не утруждает, а приносит глубочайшее удовлетворение. Это довольство особого рода – оно вмещает в себя как сладость свершений, так и горечь неудач, которые, сосуществуя, дают тот высочайший накал страстей, без которого нигде и никогда ничего значительного не создаётся и без чего не происходит рождение мастерства.

Олег Гусейнов

Среди таких состоявшихся деятелей, обладающих достойным именем, с которым увязывают абсолютную честность и стопроцентную правду выражения, – актёр и журналист Олег Гусейнов, который более чем за 20 лет журналистской деятельности заслужил непререкаемый авторитет профессионала, не допускающего неточностей, с чьей информацией сверяются другие специалисты, на чьи данные ссылаются не только коллеги, но и представители правоохранительных органов, работе которых посвящена львиная доля его публикаций. По его словам, он не мог бы работать там, где пришлось бы кривить душой. И он не в состоянии смириться с такой действительностью, когда попирается правда. Тогда ему больше всех нужно, чтобы она восторжествовала.

Добиться такой же правды выражения, как в журналистике, на сцене для Олега оказалось не столь простым делом. И если в настоящее время среди пишущей братии быть честным и правдивым считается редким качеством и на то существует великое множество объективных причин, а в числе субъективных – малодушие, заставляющие или помалкивать или же попросту лгать, то в актёрской среде этим даром наделено подавляющее большинство артистов, и всё зависит от способности раскрепощаться, входить в образ героя, превращаясь в него, испытывая все его переживания, малейшие

движения души, независимо от того, какого он возраста, в каком времени живёт, грешник или святой, бедный, богатый, сумасшедший, гениальный...

Об актёрской профессии он не мечтал, увлекался спортом, обожал играть в футбол, знал наизусть составы всех команд, помнил расписание футбольных матчей, ему нравилось копировать комментаторов, но серьёзно о карьере спортивного радиожурналиста он не думал. Вспоминает забавный случай из детства, когда он, интерна-товец, вместе с двумя-тремя мальчишками из класса заперся в радиорубке и стал «транслировать» международную встречу сборной СССР с Бразилией. «Тогда особым шиком среди подростков считалось прослыть так называемым радиохулиганом. На тех, кто умел, причастившись к какой-то волне, вещать на ней на ближайшую округу, все пацаны смотрели с тайной завистью. Его первая роль на ниве театрального мастерства имела громкий успех. Услышали все – как школьная детвора, так и руководство интерната, которое вместе со всеми ликовало, – «наши вели в счёт», и сомнений в том, что все слышат передачу из Бразилии ни у кого не возникало. Олег знал поимённо каждого игрока обеих сборных и так вошёл в образ, что совсем оторвался от реальности – не слышал, что за дверью кто-то грозным голосом требовал её отворить. Но тогда признания его таланта перевоплощения не последовало.

Второй его творческий опыт случился, когда к их классу прикрепили новую пионервожатую – девчонку из старших классов. Её предложение поставить на школьной сцене «Снежную королеву» мгновенно было принято, и обычно равнодушные мальчишки, считающие ниже своего достоинства что-то там изображать, неожиданно все как один согласились. Олегу досталась роль того самого Северного Оленя, которого разбойница милостиво отдала Герде, чтобы та благополучно добралась до владений Снежной королевы и спасла Кая. «Меня одели в белую куртку и штаны, мы сами изготовили ветвистые рога. В этом обличье, не произнеся ни слова, мне просто нужно было выйти на сцену, гордо покрутиться и вместе с Гердой удалиться. С задачей я, конечно, справился, но тот ужас, что я испытал, никогда не забуду. Внутри всё дрожало, казалось, что меня ведут на казнь, хотелось убежать. В чувство привела только мысль, что я должен. С трудом ей подчинился. «Покрутиться» на сцене не получилось, я оказался в какой-то полупрострации, ходил деревянной походкой. Пытаясь потом вспомнить, как всё прошло, обнаружил, что на ленте памяти записи нет».

Сейчас, когда Гусейнов – заслуженный артист Кабардино-Балкарии, заставляющий зрителя вместе с ним плакать и смеяться, он с благодарностью вспоминает тех, кто научил его владеть собой, объяснил, что именно происходит в настоящей игре, где практически уже нет грани между личностью человека и героя, в кого актёр просто превращается. Раскрепоститься, снять оковы, которыми сжата застенчивая и робкая душа, не привыкшая себя показывать

и выходить за рамки обычного и сдержанного общения – для Гусейнова было сверхзадачей. И если в журналистике правда, проистекая из самой природы этого человека, давалась ему просто и легко, то на сцене над ней пришлось работать, вытравливая то, на чём, по сути, базировалась его личность – равновесие, спокойствие, неторопливое и взвешенное поведение, когда востребованы строгость и дисциплина, прямота и сдержанность. Мы не знаем причин, по которым один человек замкнут, сдержан, не склонен обнажать свои мысли и чувства, а другого в этом плане невозможно остановить. Вероятно, такими рождаются. Но в отношении Олега Гусейнова многие, кто был знаком с его легендарным дедом – Мусой Гусейновым – одним из немногочисленных друзей Тимборы Мальбахова, что само по себе о многом говорит – как минимум о том, что это был уважаемый, честный и простой человек, обладающий авторитетом и широким кругозором по целому ряду общественно-политических, хозяйственных и социальных проблем. Именно он воспитал своего внука во всей строгости адыгэ хабзэ, где особую роль придавали умению хранить молчание, когда юноша должен был оставаться хладнокровным во всех стрессовых и конфликтных ситуациях, или же во взаимоотношениях со старшими, которые как бы ни казалось, что они несправедливы, на самом деле всегда правы. Таким был Муса Гусейнов, которого хорошо знал весь Терский район. В своё время он занимал должность председателя сельского совета селения Верхний Акбаш. В 1937 году «за подготовку покушения на Б. Калмыкова» был осуждён к 10 годам лишения свободы. Часть срока отбыл на Соловках, другую – в Норильске. История, по которой Олег носит фамилию деда, уходит своими корнями всё в те же годы репрессий. Находившуюся в положении молодую сноху – мать Олега – родня мужа уговорила взять на себя вину за покупку мешка ворованного зерна, дескать, ей ничего не будет. Олег родился в тюрьме, а через три месяца Сталин умер, заключённых амнистировали, но женщина не вернулась к тем, кто за всё время отсутствия ни разу её не проведal. Она поехала в отчий дом, где Олег и вырос под присмотром своего деда, который всю жизнь был для него опорой, защитой, предметом его обожания и гордости. Он настоял, чтобы мальчик учился в русской школе, затем определил его в Нартановскую школу-интернат, где Олег постигал азы коллективизма и учился весьма сложной науке – держать ответ за всех, без исключения, кого считал своими друзьями.

Здесь же, в интернате, он встретился с человеком, который первый явил ему пример свободомыслия. Рассказывая, как в 9-м классе к ним пришёл новый учитель по русскому языку и литературе Эдуард Александрович Янин, Олег говорил, что был поражён независимостью его суждений. «В день рождения Ленина, когда вся школа стояла на торжественной линейке и директор демонстрировал прикреплённую к пиджаку новенькую медаль в честь знаменательной даты, Янин выглянул из окна и со смехом нараспев продеклами-

ровал – «весь увешанный орденами по плацу ходил генералиссимус»... Тогда над подобными вещами не смеялись, это произошло гораздо позже, когда об этом уже невозможно было молчать». Именно Янин привил любовь к литературе. Олег говорит, что это чувство заразительно. Если учитель по-настоящему увлечён своим предметом, если видит в нём весь смысл своей жизни, если считает его единственно интересным – это передаётся, возникает ценная реакция передачи увлечения, что происходит спонтанно.

Точно так же, по словам Олега, произошло и чудо его приобщения к театру. Он учился на отделении русского языка и литературы КБГУ. Осенью 1973 года оказался в новом корпусе физмата, где в актовом зале шла репетиция театральной студии под руководством новоиспечённого выпускника Щепкинского училища Валентина Теплякова. Этот человек жил театром, отдавался работе с такой страстью, будто ничего более стоящего в жизни не существовало. Однажды к нему явившись, невозможно было уйти, так как в душе каждый пришедший понимал, что делает нечто значительное, а возможно даже самое большое дело в жизни – влияя на сознание, помогая людям разбираться в жизненных хитросплетениях, показывать порочность мерного качания на волнах повседневности, когда кажется, что всё ещё можно исправить, тогда как время безвозвратно упущено и кардинальных перемен никогда не произойдёт. Театральная студия Валентина Теплякова – уникальнейшее явление не только в театральной жизни Кабардино-Балкарии, но и в масштабах страны. Студийцев, и среди них был Олег Гусейнов, всем составом в 13 человек приняли в ГИТИС. Учились заочно, но специально для них им преподавали те предметы, которые для заочников предусмотрены не были. Художественным руководителем их группы был ректор ГИТИСа Вадим Петрович Дёмин. Вместе со студийцами в постановках были заняты известнейшие актёры, и в их числе Алексей Петренко, которому, по словам Гусейнова, он обязан приобщению к свободному самовыражению, правде отражения души своих героев, которую можно явить только во вдохновении и полном отрыве от реальности зала, тысяч внимательных глаз, света софитов и всего того, что существует за гранью сцены. Тогда происходит чудо перевоплощения и тогда же, по словам Гусейнова, выдуманные сюжеты уплотняются и становятся частью людского сознания, как будто это и вправду было.

В его актёрской карьере Москва сыграла роль нового мира, особой театральной среды, в которую Гусейнов с головой окунулся, не пропуская ни одного знакового спектакля. «Могли пробраться и без билетов, пройдя через чёрный ход и дожидаясь начала представления несколько часов в какой-нибудь подсобной коморке. Могли сидеть на откидных стульях или вовсе смотреть стоя – только бы услышать веское слово настоящих мастеров, которые потому и владели умами передовой части советского общества, что авторы смели говорить правду и между строк, а потом и открыто называли вещи

своими именами. Именно находясь в Москве, Олег стал сотрудничать с газетой «Версия», вставал в 6 утра, чтобы успеть передать материалы к отходу автобуса, искал людей, кто бы согласился довезти их до Нальчика. Потом он работал с газетой «Возрождение», долгое время в редакции «Северного Кавказа», и до настоящего времени – в «Газете Юга», которую ценит так же, как и предыдущие издания, главным образом за возможность говорить прямо, называя вещи своими именами, и в равной степени за смелость затрагивать то, что на самом деле волнует народ.

На первый взгляд трудно увидеть общее между профессией актёра и журналиста. Кажется, что точек соприкосновений тут вовсе нет. Между тем, если понимать неистребимую человеческую потребность в свободе самовыражения, в его преклонении перед чудом перевоплощения и приобщении к великому таинству сопереживания чужим судьбам, то Гусейнов-актёр даёт полную свободу Гусейнову-журналисту, признающему лишь факт, действительность, отвергая вымысел и фантазию. Им сыграны десятки серьёзных ролей, в «Гамлете» – Полония, в «Ромео и Джульетте» – Меркуцио, в «Вестсайдской истории» – Риффа, в «Машинистках» – Пола, в «Трёхгрошовой опере» – Мэкки, в «На дне» – Барона, в «Поминальной молитве» – Рэба Лэйзера, Тересия в Утижевском «Эдипе», в Шекспировском «Короле Лире», и множество иных, призванных, по его убеждению, заставить людей задуматься о смысле жизни, увидеть со стороны, что такое упущенный шанс или насколько опасно оказаться зависимым от милости собственных детей. Он переживает о том, что Нальчик город не театральный, что у большинства эта потребность практически отсутствует, а те, у кого она есть, слишком малочисленны.

Он также сетует на отсутствие собственного здания у Русского государственного драматического театра им. М. Горького, который арендует площади у Музыкального. То, о чём он писал в начале своей журналистской деятельности, освещая работу съездов народных депутатов, встречаясь с видными политическими деятелями, в том числе с Джохаром Дудаевым, Русланом Хазбулатовым и многими иными, от кого зависел политический климат государства, остаётся и сегодня главной темой его публикаций. «Власть», «Парламент», «Криминал», «Гражданские права и свободы» – постоянные рубрики, которые он освещает, оставаясь сдержанным, предельно точным и абсолютно не ангажированным журналистом. Это качество в его исконной природе, и иначе он просто не может.

Ашамаз ШОМАХОВ

Сонет № 1

Любовь твоя – как в знойную пустыню
Упавший снег, что тает на земле.
Я от нее, бывает, что остыну,
Бывает, что сгораю я в огне.

Едва заметным отблеском манящий,
Твой взгляд – как солнце в городе свечей.
Ведь не замечу я свечи светящей,
Когда так ярок свет твоих очей.

Закрыв я двери для любви гулящей,
И сжег мосты, чтоб не смотреть назад.
Застыл я книгой, памятью томящей,

Чтоб быть открытым для твоих услад.
Любовь твоя – как в пламя павший хлад,
В оазис превращает красный ад.

Сонет № 2

Я выведу ее из ямы ада,
Пускай горит огнем песок пустынь.
Нежданная веселая отрада
Сияет ярче божеских святынь.

Серебряное счастье и бесценность,
Где чистая соленая слеза.
Стоит напротив добрая надменность,
И смотрит синим небом ей в глаза.

Зачем томить себя тюрьмой традиций?
Не ты ли говорила, что была
Ты не из тех – томящихся в темнице,

Чьи речи только сплетни и хула?
И осень золотая для тебя –
Аллея мира завтрашнего дня.

Игорь ТЕРЕХОВ,
*писатель, драматург, редактор
 Республиканского информационного
 агентства «Кабардино-Балкария»*

ПОЛКОВНИК И ИНСУРГЕНТЫ

Киноповесть

Город на Кавказе. Утро. Первая пора осени. Солнце освещает прямые чистенькие улицы и снежные вершины гор, полукольцом окружающие город. По улицам проплывают троллейбусы, подрезая другие машины, несутся маршрутки, на больших скоростях проезжают дорогие иномарки. Горожане, совершенно не обращая внимания на гудящий транспорт и знаки светофоров, переходят улицы, где им понравится, и потоки машин на минуту замирают, давая возможность людям беспрепятственно достичь цели.

В Соборную мечеть стекается народ. Мы видим неподалеку от мечети административное здание, над которым развивается триколор, и понимаем, что действие происходит на юге России.

После возвращения из мечети с утренней молитвы доктор Ислам Бартоков переоделся в спортивную форму и отправился на пробежку.

Он размеренно бежал по аллее городского парка. Мелькали величественные деревья, красиво подстриженные кусты, клумбы с цветами, пустые в это время еще скамейки, слышался разноголосый птичий хор. Все навевало покой и радостное настроение.

В семействе Казаковых завтракали. Вернее, готовился завтракать за кухонным столом уже одетый к выходу из дома глава семьи Аслан Казаков, а его молодая супруга Милана в домашних брючках и спортивной майке навыпуск хлопотала возле плиты.

Милана поставила перед Асланом тарелку дымящейся кукурузной каши, чашку чаю и блюдец с нарезанным на дольки копченым сыром.

– А ты? – спросил Аслан, наклоняясь над тарелкой.

– Успею.

– Во вторую, что ли?

– Ага.

– За тобой заехать, птичка?

– Не знаю...

– А кто знает?

– Вечером скажу.

– Ладно, созвонимся.

– Ас, нам надо поговорить!

– Дай спокойно покушать!

– А ты кушай и слушай.

- Не могу! «Когда я ем, я глух и нем!» В детсаду научили.
- Но ты уже вырос, Ас! Очнись! Ты не ребенок! У тебя жена, семья, определенные обязательства...
- Что ты хочешь от меня? – спросил Аслан, отодвигая от себя тарелку.
- Ты поговорил с руководством?
- Нет, пока не говорил...
- Почему?
- Потому что не было времени!
- А когда ты выберешь время?
- Сейчас не до этого.
- Как всегда, сложная оперативная обстановка?
- Именно так, птичка!
- Я – не птичка! Я – человек, Ас! И не хочу сидеть на жердочке в съемной квартире!
- Успокойся, пожалуйста!
- Я очень спокойная, Ас! Тебе дико повезло! Это жены других ментов устраивают скандалы из-за бриллиантов...
- Прошу: не начинай!
- ...А я могу ходить в дешевых тряпках, жить в чужих квартирах. Про отдых уже молчу! «Как, вы не едете в этом году в Анталию?» – «Нет, мы предпочитаем к маме, в село!»
- Замолчи!
- Тебе самому не стыдно ездить на старых «Жигулях»? Посмотри, как настоящие менты живут!
- Пусть на них смотрит собственная безопасность! – Аслан хлопнул кулаком по столу.
- Он вскочил, направился к выходу, но все же счел нужным остановиться и сказать жене:
- Я не за этим пошел в органы! Не для обогащения! Запомни это, птичка!
- За ним захлопнулась входная дверь.
- Опять поговорили! – произнесла вслух Милана и горько разрыдалась.

В особняке министра сельского хозяйства Ваталова готовились к отъезду на работу главы семейства. Супруга министра в холле первого этажа стояла наготове с портфелем из крокодильей кожи в одной руке и с ноутбуком мужа в другой. Маленькая дочь караулила возле лестницы, ведущей на второй этаж. А старший сын – студент местной сельхозакадемии – выглядывал из-за дверей своей комнаты, чтобы перехватить отца на площадке второго этажа.

Распахнулась дверь кабинета, из него вышел Ваталов-старший. На ходу он разговаривал по смартфону:

- Мы должны продемонстрировать лучшую продукцию. Но не водку, идиоты! Мы же не бутлегеры с Кавказа! Их привлекают экологически чистые продукты: овощи, фрукты, минеральная вода.

Сын набрался храбрости и подошел к нему.

– Папа, мне надо с тобой серьезно поговорить!

– Подожди минуту, – ответил ему Ваталов-старший, а в телефон сказал: – Нет, это я не тебе. А ты подготовь всё для видео-презентации. Мы комиссионно отсмотрим материал. Почему не успеешь? У тебя будут целые сутки для монтажа! Всё! Привет телевидению!

Ваталов выключил телефон и посмотрел на сына.

– Что еще?

– Папа, можно я возьму твою машину?

– А где твоя, сынок?

– Папа, ну ты же знаешь, я ее разбил!

– Теперь хочешь разбить мою?

– Папа, ну зачем ты так говоришь?

– Потому что знаю, чем все у тебя заканчивается!

– Папа, ну в тот раз реально не был виноват. Магнитные бури!

– Поэтому не справился с управлением?

– Мамой клянусь!

– Не смей матерью клясться!

– Жизнью клянусь, папа!

– Хорошо! Из Берлина приеду, разберусь с ментами. Seriously разберусь!

– Папа, а машину можно взять?

– На такси будешь ездить! Всё! Разговор закончен!

– Папа, ну я обещал товарищам... – промямлил Ваталов-младший.

Но отец его уже не слушал. Он увидел бросившуюся ему навстречу дочурку.

– Папа, папочка! Я знаю! Я знаю! – пританцовывая, кричала девочка.

– Что ты знаешь, мое солнышко?

Ваталов поднял дочку на руки и поцеловал ее.

– Я знаю, что мне надо привезти из Германии!

– Что, мое солнышко?

– Коврик!

– Какой коврик, радость моя?

– Музыкальный коврик!

– Что это за зверь такой?

– На нем прыгаешь, а он играет песенки.

Девочка запрыгала на месте и запела, подражая телевизионным певичкам:

«Все мы бабы – стервы.

Милый, бог с тобой!

Каждый, кто не первый,

Тот у нас – второй!»

Ваталов-старший рассмеялся и погладил дочку по голове.

– Что за коврик? – спросил жену.

– Электронный танцевальный коврик для караоке, – сказала жена.

Ваталов вытащил смартфон и сделал запись для памяти. Спрятал

затем его в карман, взял у жены из рук портфель и ноутбук.

– Ужинайте без меня! Я буду поздно!

Ваталов открыл дверь и вышел во двор. Домочадцы потянулись за ним.

Служебный «бумер» уже поджидал министра. Охранник раскрыл перед ним дверь автомобиля. Ваталов передал ему портфель и ноутбук, а сам уселся на заднее сидение. Охранник закрыл за ним дверь и сел рядом с водителем.

Автомобиль тронулся с места. Домочадцы помахали Ваталову руками, он через окно кивнул им головой.

Автоматически открылись ворота особняка, и автомобиль министра выехал на тихую зеленую улочку, упирающуюся в одну из центральных городских магистралей.

Когда закрылись ворота особняка, мать подошла к сыну.

– Не расстраивайся! Можешь взять мою машину, – сказала ему.

– Ты чё? Совсем дура? Больная, да? – Ваталов-младший покрутил пальцем возле виска.

– Почему ты так говоришь?

– Твою желтую канарейку все менты в городе знают! Меня сразу заметут, дура!

– Как ты разговариваешь с матерью?

– Как ты того заслуживаешь!

– Вот я отцу все расскажу!

– А я расскажу, что ты куришь в сортире! И пьешь постоянно! А вчера вообще нажралась!

– Какой ты жестокий! – покачала головой мать.

Она взяла за руки дочку.

– Пойдем, солнышко! Будем готовить баранину!

Они с девочкой ушли в дом.

– Как вы меня задолбали! – воскликнул Ваталов-младший.

Он обогнул дом и вышел в сад. Сел на антикварную садовую скамейку, вытащил из кармана джинсов мобильный телефон и стал набирать нужный номер.

– Алло, Муха? Салам! Это – я! Отец не дает машину, – сказал Ваталов-младший. – Придется выдвигаться на скутере. Но, может быть, это даже лучше. В западных фильмах на акции всегда ездят на мотороллере! Конечно, на машине нас никто не стал бы задерживать! Но на скутере мы легко оторвемся от преследования! Ладно, отступить теперь, что ли? Ты только не забудь маски. А стволы я уже приготовил. Встречаемся, где всегда! Давай, братан!

Подтянутый мужчина средних лет с короткой спортивной стрижкой и уже седеющими усами, которого в дальнейшем будем называть Алексей Седов, собирался к выходу из дома. Он прошел по просторной квартире, уставленной мебелью середины прошлого века, разномастными книжными шкафами и полками, зеркалами. На стенах

комнат висели старые портреты, картины с горными пейзажами и жанровыми сценами кавказской жизни XIX века. В комнате, которая, видимо, служила кабинетом хозяина квартиры, он подошел к письменному столу, вынул из его ящика какие-то документы и положил их во внутренний карман пиджака. Затем заглянул в спальню.

На широкой кровати с деревянными спинками лежал величественный старик. Впрочем, назвать его стариком, значит, просто отдать дань привычке, заставляющей нас всех людей старше семидесяти лет величать стариками. Правильнее было бы сказать, что это был пожилой мужчина, сохранивший остатки былой красоты. Профессор местного университета Иван Николаевич Седов, отец Алексея.

– Сейчас придет медсестра. А я ненадолго отлучусь, – сказал Алексей.

– И куда, юноша, направите свои стопы?

– Денег надо снять. А то мы скоро с тобой будем на нуле.

– Я чувствую себя иждивенцем! Классическим нахлебником! Никогда не был так беспомощен!

– Батя, прекрати!

– Но, будь уверен, я всё тебе верну!

– Батя...

– Начну вставать, сразу направлюсь в банк. За время болезни, знаешь, сколько там накопилось?

– Страшно помыслить!

– Кстати, дай мне тысячу... Медицина у нас хоть и бесплатная, но, сам понимаешь, усердие надо поощрять.

Алексей достал из бумажника банкноту и положил ее на тумбочку возле больного.

– Спасибо, – старик погладил руку сына. – Знаешь, я одного опасаюсь...

– Чего?

– Как бы у тебя не было неприятностей по службе.

– На предмет?

– Ну, из-за такой старой развалины, как я...

– Неужели архивные разыскания вскрыли неполадки с пятым пунктом?

– Брось, Леха, дурить... Ты же столько времени здесь...

– Не волнуйся, батя! Раз в пятилетку имею право на отпуск!

– А на службе как? Все время же обстановка нестабильная!

– А когда она была на твоей памяти стабильной? Блок НАТО не дремлет! Расширится на Восток!

– А тебя нет на месте!

– Ничего, другие справятся. Есть заместители, помощники...

– А начальство как на это посмотрит?

– В больших кабинетах тоже люди сидят, понимают ситуацию.

– Опять же с Натальей...

– А что с Натальей? У нее все в порядке – галерея, вернисажи, журналисты, интервью...

– А тебя она приглашает на свои журфиксы?
– Некогда мне, батя, с ними толковать о Малевиче и Клее! Да им и неинтересно мое мнение!

Послышался звонок входной двери.

– Вот и медсестра прибыла! А я отбыл, – Алексей поцеловал отца, и прошел открывать дверь.

На пороге стояла молодая женщина с темными волосами, убранными на затылке в «конский хвостик». Это была медсестра Милана Казакова.

– Ой, здравствуйте, Алексей Иванович!

– Привет, Милана! Ты сегодня припозднилась...

– Домашние проблемы.

– Разрешила?

– В процессе...

– Желаю тебе их успешно закрыть.

– И вам хорошего настроения!

Ислам Бартоков выбежал из парка и в прилегающем к нему сквере перешел на спортивную ходьбу. А уже по городским улицам пошел размеренным шагом, соблюдая нужный дыхательный ритм.

Возле памятника местному партийному деятелю на лавочках сидели старики с газетами в руках. Они все были в белых рубашках с галстуками и летних шляпах. Это были бывшие республиканские ответственные работники. Им было о чем поговорить, что вспомнить, что проанализировать, особенно в советском периоде нашей истории.

– Добрый день, дорогие товарищи! – приветствовал их Ислам Бартоков.

– Добрый день! Здравствуйте! Салам! Здоровеньки булы! – послышалось в ответ.

– Прекрасный сегодня денек! – сказал Ислам, ни к кому особо не обращаясь.

– Погода радует! – подтвердил один из стариков.

– В такую погоду хорошо партсобрание в поле проводить! – сказал другой.

– Почему в поле? Лучше на полевом стане!

– До собраний ли сейчас? Уборка кукурузы!

– А помните, как в шестьдесят восьмом году урожай погиб?

– В шестьдесят восьмом мы вошли в Прагу! Я тогда инструктором в райкоме комсомола работал. А урожай побил градом на следующий год...

Поняв, что невольно подарил стрикам новую тему для разговоров, Ислам собрался было продолжить путь, как его окликнул один из них:

– Исламчик, подожди! Поговорить надо!

Старик подошел к нему, они обнялись, по местному обычаю, прижавшись на мгновение щекой к щеке другого.

– Что случилось, дорогой Бетал Мухамедович?

- Боли стали мучить в правом боку.
– А что говорит лечащий врач?
– А что он может сказать? У нас же номенклатурная поликлиника. Там все врачи – детки нынешних бонз! Экзамены на медфаке сдавали по звонкам родителей.
– Но он прописал что-нибудь?
– Да, какие-то таблетки...
– Вы их пьете?
– Я же не враг своему организму!
– Запускать болезнь тоже нельзя...
– А ты не мог бы меня посмотреть?
– Конечно, Бетал Мухамедович! Какие могут быть разговоры.
– Когда мне прийти?
– Когда вам будет удобно. Не забудьте свою карточку и все назначения. Сегодня я во вторую смену, значит завтра – в первую. И так в шахматном порядке постоянно.
– Так я на днях загляну?
– В любой день, кроме воскресенья.
– Тогда – до встречи!
– Буду ждать!
На прощание они снова обнялись.

В газетном киоске на троллейбусной остановке Алексей Седов купил пачку газет.

Когда он отходил от киоска, к остановке подъехала маршрутка, из которой среди прочих пассажиров вылез одноклассник Седова Петр Сапрыкин.

- Леха! Ты? – закричал одноклассник, расплываясь в улыбке и раскрывая объятия.
– Пека! Привет, старый, – Седов обнялся с ним.
– А ты, смотрю, совсем не изменился! Только виски седые! – сказал Сапрыкин.
– Да и ты молодецом смотришься!
– Держу себя в форме: все-таки народный учитель республики!
– О, поздравляю!
– Да, в прошлом году ко дню учителя присвоили. А ты что, не в форме? – скаламбурил Сапрыкин. – Или уже ушел из армии?
– Нет, служу еще.
– Где сейчас?
– В Арбатском военном округе!
– Не слышал о таком. Впрочем, у вас там постоянные реформы!
– Как и у вас, в образовании! А округ – замечательный!
– Приехал отдохнуть?
– С отцом было плохо...
– Помню, что-то слышал: ни то инфаркт, ни то инсульт у него был.
– Сейчас уже получше. На этот раз пронесло.
– Рад за вас. А ты всё газеты читаешь? – Сапрыкин кивнул на пачку газет в руке Седова.

- Да, интересуюсь.
- А я, знаешь, давно прессу не читаю! К чему? Все новости есть в Интернете!
- В газетах кроме новостей бывает еще много другой полезной информации.
- Гороскопы, что ли? Или кроссворды? А, может, предложения приятных знакомств? – захохотал Сапрыкин.
- Не скажи! Ситуация в регионе, настроения населения, тенденции... Все можно найти в прессе.
- Я своим ученикам всегда говорю: не надо общих фраз – приведи пример.
- Что ж, возьмем главную республиканскую сплетницу, как говорит отец, – Алексей передал всю пачку Сапрыкину, а сам развернул красиво сверстанную газету большого формата. – Смотрим материалы первой полосы: «Турецкие бизнесмены изучают возможности инвестиций в республику», «Делегация Минсельхоза поедет на ярмарку в Берлин», «Первыми новый национальный танец увидят жители Лондона»...
- И что особенного? Республика развивается!
- Действительно, ничего особенного! Если не считать того, что раньше на первой полосе печатали новости из Москвы. А теперь я не вижу на странице ни одного упоминания столицы России и правительства страны.
- Ты хочешь сказать...
- Я пока ничего не говорю, – Алексей забрал у Сапрыкина свои газеты. – Просто беглый анализ увиденной информации свидетельствует, что местная элита меняет ориентиры.
- Ты думаешь, здесь возможно повторение Чечни?
- Ну, такого больше не будет. Это точно!
- Почему?
- Ярких лидеров нет!
- Да... Слушай, Леха, давай как-нибудь вечером встретимся, посидим, что ли. Серьезно обсудим всё...
- Не возражаю!
- Записывай мой номер мобильного...

Возле нового большого универсама Ислам Бартоков повстречал Милану.

- Салют!
- Приветик!
- Ты что, тоже во вторую смену?
- Ага.
- Дома все нормально?
- Вроде бы.
- Ну, увидимся на работе. Чао!
- Пока.

На улице, уже совсем неподалеку от его дома, к Исламу бросилась хорошо сохранившаяся пикантная дама того интересного возраста,

что так ценили романисты XIX века. Она была в розовой кофточке и обтягивающих белых брючках.

– Ой, доктор, как хорошо, что я вас встретила! – дама схватила Ислама за локоть.

– Что случилось ужасного?

– Знаете, доктор, – она наклонилась к его уху и стала что-то говорить по секрету.

– Не может быть! – громко воскликнул Ислам.

– Не сомневайтесь! А потом еще... – дама снова что-то зашептала ему на ухо.

– Тогда я должен вас осмотреть! Раздевайтесь! – сказал Ислам.

Женщина инстинктивно расстегнула несколько пуговиц кофточки, так что мелькнул французский бюстгальтер, но тут же спохватилась, застегнула кофточку и закрыла грудь двумя ладонями.

– А вы шутник, доктор!

– Но я же не могу диагностировать заболевание, не осмотрев вас!

– Вы думаете, это действительно серьезно?

– Пока ничего не думаю. Только констатирую, что вы уклонились от осмотра!

– Так я приду к вам в больницу!

– Приходите!

– Так вы ждите!

– Хорошо.

– Так вы не забудьте!

– Не забуду!

Они тепло распрощались.

Распростившись с Сапрыкиным, Седов направился в сберкассу. На улице возле него остановилась «Газель».

– Многоуважаемый, мы правильно едем к Зеленому рынку?

– Вы его проехали!

– И что теперь делать? Поворачивать вспять?

– Не надо. Доезжайте до первого перекрестка и поверните направо. Потом на проспекте снова поверните направо. И поезжайте прямо. А на третьем светофоре сверните налево. Там вы увидите рынок.

– Ох, и труден путь к рынку. Правильно в газетах пишут!

– Вы все поняли?

– Конечно: два раза направо, один раз налево. Как школа балльных танцев! Спасибо, многоуважаемый! Да поможет вам Аллах!

– И вам удачи!

Во дворе пятиэтажного дома Ислама поджидал молодой бородатый парень, с которым они неоднократно встречались в мечети. Он сидел на корточках и при появлении Ислама поднялся ему навстречу.

– Салам алейкум, брат!

– Алейкум ассалам!

– Сейфулла послал за тобой!

- Зачем?
- Я толком не знаю! Он сказал: «Не звони по мобильному, лично скажи».
- Да что случилось-то?
- Я толком не знаю! Сейфулла сказал: «Пусть возьмет медицинский чемодан. Помощь нужна будет».
- Подстрелили кого-нибудь?
- Я толком не знаю, брат! Сейфулла просил поторопиться...
- Подожди меня здесь. Я сейчас соберусь

В сберкассе народу было не очень много, но очереди двигались медленно. Заняв очередь в одно из окошек, Алексей огляделся.

В глаза бросался контраст между бедновато одетыми людьми в очередях и восседавшими за стеклянными перегородками работниками банка в золотых серьгах, толстых золотых цепочках, с кулонами на шее и перстнями чуть ли не на каждом пальце.

Алексей стал читать свои газеты.

Проводник подвез Ислама, взявшего чемоданчик с медикаментами и набором хирургических инструментов, к зданию средней школы на одной из центральных улиц города.

Когда они вышли из машины, проводник сопроводил Ислама к утопающему в зелени школьному стадиону, где собирались молодые люди в спортивных костюмах. Не успевший дома переодеться после пробежки, Ислам выглядел среди них, как свой среди своих, как равноправный член семьи единоверцев.

Ислам за руку поздоровался с каждым из собравшихся на спортплощадке парней.

– Салам алейкум, Сейфулла! – сказал Ислам, пожимая руку плотному молодому человеку в белой феске.

– Алейкум ассалам, дорогой Ислам! Хорошо, что ты решился пойти с нами! – сказал Сейфулла, обнимая Ислама.

– А куда вы собирались? – спросил Ислам.

– Сейчас еще братья подъедут, и я все объясню, – успокоил его Сейфулла и приказал стоявшему рядом бородачу: – Раздай всем повязки!

Тот вытащил из кармана моток порезанной на куски не очень широкой оранжевой ленты и стал раздавать ее собравшимся парням, говоря, чтобы они повязали ленточку себе на левую руку. Молодые люди, помогая друг другу, стали делать повязки на рукава.

– Зачем это? – спросил Ислам, когда бородач протянул ему ленточку.

– Чтобы знали, что мы одна семья! Наш джамаат! – улыбнулся бородач. – Давай руку!

Он помог Исламу повязать оранжевую ленточку.

В сбербанке седая старушка, стоявшая в начале очереди, протянула в окошко паспорт и сберкнижку. Работница банка открыла сберкнижку и набрала ее номер в своем компьютере.

-
- Не было зачислений, – сказала она, посмотрев на монитор, и бросила старушке документы в оконце.
- А когда же будет пенсия? – спросила старушка.
- А я откуда знаю? – возмутилась девица.
- Сегодня же одиннадцатое сентября! – сказала старушка.
- Ну, одиннадцатое!
- Так пенсия всегда приходит десятого!
- Не было зачислений, я вам сказала.
- Сегодня же одиннадцатое!
- Ну и что? Зачислений нет!
- А когда деньги будут?
- А я откуда знаю?
- А кто знает?
- Пенсионный фонд!
- Так мне теперь в Пенсионный фонд идти?
- Идите, куда хотите! Следующий!
- Так мне в Пенсионный фонд идти? – спросила бабушка у стоявшей за ней в очереди женщины.
- Не надо никуда ходить! – сказала женщина с ребенком.
- А как же пенсия?
- Через два дня сюда придете, деньги уже наверняка будут! – сказала женщина, передавая кассирше свои документы.
- Вы так думаете? Или знаете? – не унималась бабушка.
- Я уверена! – сказала ей женщина.
- Я тогда подожду! Спасибо вам, – сказала бабушка.
- Сколько будете брать? – спросила женщину кассирша.
- А сколько там?
- Три с половиной!
- Тогда дайте мне две тысячи!

В соседнем окошке, где принимали оплату за коммунальные услуги, разгорелся скандал из-за сорока копеек. Средних лет мужчина в белом костюме и хорошем галстуке требовал у кассирши сдачу в копейках.

– Я передал вам сто пятьдесят рублей, купюрами по сто и пятьдесят рублей, вы мне сдали сдачу двадцать три рубля! Две десятки и две монеты достоинством в один и два рубля. Вот, – мужчина показал девушке сдачу.

- Ну и что? – спросила девушка.
- А должны были двадцать три рубля и сорок копеек!
- Ну и что?
- Это вы меня спрашиваете? Где сорок копеек?
- Я их не брала!
- А куда они исчезли?
- Компьютер округлил до рубля!
- Вот только не надо этого!
- Чего этого?

– Все валить на технику! В квитанции четко напечатано – сто двадцать шесть рублей шестьдесят копеек! А мне на руки поступило только двадцать три рубля! Вот они!

– Ну и что?

– Как «что»? Где сорок копеек?

– У меня нет мелочи!

– А, призналась! Сама призналась! Присвоила-таки сорок копеечек! Полюбуйтесь, граждане, на эту юную похитительницу наших денег!

Стоявшие в очереди люди пытались урезонить борца за справедливость:

– Мужчина, не мелочитесь!

– Здесь женщины с детьми стоят и то не выражаются!

– Мы все спешим! Смотрите, какая очередь образовалась!

Но мужчина парировал все реплики:

– Вот, вы все молчите? А вас дурят на каждом шагу! Они на нас наживаются!

И тут же получил поддержку:

– Братан, не сдавайся!

– Вкати ей в лобешник!

– Лучше – по шарам! Двадцать копеек – глаз!

На шум прибежала заведующая сберкассой.

– Что тут происходит? – спросила она с той стороны стеклянной перегородки.

– Мужчина требует сдачи, а у меня нет мелочи, – чуть ли не всхлипнула девочка-кассир.

– Заметьте: в сбербанке нет мелочи! А если бы я не доплатил несколько копеек? Приняли бы тогда квитанцию? – продолжал приводить свои аргументы мужчина.

Заведующая быстро оценила ситуацию.

– Сколько вам не доплатили?

– Сорок копеек! Если с каждого клиента брать по сорок копеек, то по стране можно сколотить миллионы!

Заведующая полезла в карман за кошельком. Вытащила монетку и протянула ее через оконце мужчине.

– Возьмите, пожалуйста! Сбербанк приносит вам свои извинения!

Мужчина покрутил монетку в руках.

– Полтинничек! Что ж, десять копеек пойдет за моральный ущерб!

– он положил монетку в карман и направился к выходу.

Его провожал хор голосов:

– Бывают же такие склочники!

– Какой он склочник? Простой скупердяй!

– Не скажите! Копейка – рубль бережет!

– Да, повезло кому-то с мужчинкой!

– Братан – ты красавец!

– Чемпион лиги обманутых дольщиков!

Начальник Южного РОВД полковник Керистов в своем кабинете устроил выволочку старшему оперуполномоченному Аслану Казакову.

- Нет, я не понимаю: ты совсем ничего не понимаешь? – спрашивал Керистов Казакова.
- Проясните мысль, товарищ полковник, – попросил капитан Казаков, стоявший навытяжку перед столом полковника.
- Ты прикидываешься шлангом? Или тебя в детстве мама уронила?
- Прошу, товарищ полковник, не задевать мои родственные чувства!
- Я их не трогаю! А почему вы трогаете его сына?
- Какого сына, извиняюсь?
- Сына министра Ваталова!
- А он тоже неприкасаемый?
- Ты вопросами не отвечай! Отвечай ответами! Как его допрашивали?
- Нормально. С интересом!
- Насилие применялось?
- Пальцем не тронули?
- А синяки откуда?
- Какие синяки? – искренне удивился Казаков.
- Эристов пододвинул к себе листок бумаги, надел очки и зачитал:
- На спине имеются кровоподтеки... гематома в области таза...
- Это кто пишет?
- Медицинское заключение, – Керистов отбросил от себя бумажку.
- Собираются к прокурору идти.
- Уже страшно!
- Не позируй! Почему его вообще задержали?
- Была оперативная информация...
- Какая информация?
- О связи с членами незаконных вооруженных формирований.
- Она подтвердилась?
- Для того и доставили в отдел...
- Я спрашиваю: подтвердилась?
- В ходе разговора стало понятно, что он что-то знает о схронах...
- Каких схронах?
- С оружием!
- Что вы постоянно нагнетаете? Схроны, НВФ... Мальчики из приличных семейств ходят в мечеть, молятся. Что в этом плохого?
- А что хорошего?
- Они не пьют, не наркоманят, не воруют...
- Да лучше бы пили. Хлопот меньше было бы.
- По-отсталому рассуждаешь!
- У Казакова зазвонил мобильный телефон. Он посмотрел на экран, звонила Милана. Аслан не стал отвечать, сбросил вызов.
- Извините, товарищ полковник!
- У тебя отец в органах служил, дед. Династия, понимаю. Но времена другие. Демократия! Гражданин невиновен, пока не совершил преступления! Старые методы работы нуждаются в серьезной корректировке. Понял?

- Так точно, товарищ полковник!
- Как у тебя с угонами?
- Работаем, товарищ полковник!
- Результаты есть?
- Определен круг подозреваемых.
- И это все?
- Под наблюдение взяты гаражи-отстойники, где угонщики прячут машины.
- Вот это хорошо. В этом направлении надо больше работать. Люди уже машины боятся оставлять на улицах. Я и сам антиугонную систему сменил.
- На электронику надежды мало.
- Ты полагаешь?
- Они сканируют любую систему! На раз!
- Что же делать?
- Механические запоры ставить, как раньше. Или капканы!
- А капканы на волка или на медведя?
- Лучше на медведя, товарищ полковник!
- На медведя, говоришь?
- На него, на косолапого!
- Ладно, иди. И смотри: больше ни-ни! Не подавай повода! – сказал полковник Керистов.
- Есть! – сказал Казаков и по-военному повернулся кругом.
- Оставшись в кабинете один, Керистов задумался.
- Медвежатники значит... – проговорил полковник и сделал запись в своем ежедневнике.

Когда очередь дошла да Седова, он протянул свои документы кассирше.

- Какую операцию будем производить? – дружелюбно спросила девица, увидев на мониторе его средства.
- Я хотел бы снять деньги.
- Сколько?
- Пятьдесят тысяч.
- О, понимаю! Наличка нужна?
- Что-то вроде этого.
- Вам дать крупными? Или мелкими?
- Как вам удобно.
- Нам главное – чтобы вам было удобно!
- Тогда двадцать дайте, пожалуйста, по тысячной банкноте.
- Получив деньги, Седов, не считая, положил их во внутренний карман пиджака.
- Спасибо.
- Приходите еще! Всегда к вашим услугам! – сказала девица, улыбнувшись ему на прощание.

На улице возле Седова снова остановилась «Газель». Но уже

другая, закрытая, без стекол в салоне. Из нее вышли двое мужчин.

- Гражданин, у вас есть документы? – спросил один из них Седова.
- Вы мне хотите дать свои?
- А он шутник, – сказал второй.
- Милиция, – первый показал служебное удостоверение. – Ваши документы?
- Я что-то нарушил? – спросил Седов.
- Еще и хамит! – сказал второй.
- Проверка паспортного режима, – сказал первый милиционер. – Предъявите документы.
- У меня нет паспорта, – ответил Седов.
- Ага, справка об освобождении... – вставил второй милиционер.
- Зачем же? Служебное удостоверение, – Седов вытащил из нагрудного кармана свои корочки.

Раскрыв его удостоверение, первый милиционер прочитал вслух:

- Министерство обороны Российской Федерации... начальник направления...
- Все совпадает, – сказал второй мент.

Первый милиционер положил его удостоверение себе в карман.

- Что вы себе позволяете? Я – старший офицер! – не выдержал Алексей.
- Спокойно! Поедем в отдел, там разберемся, – второй стал наступать на него.
- Никуда я не поеду!
- Неподчинение органам... – сказал первый милиционер.
- Вы что, с ума посходили? Я – офицер! Как вы смеете?
- В отделе все узнаете, – второй милиционер подошел совсем близко к Алексею.
- В ваших же интересах проехать с нами, – сказал первый.
- Что вы знаете про мои интересы? – возмутился Алексей.
- Мы многое что знаем! – сказал второй мент, беря его под локоть.

Хорошо отточенным приемом Седов освободил руку и отбросил милиционера от себя. И тут же почувствовал, что ему в поясницу упирается ствол пистолета первого милиционера.

- Не надо сопротивляться, – сказал милиционер. – Лучше посмотрите туда, – он указал рукой на открытую дверь «Газели».

Из салона машины на Седова смотрело дуло автомата Калашникова.

- Ну, вы даете, орёлики! – усмехнулся Алексей.
- Руки за спину, – скомандовал второй милиционер.

И когда Седов завел руки за спину, надел на них наручники.

- Спокойно садимся в машину, – сказал первый, подталкивая пистолетом Алексея в сторону «Газели».

К спортплощадке подъехал автомобиль УАЗ, развернулся, посигналил и задом подрулил к стоявшим кучкой людям. Все невольно подтянулись к машине.

Сейфулла вышел вперед.

– Братья, наступил великий момент! Вчера шура приняла решение о свержении полицейско-чиновничьего режима гуяров! Народ возвращается в лоно нашей великой религии! Мы будем жить только по законам шариата! Аллах акбар!

– Аллах акбар! Нет бога кроме Аллаха! Да здравствует шура! Да здравствует Сейфулла! Вся власть джамаатам! – закричали молодые люди, потрясая в воздухе кулаками.

Сейфулла открыл заднюю дверцу машины. Весь салон автомобиля был заполнен оружием.

– Аллах послал нам оружие! – сказал Сейфулла. – Мы теперь не беззащитны перед гуярами! И никому не позволим унижать нашу веру!

В ответ раздалось:

– Аллах акбар! Нет бога кроме Аллаха! Смерть неверным!

– Братья, разбирайте оружие! И не забывайте про гранаты! Они тоже понадобятся, – сказал Сейфулла.

Он, вместе с молодым бородачом, который повязывал оранжевые повязки, принялся раздавать оружие правоверным, которые теперь становились боевиками.

Получив на руки автоматы, пистолеты либо ручные гранатометы, молодые люди осваивали оружие, передергивали затворы, проверяли обоймы, прицеливались на дерево или на пустые спортивные снаряды. Некоторые совершенно не знали, как пользоваться оружием, их обучали более опытные члены джамаата.

Ошарашенный происходящим Ислам обеими руками вцепился в свой чемоданчик.

К нему подошел знакомый нам бородач.

– А ты что, доктор, стоишь в сторонке? Возьми ствол, – он протянул Исламу пистолет системы Стечкина.

– Спасибо. Мне он не нужен!

– Да ты что? Хорошее оружие! Калибр 7,62, как у автомата!

– Мое оружие – у меня в руках, – Ислам показал на чемоданчик.

– Возьми хоть гранату, – бородач засунул в карман куртки Ислама гранату Ф-1, известную как «лимонка».

Закончив раздачу оружия, Сейфулла снова обратился к собратьям:

– Шура доверила нашему джамаату один из самых важных объектов! Южный райотдел милиции! Мы уничтожим всех кяфиров, как бешеных собак! Одновременно другие братья прикончат собак в других местах их скопления! На помощь уже идут моджахедаы из Чечни, Дагестана, Кабардино-Балкарии и Ингушетии! Аллах акбар! Мы победим!

Воодушевленные боевики закричали:

– Аллах акбар! Смерть ментам! Да здравствует шариат! Кирдык всем мусорам!

Когда выходили со школьного двора, один из мужчин с оранжевой повязкой на рукаве подошел к Исламу. Зашептал ему на ухо:

– Они с ума посходили!

- Вижу. Но что делать?
- Дёру давать!
- Как?
- Свернем в кипарисовую аллею, они нас не увидят.
- Хорошо!

Им действительно удалось незаметно скрыться в кипарисовой аллее.

- Теперь бежим, – сказал Исламу товарищ по несчастью.
- Не могу, – ответил Ислам.
- Почему?
- Будут раненные. Я не могу их бросить!
- Ты понимаешь, доктор, что это уже не братья-мусульмане, а шайка преступников?
- Всё равно не могу бросить!
- Они против своего народа, против родственников. Будут кровники!
- Головой все понимаю. Но не могу бросить их в беде!
- Как знаешь, доктор! Помоги тебе Аллах!
- И тебя храни Аллах, брат!

Они обнялись, и товарищ Ислама побежал, как вырвавшийся из клетки зверь. На ходу сорвал с рукава оранжевую ленточку.

Ислам огляделся, подошел к дереву, вытащил из кармана «лимонку» и спрятал ее у основания кипариса. Потом прикрыл гранату землей и старой травой. После чего подхватил свой чемоданчик и побежал догонять боевиков.

В милиции Седова провели на второй этаж в один из начальственных кабинетов. Посадили за стол, приставленный торцом к большому столу хозяина кабинета. Первый милиционер сел в начальственное кресло, второй остался рядом с Алексеем. По какому-то не услышанному Седовым сигналу появился третий сотрудник – примерно того же возраста, что и Алексей, но совершенно лысый. Он сел за стол напротив Алексея и стал изумительно смотреть на него.

- Ну что, начнем, товарищи? – спросил первый милиционер.
- Можно, – ответил за всех вновь пришедший.
- Сними с него наручники, – сказал первый второму.
- Только без кипеша! – предупредил Алексея милиционер, снимая наручники.

Алексей потер затекшие запястья. Милиционер сел на свободный стул рядом с Алексеем.

- Вы доставлены в Управление по борьбе с организованной преступностью, – сказал Седову тот, что сидел в начальственном кресле.
- Какое преступление я совершил?
- А вы не догадываетесь?
- Знаете, не догадываюсь!
- А вы подумайте! А мы пока оформим протокол задержания, –

сказал милиционер, придвигая к себе бумаги

– А понятые? – спросил Алексей.

– Может быть, еще и адвоката позвать? – поинтересовался второй милиционер.

– Пока не испытываю в этом необходимости. Но понятых стоит пригласить, – сказал Алексей.

– Я буду понятым! Артузов Артур Христианович, – представился третий сотрудник.

– Тогда я – Глеб Иванович Бокий, – усмехнулся Седов.

– Остроумно! – заметил первый милиционер.

– Ну вот, видите, мы говорим на одном языке, – сказал тот, что назвался Артузовым. – Мы пойдем друг друга.

– Выложите, пожалуйста, на стол все вещи из карманов, – предложил Алексею первый, заполняя бумаги.

Алексей выложил на стол документы, ключи, мобильный телефон и бумажник. Сидевший рядом с Алексеем сотрудник передавал вещи составлявшему протокол со своими комментариями:

– Удостоверение сотрудника Минобороны. Подлинное. Сберегательная книжка местного отделения сбербанка России. Брелок с ключами. Ключ от автомобиля отдельно. Бумажник... Ого... Пятьдесят пять тысяч триста восемьдесят пять рублей. Красиво жить не запретишь!

– Вы давно в городе? – спросил Седова так называемый Артузов.

– Почти три недели!

– Причина приезда?

– Болезнь отца.

– Вы владеете врачебной профессией?

– Нет, ухаживаю за больным.

– Больше некому?

– Получается, что некому!

– А как же родственники? – не выдержал сидевший возле Алексея сотрудник.

– Я и есть родственники!

– У вас что, нет жены?

– Есть.

– Почему она не ухаживает?

– У нее работа в Москве, квартира, дача...

– А у вас легче работа?

– Легче получать больничный, да? – вставил второй мент.

– Слушайте, что вы хотите?

– Мы хотим понять: что вы тут делаете? – сказал первый, отрываясь от бумаг.

– Я же сказал: ухаживаю за больным отцом. Можете проверить!

– Обязательно! – заверил первый.

– Да вы так не волнуйтесь! – успокоил Алексея Артузов.

– Я и не волнуюсь!

– Это хорошо, – сказал Артузов. – Вы в Чечне воевали?

- Несколько раз выезжал на территорию республики.
Артузов вытащил из папки фотографию и протянул ее Алексею.
– Узнаете себя?
– Да, это я.
– А слева кто?
– Вы же видите – Масхадов Аслан Алиевич!
– То есть вы признаете, что были в составе вооруженных формирований мятежников?
– Я этого не говорил!
– А как же эта фотография?
– Я – не я, и лошадь не моя! – вклинился второй. – В несознанку пошел!
– Снята во время одной из поездок на Кавказ, – сказал Алексей, не обращая на него внимания.
– Что вы делали во время этих, как вы называете, поездок?
– Встречался с военными. В частности, с полковником Масхадовым.
– О чем вы с ним беседовали?
– О выполнении поручений секретаря Совбеза России.
– А конкретно?
– Простите, это закрытая информация!
– И вы не хотите ею с нами поделиться? – спросил Артузов.
– Извините, не могу!
– Ну, как знаете, – Артузов поднялся и вышел из кабинета.
Незаметно письменной работой оперативник наклонился к Седову и доверительно произнес:
– Ты нам по-доброму всё расскажи! И тебе сразу полегчает!
Первый же все это время что-то писал, то ли протокол задержания, то ли стенографировал разговор. Хотя Алексей бы уверен, что ведется и аудиозапись.
– В наших кругах к информации относятся несколько иначе, чем у вас, – ответил сидящему рядом с ним милиционеру Алексей.
– Ах ты – цаца! Мы здесь в говне копаемся, а вы в белых перчатках его кушаете!
– Я бы попросил вашего сотрудника выбирать слова! – сказал Алексей, обращаясь к старшему сотруднику.
Тот оторвался от бумаг.
– Не перегибай, – сказал он второму.
– Да чё с ним возиться? Давай сделаем ему «слоника» или «звонок другу». Сразу всё расскажет.

Милана шла по городу и случайно стала свидетелем того, как бандиты убили милиционеров.

Патрульный «Форд» ДПС остановился возле табачного киоска. Из него вышел офицер, похожий в форменной одежде на медвежонка, и, переваливаясь из стороны в сторону, направился к киоску, на ходу доставая деньги из бумажника.

Из потока машин вырвался мотороллер с двумя молодыми парнями

и остановился позади патрульной машины.

Милана не успела заметить, как мотоциклисты – один из них был Ваталов-младший, – надели на головы шерстяные шапочки-маски с прорезями для глаз и в руках у них появились пистолеты. Один из них бросился к киоску, а второй – к машине.

Покупавший сигареты офицер получил две пули в голову. Его кровь залила витрину табачного киоска. Убийца склонился над гаишником, расстегнул его кобуру, вытащил из нее табельный пистолет Макарова и засунул себе за пояс джинсов. Потом перевернул тело и через голову снял автомат, который висел на ремне у офицера за спиной.

Напарник убитого милиционера открыл дверцу автомобиля и успел только выставить наружу дуло своего автомата, как был сражен выстрелами через стекло. Второй убийца распахнул дверцу «Форда» и вытолкнул тело убитого на тротуар. Он так же профессионально, как и первый, обчистил погибшего гаишника на предмет оружия. Но не удержался, забрал у него ещё кошелек и документы и засунул их себе в задний карман джинсов.

А первый убийца передернул затвор автомата и закричал в сторону замерших от страха прохожих:

– Всем стоять на месте! Кто позвонит в милицию, будет убит, как враг ислама! Аллах акбар!

Он дал длинную очередь из автомата поверх голов перепуганных людей. И побежал к мотороллеру.

Бандиты попрыгали на мотороллер и, угрожая автоматами, остановили поток машин. Взревев, мотороллер перестроился во встречном ряду и исчез из вида.

Милане показалось, что она описалась. Она посмотрела себе под ноги, но лужи, слава богу, не было.

– Надо сообщить в милицию! – сказала Милана.

– Вам же сказали, что они убьют того, кто кинет заяву! – напомнил ей хорошо одетый мужчина с портфелем.

– Что же нам теперь всем молчать, когда рядом убивают людей? – воскликнула женщина интеллигентного вида.

– Они убивают только ментов, – сказал мужчина.

– По-вашему, милиционеры – не люди? – спросила Милана.

– Я этого не говорил! – деланно возмутился мужчина. – Я только отметил, что у них свои разборки. И лучше в них не вмешиваться!

– Вот так всегда мы: отмалчиваемся! Молчаливое большинство! – продолжила гнуть свою линию женщина интеллигентного вида.

– А вы возьмите и позвоните в милицию, – посоветовал ей мужчина с портфелем.

– Я?! Почему именно я?

– Проявите свою гражданскую позицию!

– Ну, знаете ли!..

– Кто-нибудь, наконец, позвонит в милицию! – закричала Милана, держа в дрожащих руках сотовый телефон.

– Девушка, не волнуйтесь так. Я уже позвонила, – сказала вышедшая из табачного киоска продавщица.

От пережитого стресса у нее поседела одна прядь волос на голове.

К ним подошла бабушка с двумя маленькими детьми.

– Какие молодые, – покачала головой бабушка, разглядывая убитых гаишников. – У них, наверно, детки были. Теперь сиротами будут расти!

Бабушка погладила по голове своих внуков.

– А вы – не сироты! Вас папа и мама любят! И бабушка любит!

И бабушка повела внуков к любящим родителям.

Милана, наконец, смогла набрать номер Аслана. Но он сбросил вызов.

– Ас, ответь, пожалуйста! Я никогда больше не буду с тобой ругаться, только ответь! – шептала Милана, снова и снова набирая номер Аслана.

Но тому, видимо, надоело сбрасывать вызов и он совсем отключил телефон. В трубке раздался голос телефонной барышни: «Вызываемый номер вне зоны доступа».

Сотрудник, назвавший себя Артузовым, вернулся в кабинет, где допрашивали Седова.

– Алексей Иванович, вы же – профессионал! Вы должны понимать, что ваша игра проиграна, раз вы здесь. И помочь себе и нам достойно выйти из этой ситуации, – сказал Артузов.

– Какая игра? О чем вы здесь говорите?

– А вы не понимаете?

– Совершенно вас не понимаю!

– Передай мне ориентировку, – сказал Артузов сотруднику, сидевшему за начальственным столом.

Тот протянул ему какую-то бумагу.

Артузов стал читать:

– В ближайшие дни возможны вооруженные провокации... Особое внимание обратить на прибывших в город людей славянской внешности, около сорока лет... При себе могут иметь подлинные документы офицеров российской армии, крупные суммы денежных средств... Продолжать?

– Что это?

– Ориентировка главного управления по оргпреступности!..

СУДЬБЫ УШЕДШИХ В БИОГРАФИЯХ ЖИВЫХ

История одного поиска

...Звонок этот раздался в самом разгаре новогодних праздников. Незнакомый мужчина, извинившись за то, что беспокоит в нерабочий день, сообщил следующее. Он ищет могилу своего деда Ефима Вениаминовича Котляревского, который жил в нашем городе недолгое время после войны и похоронен на воинском кладбище в Нальчике. Обратился он ко мне от безысходности – никаких сведений о деде не нашел, хотя побывал и на кладбище, и съездил по адресу, который сохранился на одной из открыток.

Созвучная моей фамилия ни о чем не говорила, никаких связей – ни родственных, ни национальных не имелось. Можно было со спокойной совестью положить трубку, но что-то не позволило. Мы встретились. Оказывается, Михаил Котляревский приехал со своей супругой из Казани, где они проживают, приехал только с одной целью – найти могилу деда. К большой печали он о нем практически ничего не знал: так распорядилась жизнь. Действительно: распорядилась странно и печально. В начале пятидесятых годов прошлого века Е. В. Котляревский ушел из семьи, по какой причине – теперь уже не сказать, супруга, которая могла пролить на это решение свет, умерла в 1974 году. Оказался на Северном Кавказе – вначале в Дзауджикау (так тогда назывался Владикавказ), а потом в Нальчике. Здесь прожил совсем недолго. Отчего умер, почему так рано – ему было только 54 года – неизвестно. Но эти штрихи биографии Ефима Вениаминовича вряд ли были бы интересны, тем более спустя почти 70 лет, если бы не один нюанс – Котляревский принимал самое активное участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками на территории Кабардино-Балкарии.

И вот что удалось выяснить. Кстати говоря, немалую роль в этом поиске сыграл Интернет. Родился Е. В. Котляревский 1 мая 1901 года. В годы Гражданской войны воевал в рядах Первой конной армии, в двадцатых годах – служил в погранвойсках в Средней Азии. Из его довоенных документов сохранились лишь две потрепанные, расплывающиеся от времени грамоты. Одна, датированная 1928 годом, выдана командиру взвода младшего начсостава 79-го Алайского кавалерийского дважды краснознаменного полка Е. В. Котляревскому за «заслуги в борьбе с врагами трудового народа СССР в глухих дебрях Среднеазиатских молодых республик» с пожеланиями «честно и самоотверженно руководить борьбой трудящихся с капиталом».

Вторая, не датированная, но врученная «в день 15-летия существования Советского Союза», а значит, 22 декабря 1937 года, отмечает опять же его заслуги «в борьбе с врагами трудового народа СССР в глухих дебрях Среднеазиатских молодых республик» и выдана от имени Халачинского районного исполнительного комитета рабоче-крестьянских депутатов.

В эти же годы профессиональный военный женился на Раисе Павловне Липкович. В 1929 она родила ему сына Якова, в 1936 году второго – Эдуарда. Михаил, приехавший в Нальчик в поисках могилы деда, – сын Якова.

Известно, что все последующие годы Е. В. Котляревский служит в пограничных войсках, охраняющих советско-иранскую границу. Летом 1941 года – в звании майора; в августе – временно исполняет должность коменданта 1-й Отдельной Гаудинской пограничной комендатуры. Об этом, в частности, говорят наградные материалы на особо отличившихся при проведении боевых операций по занятию иранских пограничных постов, резиденций пограничных комиссаров и разоружении гарнизонов иранских войск.

Напомним, что активных боевых действий в это время на советско-иранской границе не велось, но и здесь решались «боевые задачи по нейтрализации усилий германских спецслужб по подготовке плацдарма для удара во фланг в направлении бакинской нефти». Так вот, среди представленных ГУПВ НКВД СССР к правительственным наградам бойцов, командиров и политработников частей и Управления погранвойск НКВД Туркменского округа значится и майор Котляревский Ефим Вениаминович. Он был удостоен ордена Красной звезды.

В дальнейшем Е. В. Котляревский, будучи уже начальником разведотдела 11-го Гвардейского стрелкового корпуса, участвовал в обороне Северного Кавказа. В мемуарах «Последний привал – в Берлине» (Воениздат, 1983), автором которых является Герой Советского Союза генерал-лейтенант И. П. Рослый, одна из глав – «Назревает перелом» – повествует о событиях, происходивших на территории нашей республики.

В книге есть два момента, в которых упоминается Е. В. Котляревский.

Но вначале небольшая преамбула об авторе мемуаров. Иван Павлович Рослый 30 августа 1942 года вступил в командование 11-м гвардейским стрелковым корпусом, который действовал в составе 9-й армии. К этому времени войска Закавказского фронта были перегруппированы, создана вторая линия обороны Кавказа по рекам Терек и Урух и на перевалах Главного Кавказского хребта. Была также создана Северная группа войск Закавказского фронта: предстояло оборонять фронт протяженностью почти 420 километров. В ее состав в числе других был передан 11-й гвардейский стрелковый корпус, которому 8 августа было приказано занять оборону по южному берегу Терека в районе Моздока – в центре боевых порядков 9-й армии по южному берегу Терека на участке от Бено-Юрт (ныне Гвардейск) до Сухотской.

Обо всем этом И. П. Рослый рассказывает в деталях и подробностях, которые делают честь его памяти. И вот что мы читаем в главе «Назревает перелом»: «Поздно ночью, едва я лег спать, прибыл с важным сообщением начальник разведки корпуса майор Ефим Вениаминович Котляревский. Он доложил, что несколько часов назад разведчики 9-й гвардейской стрелковой бригады взяли в плен немецкого офицера – командира одного из саперных батальонов 370-й пехотной дивизии. Пленный оберст-лейте-

нант показал, что вместе с другими офицерами дивизии участвовал в рекогносцировке реки Терек на западной окраине станицы Луковской. Неожиданно на их группу напали советские разведчики. В короткой схватке был убит командир 666-го пехотного полка майор Кнут, командир дивизиона и некоторые другие офицеры, а он вот оказался в плену. Далее оберст рассказал, что в районе Моздока сосредоточены 370-я пехотная и 3-я танковая дивизии, много переправочных средств, артиллерия и минометов. И хотя командир 370-й пехотной дивизии и не назвал даты начала форсирования Терека, по мнению пленного, этого надо ожидать со дня на день.

Разговорившись, он даже щегольнул такой деталью: у командира 370-й пехотной дивизии есть план, согласно которому Владикавказ (Орджоникидзе) должен быть взят 5-го, Грозный – 8-го, а Баку – 25 сентября.

Так мы получили еще одно подтверждение того, что 11-й гвардейский стрелковый корпус занимает оборону на направлении главного удара армии Клейста и что осью этого удара станет дорога Моздок – Вознесенская. Дальнейшие события полностью подтвердили это».

И в этой же главе, чуть далее: «Начальник разведки корпуса майор Котляревский кратко доложил разведанные, которые неоспоримо подтверждали, что под прикрытием 370-й и 111-й пехотных дивизий 3-я танковая дивизия немцев сосредоточилась на плацдарме и изготовилась для удара по 62-й морской бригаде, а 13-я танковая дивизия врага, хотя и находится на северном берегу Терека, тоже готова развить успех своих соседей.

– Если судить по тому, как интенсивно подвозится горючее, – подчеркнул Ефим Вениаминович, – то сам собою напрашивается вывод: гитлеровцы готовят наступление».

Понятно, что в мемуарах военачальника столь крупной тактической единицы, как корпус, осуществлявшей самостоятельные военные действия в составе армии, невозможно уделить много места рядовым воинам. Этот пробел впоследствии восполнил Ефим Вениаминович, рассказав о событиях осени и зимы 1942-1943 года в своих публикациях, обнаруженных нами в подшивках местных газет.

В одной из них – «Имена героев» («Кабардинская правда, 8 мая 1955 года) находим описание подвига артиллерийского расчета Багдасарова: «В течение дня бой в районе реки Урух шел с переменным успехом. В районе безымянных курганов занимала позицию противотанковая батарея под командованием капитана Гуляева. Гуляевцы прославились своим метким огнем по врагу в районе Пятигорска, Нальчика. Каждый артиллерийский расчет имел на своем счету до десяти и более подбитых и уничтоженных вражеских танков.

... Терская равнина затянулась туманом. Послышался шум моторов вражеских танков. Они медленно ползли к нашим позициям. Вслед за танками двигалась вражеская пехота. Артиллеристы Гуляева вступили в бой. Танк за танком подбивал расчет Багдасарова.

Одному вражескому танку удалось выйти на огневую позицию расчета Багдасарова. Наводчик Мелов подпустил машину на дистанцию 150-200 метров и метким выстрелом подбил ее. На выручку подбитому

устремился второй танк, но и его постигла та же участь. В течение трех часов шла неравная борьба между советскими артиллеристами и гитлеровскими танкистами.

Вечером гитлеровцы, при поддержке авиации, возобновили атаку – несколько танков обрушилось на фланговое орудие Багдасарова. Завязался ожесточенный бой.

– Нет снарядов, так гранатами, – крикнул командир, и артиллеристы забросали гранатами фашистские танки. Одна за другой запылали несколько машин.

В этом бою смертью храбрых пали командир орудия старший сержант Багдасаров, наводчик сержант Глущенко, наблюдатель сержант Федоров.

Артиллеристы похоронили своих боевых товарищей у подножия трех безымянных курганов, находящихся в трех километрах на северо-восток от селения Старый Урух, и назвали их именами своих павших товарищей – Багдасарова, Глущенко и Федорова.

...В день Победы над гитлеровской Германией на Александерплац выстроились воины-победители. Среди них были артиллеристы Гуляева, защищавшие столицу Кабарды – город Налчик, столицу Северной Осетии – Орджоникидзе. Когда начальник штаба назвал имена Багдасарова, Глущенко, Федорова для вручения медалей «За оборону Кавказа», командир батареи Гуляев ответил: «Пали смертью храбрых у безымянных курганов на реке Урух».

Другой материал Е. Котляревского называется «Это было под Котляревской» (Майская районная газета «Ленинский путь», 23 февраля 1955 года). Редчайший случай – место и герой совпали полностью.

На этот раз Ефим Вениаминович описывает подвиг разведчика Самсона Газарова, которому было дано задание взорвать мост через реку Терек у станции Котляревской, чтобы задержать наступление противника.

Группа, возглавляемая гвардии старшиной Никитиным, выдвинулась к мосту, замаскировалась. Самсон Газаров заложил под устои моста взрывчатку, протянул бикфордов шнур. Когда фашистские танки въехали на мост, он его поджег. Мост взлетел на воздух вместе с вражеской техникой. Но погиб и разведчик. При нем было обнаружено письмо, а в нем такие строки: «Придет время, земля высохнет от горя и слез, люди забудут об ужасах войны. Они построят новые города, заводы, построят и этот мост...». Это подлинные строки, написанные реальным человеком, написанные не по принуждению, а по велению сердца – искренне и возвышенно.

И поэтому вовсе не пропагандистской здравицей, а подлинными чувствами наполнена концовка этого материала: «Самсон Газаров верил в свой народ, в победу над врагом, верил, что вновь расцветет жизнь на родной земле. Там, где погиб Самсон Газаров, построен новый мост – красивый, величественный памятник герою, любившему свою Родину, отдавшему свою жизнь за свободу и независимость нашей Советской отчизны».

Е. В. Котляревский писал только о том, чему был сам свидетель и

непосредственный участник. Об этом говорит еще одна из найденных публикаций – «Это было под Нальчиком» (газета «Кабардинская правда» от 4 января 1955 года), рассказывающая о событиях новогодней (1943 года) ночи.

...Группа разведчиков, возглавляемая Александром Козаевым (впоследствии ставшим Героем Советского Союза), получила задачу проникнуть в тыл противника, захватить пленных и установить пути отхода фашистов и их планы. С рассветом разведчики, одетые в немецкую форму, вышли к селению Старый Черек, замаскировалась в кустарнике, растущем у дороги. По ней, ведущей в Нальчик, одна за одной, то и дело проезжали машины – фашисты отступали, день освобождения республики был не за горами. Неожиданно невдалеке от разведчиков остановилась легковая машина, которую сопровождал мотоциклист. Из нее вышли три офицера, что-то сказали мотоциклисту. Тот отъехал, но очень быстро вернулся в сопровождении другого автомобиля. Как оказалось, машина заглохла.

И вот как разворачивались события дальше. Разведчики, оставив группу прикрытия, выдвинулись на дорогу. Впереди шли Гринберг и Васильев, великолепно знавшие немецкий язык и громко беседовавшие на нем. За ними, в два ряда, остальные разведчики. Увидев их, немецкий офицер, не сообразив, кто перед ним, попросил подтолкнуть машину.

И вот как описывает дальнейшие события Е. В. Котляревский: «Разведчики кинулись к кузову машины, а Гринберг подошел к шоферу и спросил:

– В чем дело?

Пожилый шофер, не поворачивая головы, ответил:

– Искры нет!

– Сейчас наладим, – сказал Гринберг и вместе с водителем стал копать в моторе. Он незаметно открутил свечу и предложил шоферу сесть за руль. Тот развернул машину под уклон, разведчики стали толкать ее, но мотор по-прежнему не заводился.

– Ты покури, а мы попробуем завести, – сказал Гринберг водителю и уселся за руль.

Козаев незаметно ввинтил свечу и тоже сел в машину. Гринберг предложил офицерам залезть в машину и сразу завел ее.

В это же время разведчики Васильев и Балабанов подошли к курившему шоферу, попросили у него на немецком языке сигарету. Когда Васильев прикуривал из рук шофера, Балабанов, зайдя сзади, сбил того с ног. Обезоружив врага, разведчики увели пленного в кустарник.

Проехав несколько сот метров, Гринберг заглушил мотор как раз напротив того места, где затаилась группа прикрытия. Вышел из машины, открыл капот, стал копать в моторе.

Немецкие офицеры снова вышли из машины. Один из них, лейтенант Шнейдер, пошел искать шофера. Второй – толстый, широкоплечий – направился к кустам. Разведчики из группы прикрытия, возглавляемой Сабановым, по знаку Козаева напали на него, закрыли кляпом рот, обезоружили, втащили в машину и накрыли плащпалаткой. Вернувшегося лейтенанта Шнейдера постигла такая же участь.

Вскоре капитан Козаев докладывал генералу Хижняку о выполнении поставленной задачи. Один из пленных офицеров оказался адъютантом генерала Штейнера, другой – связным 370-й пехотной дивизии.

Не правда ли, захватывающая история, прямо-таки сюжет для современного патриотического блокбастера! Одно, но главное отличие – сценарий этот написал не литератор, а сама жизнь и в нем нет ни слова выдумки в отличие от нынешних развесистых кинематографических клоунов.

О том, как сложилась дальнейшая судьба Ефима Вениаминовича нам известно далеко не все. Прошел всю войну, награжден, помимо уже названного выше ордена Красной Звезды, орденами Отечественной войны II степени, еще двумя.

Известно, что был комендантом венгерского города Мишкольц, дослужился, по свидетельству родственников, до генерал-майора, но в начале пятидесятих годов прошлого века он уже подполковник. Родственники объясняют это разжалованием, связанным с Еврейским антифашистским комитетом. Напомним в этой связи, что дело в отношении членов ЕАК было возбуждено в 1948 году и завершилось 12 августа 1952 года расстрелом 13 человек. Всего же было репрессировано 125 еврейских общественных деятелей СССР. Различные же формы наказания, в том числе понижение в должности по отношению к военным, коснулось многих тысяч.

Арестовывался Е. В. Котляревский или был только понижен в должности, нам неизвестно, но знаменательно то, что первые послевоенные документальные сведения о нем датируются именно 1952 годом. В это время он уже в столице Северной Осетии – Дзауджикау, работает, судя по всему, в системе ДОСААФ. Об этом свидетельствует Почетная грамота означенной организации, датированная 5 мая: «За активное участие в организационной военно-массовой работе и пропаганде военных и военно-технических знаний среди членов общества и населения». Другой грамоты – Северо-Осетинского обкома ВЛКСМ – он удостоен за активное участие в массовом восхождении на гору Фетхуз в честь XIX съезда КПСС.

Была и более высокая награда – Почетная грамота Президиума Верховного Совета Северо-Осетинской АССР от 7 октября 1952 года за организацию и проведение мотопробега по маршруту: Дзауджикау – Мамисонский и Сурамский перевалы – Кутаиси – Гори – Тбилиси – Дзауджикау.

Осенью 1954 года Ефим Вениаминович переезжает в Нальчик, о чем свидетельствует его статья «В боях за советскую Родину» в газете «Советская молодежь» (19 ноября), посвященная 35-летию Первой конной армии. Ведь Е. В. Котляревский, напоминаем, воевал в ее составе, о чем он с гордостью уточняет в подписи под фамилией – бывший политбоец Первой конной армии.

В это время он проживает по адресу Первомайская, дом 3, что ясно из письма, отправленного сыну Якову (1929 года рождения). Работает фронтовик также в системе ДОСААФ, занимается военно-патриотической работой, организацией детского туризма. Это видно из его многочисленных материалов, опубликованных в этом году как в местной, так центральной прессе.

Вот лишь содержание части из них: «Поход мотоциклистов» («Советская молодежь», 10 мая) – о трехсоткилометровом пробеге мотоциклистов ДОСААФ по предгорьям Кавказа. «По дорогам и тропам Кабарды» («Кабардинская правда» 15 июня) – об открытии филиала туристической базы в Вольном ауле. «В ущелье Адыл-су» («Кабардинская правда», 10 июля) – о деятельности альпинистского лагеря ДСО «Локомотив». Данная заметка под названием «Альпинистский сезон начался» была перепечатана газетой «Советский спорт». В этой же газете в номере за 17 августа – его большая корреспонденция «По дорогам братских республик». Она о пробеге по дорогам Осетии и Грузии нальчикских велосипедистов, который организовал мастер спорта А. В. Мареничев – знаменитая личность в физкультурном движении Кабардино-Балкарии.

В одном из летних номеров газеты «Кабардинская правда» опубликован и отчет «По местам боев». Проиллюстрирован он фотографией мотоциклистов – впереди едет, как можно догадаться, Е. В. Котляревский. А само содержание текста имеет отношение как к его работе, так и к фронтовым будням. Вот что, в частности, пишет в заметке участник автопробега К. Шибко: «Оглашая окрестности треском моторов машин к площадке перед гостиницей «Нальчик» подъехала колонна мотоциклистов-спортсменов республиканского автомотоклуба. Впереди колонны – грузовой автомобиль, оборудованный портретами, лозунгами, плакатами. На борту кузова прибито широкое красное полотно, на котором написано: «Привет трудящимся Северной Осетии от трудящихся Кабарды!». Ровно в 7 часов по взмаху флажка стартера спортсмены тронулись в 348-километровый путь по местам боев с гитлеровскими захватчиками на территории Кабарды и Северной Осетии. Через час участники мотопробега, посвященного дню Победы, подъехали к селению Урух. Здесь, у трех курганов, где героически пали в 1942 году артиллеристы батареи Гуляева, в присутствии многочисленных колхозников выступил участник обороны Кавказа Котляревский».

Невольно возникает вопрос, знают ли сегодняшние жители Уруха, что у трех безымянных курганов, расположенных рядом с селением, есть имена? Воинские имена, имена защитников родины... Если да – честь им и хвала. Если нет – есть еще время восстановить это упущение, зафиксировать подвиг в именах героев.

...Это было последнее свидание Ефима Вениаминовича с местами, где он непосредственно воевал. 11 ноября 1955 года гвардии подполковник запаса скоропостижно скончался. В документах похоронного бюро за 1952 год значится Котляревский Е. В., свидетельство № 348. Захоронение состоялось на воинском кладбище в Нальчике.

Вот, пожалуй, и все, что я могу сообщить на сегодняшний день его внуку Михаилу, приезжавшему в начале января из Казани в Нальчик в поисках сведений о своем деде. И сказать при этом главное: был Ефим Вениаминович смелым офицером, честным человеком, достойным памяти. И его, и нашей. Общей памяти россиян.

Мадина ХАКУАШЕВА,
в.н.с. отдела адыгской филологии

ГУМАНИЗМ И ЕГО ОТРИЦАНИЕ

*(по материалам книги
Ю. Г. Чуяко «Кинжал танцора»)*

До недавнего времени в адыгском литературоведении объектом исследования выступал отдельно взятый региональный художественный материал. Но за последние два десятилетия в кабардинском литературоведении появилась тенденция, в рамках которой адыгская литература рассматривается и изучается в контексте единой национальной культурной традиции, включая литературу обширной черкесской диаспоры. Тесная нерасторжимая связь адыгских субэтносов с единой национальной культурой, этикетом и фольклором обуславливает такие же общие, единые закономерности развития адыгской литературы, которые не позволяют рассматривать каждое отдельное произведение вне общего литературного процесса.

Одним из выдающихся художников слова, сумевшим в самобытной художественной манере обобщить, переплести в единое целое широкий пласт драматически насыщенной противоречивой социальной жизни и адыгского народного фольклора, явился талантливый адыгейский прозаик Юнус Чуяко. Он сумел реализовать новые методы организации и структуры художественного текста, которые вывели адыгскую современную прозу на новый уровень.

Первая повесть Ю. Чуяко «Чужая боль» обнаружила мастерство автора, умеющего в лирическом повествовании связать воедино разные аспекты жизни: социальное и нравственное, вчерашнее и сегодняшнее. Эта способность с новой силой проявилась в книге повестей и рассказов «Кольцо не спадает с руки, или История одной любви» (1985), явственно обозначилась в выдающемся романе Ю. Чуяко «Сказание о Железном Волке» (1993), в замечательном профессиональном переводе с адыгейского Г. Немченко; романе «Красный дом». Эти произведения объединяет осмысленный историзм, последовательный поиск духовных, психологических истоков национального самосознания современного адыга.

Тесная связь между фольклорной и литературной традицией – одна из наиболее отчетливых значительных тенденций современной адыгской литературы. Любая художественная идея автора вырастает из предшествующей мифологической основы, оформляется в пределах ее лучших традиций, и это дает ей импульс для дальнейшего движения и роста. Художественные образы, архитектура сюжета, символические, метафорические конструкты непосредственно связаны с адыгским фольклором.

В этом ключе следует рассматривать книгу Ю. Чуяко «Кинжал танцора», которая включает в себя три художественных произведения – две повести и роман.

Повесть «Последний лай старого выжлеца» – драматическое повествование о жизни и смерти гонимого пса по имени Бруно. Центральной темой ока-

зывается моральный выбор человека в пограничной ситуации. Сюжет касается времени Второй мировой войны, когда Красная Армия терпела первые серьезные неудачи на Северном Кавказе и ей приходилось отступать в тыл. Но главный герой Гусарук предпочитает переждать трудные времена в одном из хозяйственных колхозных помещений. Он не остается с советскими войсками, но и не переходит к врагу, Гусарук – дезертир. Автор оставляет этот персонаж будто бы в тени, – описание главного героя дается в нескольких фразах, так что кажется, будто повествователя гораздо больше интересует собачья жизнь Бруно.

Однажды, находясь на рынке, выжлец ощутил запах потерянного дома, и Бруно, руководствуясь чутьем, бежит в этом направлении. Читателя завораживает логика собачьей любви: она не рассуждает, не сомневается, безраздельно отдается порыву глубокой преданности, привязанности... В пустом доме Бруно находит прежнего хозяина, одичавшего, голодного, потерявшего человеческое обличье. Но для собаки образ близкого человека неизменен, она измеряет его по своей шкале отношений, которая оказывается куда выше человеческой. Доверчивое животное гибнет от рук бывшего хозяина, который хитростью удушил его удавкой, чтобы потом съесть... Читатель невольно задумывается над видовым определением этого персонажа. Его уже невозможно назвать человеком, но невозможно назвать и животным, так как животное гораздо более гуманно, чем Гусарук.

Где дно человеческого падения? Как далеко заходит человек в деградации и окончательной ликвидации нравственных основ, в предательстве своей константной сути – человечности, и потере собственного лица? Где начинается разрушение личности и есть ли для него предел? Позиция автора не проявляется, но оценивается чудовищный процесс личностной деформации через реакцию любящего доверчивого животного... Однако выводы самого читателя неутешительны. Ведь возможен был и другой финал, в той критической точке, когда человеческое сопротивляется слепому страшному инстинкту выживания и два начала борются. Но ничего этого нет: однажды, без видимого труда, перейдя черту, главный герой постепенно изживает в себе человека, пока не остается ничего... Гусарук превращается в коварное страшное оружие убийства. Только в финале становится оправданным авторский интерес к собаке, – ведь именно преданная позиция животного становится вровень с той высокой планкой нравственности, которую человек обозначил для себя... Как ни парадоксально, именно животное становится символом человеческого. Автор выводит беспощадную формулу: человек не может быть синонимом добра. Человеческий стержень может казаться иллюзией, которая проявляется лишь тогда, когда человек сыт и благополучен. В пограничной ситуации человеческий облик теряется. Благородное животное же при любых обстоятельствах сохраняет любовь к дому и преданность хозяину и без колебаний может пожертвовать ради него жизнью.

Однако художественный текст мог бы показаться однозначным, если бы такой вывод являлся общим и распространялся на всех людей. Ведь повествование ведется от лица мальчика Тембота, который несет в себе подлинную гуманистическую основу. И только этот яркий протест, осуждающий гневный рассказ от лица страдающего ребенка, оставляет свет надежды в

финале.

Повесть «Кинжал танцора» является одним из ранних произведений Ю. Чуюко. Но в нем уже намечаются основные тематические направления, которые позже получат развитие, в том числе в значительном явлении адыгской литературы – романе «Сказание о Железном Волке»: народная сокровищница, оставленная предками адыгов – это духовное наследие, которое несет в себе драгоценную нестареющую основу мудрости и высокой морали. Это тот клад, который является залогом будущего. Несомненное мастерство автора проявляется в умении передать сакральное философское начало через будничные зарисовки, житейские диалоги, обычное, ничем не примечательное, казалось бы, течение повседневности.

Символом духовной традиционной основы народа является курган, который выступает главным объектом профессиональных интересов сотрудников музея, в котором работает главный герой Касим. Характерно, что в романе «Сказание о Железном Волке» таким же семантическим средоточием становится курган, который исследуется представителями семей Мазлок и Челестен.

В повести «Кинжал танцора» таким же локальным, «родовым» центром становится старый чердак ветхого саманного дома, в котором погребены старые вещи, среди которых, по мнению главного героя Касима, находятся бесценные предметы старины. И если старый дом олицетворяет традиционные духовные устои прошлого, то новый, еще не построенный дом – будущее мироустройство. Как же они соотносятся, старое и новое?

Как будто бы вполне бытовые противоречия возникают между самыми близкими людьми: Касимом и его супругой Софой. Софа, усвоившая поверхностные ценности эпохи советской модернизации, легко расстается с «отжившим» патриархальным укладом, в споре с мужем отстаивает установки нового времени. Она не хочет обременять себя большой семьей, ей не нужен надел земли, который бы принуждал ее к возделыванию приусадебного участка – сада, огорода, она говорит о важности общественной работы, профсоюзах... Касим же с усмешкой относится к заявлениям жены, он – преемник старых, но разумных, веками сложившихся народных традиций, который прошел суровый отбор временем. Он не может себе позволить с той же легковесной решимостью отказаться от былых ценностей.

Касим поддерживает маленькую нанэж – бабушку, которая не хочет расставаться со старым домом, построенным ее мужем: в нем прошла ее жизнь, появились на свет дети... Пристрастия старой матери к старому дому не понимают ее сын Азмет с женой, которым непременно нужно новое жилище, которое бы соответствовало современной моде и затмило бы роскошью соседские дома. Он хочет поскорее избавиться от «ненужного хлама», которым забит чердак. Касим в том же самом «хламе» способен обнаружить бесценные музейные экспонаты, которые становятся знаковыми образами народной жизни адыгов. Среди них – старинный кинжал, с которым танцевал юный герой. Воспоминания о танце с кинжалом, который демонстрирует немецким офицерам несокрушимую мощь народного духа адыгов, его железную волю и мужество, повергает врагов в замешательство, и они убивают танцора. Так постепенно образ кинжала перерастает в символ, с которым связан народный

героический мотив: непреклонность и мужество в отстаивании своей земли, дома, непреложных законов, своего неисчерпаемого духовного наследия. Сцены, связанные со Второй мировой войной, переплетаются с реминисценциями, которые отражают трагизм времен Кавказской войны, которая еще живет в народной памяти.

Отнюдь не случайно кинжал находит маленький сын Касима Русик, – именно ему предстоит стать новым хозяином кинжала, за которым – тысячелетние основы народных героических традиций, выпестованной, окристаллизованной народной сути. . . Закон духовной преемственности, согласно которому опыт народа переходит от старшего к младшему поколению, – важнейший принцип национальной культуры, который утверждается автором. В романе это отражено в бережном, трепетном отношении героя к старинным вещам, в которых воплотился неповторимый национальный дух, – залог выживания в непростой противоречивой жизни. Через символику старинного кинжала автор указывает на непреходящие ценности народа, в которых заключена тайна будущего, сохранения и продления рода, – вот лейтмотив повести Ю. Чуяко, которая в нынешний век дегуманизации, размывания традиционных национальных основ приобретает особенно острое актуальное звучание.

Роман «Чужая боль» основан на глубоких философских авторских раздумьях: все живое связано болью, но именно она, боль, через понимание, душевное и духовное взаимопроникновение становится великой охранительной силой, которая через *со-болезнование* реализует великое чудо спасения, сохранения и процветания всего живого. Если выпускник лесотехнической академии Озремес способствует спасению и сохранению лесных обитателей, лесных богатств, то заведующая фермой Ханий неустанно борется с жестокими бюрократами, которые ради выполнения плана посылают на бойню молодых бычков и телочек. Пожилая женщина Кульсома, в которой воплотились лучшие традиции былых времен, суть которых – уважение и взаимная поддержка, ностальгически ищет их в отношениях с окружающими. Воплощение этого духа она находит в процессе строительства дома – шихафе. Однако сила старой Кульсомы в том, что она, носитель этого духа, непосредственно распространяет его, способствуя проявлению позитивного гуманистического начала в людях.

Художественное повествование пропитано горячей авторской любовью к земле, ее нетленной величественной красоте, ко всему живому, населяющему леса, реки, горы, к людям земли, их особой категории – *хранителям*, которые могут беречь и преумножить великое духовное достояние предков.

Книга талантливого адыгейского писателя «Кинжал танцора» мастерски отражает реальные проявления наиболее актуальных острых проблем современного мира. Три произведения книги – две повести и роман – пронизаны гуманизмом, свойственным всему творчеству Ю. Чуяко. Мы убеждены, что эти особенности в сочетании с высоким писательским мастерством, большим художественным талантом дают все основания присудить Ю. Г. Чуяко государственную премию по художественной литературе.

Даулет ДЖУРТУБАЕВ,
студент Восточного факультета
Санкт-Петербургского государственного
университета

МУЖСКИЕ ВОЕННЫЕ СОЮЗЫ У НАРОДОВ КАВКАЗА

Термин «мужской союз» был впервые использован немецким этнографом Генрихом Шурцем в 1902 году для описания ритуалов посвящения у народов Восточной Африки. В дальнейшем этот термин стали использовать для обозначения общественного института при первобытнообщинном строе и военной демократии: замкнутой и закрытой группы мужчин и юношей, достигших, как правило, совершеннолетия.

Сосуществование в союзе определяется некоторыми фиксированными правилами и обычаями, а также нередко возникающей иерархической организацией. Принадлежность к мужскому союзу обычно обозначается каким-то внешним признаком (символикой, определённой одеждой, причёской, татуировками и т.д.).

Тема мужских союзов нашла свое отражение в ряде работ ученых. Особо следует подчеркнуть значение исследований в этой области Е. М. Шиллинга и Ю. Ю. Карпова. Шиллинг описал действующее еще в предвоенные годы ритуализированное корпоративное сезонное собрание молодых мужчин, которое с годами несколько упростилось и утеряло часть общественно-значимых функций, а в дальнейшем приобрело формы досуга и увеселительного собрания, но сохранило многие первоначальные традиционные формы. Ю. Ю. Карпов же в своей монографии обобщил весь фактический материал о мужских союзах у народов Кавказа, большая часть которого приходится на Дагестан, и показал, что основная цель и содержание этих союзов состояла в социализации молодого мужского населения, в ее военной подготовке и организации действенного, хорошо подготовленного военного отряда.

Этот процесс начинался с детства. 7 лет – это возрастной рубеж, который официально закреплял разделение детей по полу. С этого момента для мальчика очень важным становится контакт с отцом, который являлся главным воспитателем сына и образцом для подражания. Помогая отцу в осуществлении хозяйственных работ, поездках на общественные мероприятия, мальчик познавал мир мужчин. И такое непосредственное соприкосновение ребенка с миром взрослых, в котором таится память поколений, героев, формирует образ мышления мальчика, закладывает основы его идеалов и основы поведения, которым он останется преданным до конца жизни. Также мальчик теперь может прочувствовать атмосферу мужских сообществ.

Отец и остальные близкие родственники-мужчины обучали мальчика воинскому искусству, борьбе, стрельбе из лука, фехтованию. Подrostковые группировки возникали стихийно, но скорее всего, значение имели либо единство территории (селение, квартал и т.д.), либо родственные отношения, когда члены группировки принадлежали к одной большой семье или родовому объединению. Но любая из них стремилась во всем подражать их старшим мужчинам, нередко просто копировали манеры и действия поведения.

К 15 годам завершается период отрочества. К этому времени мальчику необходимо окрепнуть физически, овладеть воинским искусством, полностью уметь разбираться с хозяйственными делами. Помимо физической подготовки, мальчик также должен быть окрепнуть и морально. Но 15-16-летний возраст не означал конца обучения, просто с этого момента ему необходимо было вступить уже непосредственно во взрослый мужской союз. Изменение статуса сопровождалось однотипными в разных регионах испытаниями. Это соревнования по борьбе, верховой езде и т.д. Но также были и необычные испытания. Например, у адыгов проводилась и проверка знания этикета юношей. У ингушей, если юноша не проходил испытания, его экзамен переносили на следующий год, но среди младших мальчиков он был изгоем. Нередко испытания сопровождалось прохождением посвяжительных обрядов. По поводу этого события мальчику в семье обязательно преподносили подарки. С этого дня юношам разрешалось носить папаху такого же покроя, что и у взрослых мужчин, и набор оружия.

Таким образом, преодолев период подготовки и вступив в мир мужчин, юноша вступал в социально-активную жизнь, становился членом мужского «братства».

Во второй половине – конце XIX века мужские союзы подверглись изменениям, которые произошли в результате эволюции общественных отношений. Различия изменений породили варианты моделей мужских союзов в разных традициях. Ниже мы приведем пример одной из них, которая известна из практики общественного быта народов, населявших горные районы Дагестана.

В основном зимой было распространено совместное жительство членов мужских объединений. Состав был распределен по разным критериям, либо по квартальному принципу, либо по дружеским связям. Вступить в союз могли как женатые, так и неженатые мужчины в возрасте от 15-18 до 40 лет. Исключения составляли лишь кубачинцы, лакцы и некоторые другие, членство которых ограничивалось только неженатыми мужчинами.

Время деятельности объединения составляло примерно от 1,5 до 3 месяцев. Могли происходить и эпизодические сборы. Поскольку собиралось большое количество мужчин, им необходимо было жилье, в котором они могли провести время сборов. До сбора каждый тухум¹ вносил деньги, скот или зерно, которые переходили в общий фонд объединения. Сумма взноса зависела от социального статуса, возраста, опытности члена союза и т.д. Члены объединения после сбора определенных средств арендовали дом, в котором проводили свои собрания. Обычно дом не имел никаких особенных черт. Хотя были и исключения, например, у аварцев важным атрибутом мужского объединения был флаг, который охранял поочередно сменявшийся караул.

Следующий шаг заключался в выборе главы объединения. Обычно им становился наиболее опытный и старший по возрасту человек. Он обладал рядом внешних отличий от остальных членов. Например, он носил папаху особого покроя. Функции главы объединения, который мог называться «ханом», «шахом» или «тамадой», у разных народов, заключались в руководстве мужским союзом и его материальном обеспечении. Обычно он имел нескольких помощников.

¹ Тухум – семейно-родственная группа.

Порядок распределения функций был достаточно строгим. Каждому была отведена роль в хозяйстве и остальных делах. Например, пищу приготавливали специально назначенные лица либо поочередно все участники. Особое значение придавалось вплоть до конца XIX – начала XX века совместным трапезам. Любимым занятием мужчин были тренировки, соревнования по различным видам спорта. Они также всегда принимали активное участие в общественных работах. Вечером же обычно приходило время развлечений: играли на музыкальных инструментах и пели, старшие мужчины делились с молодежью рассказами и поучительными историями. Это также являлось элементом воспитания.

Изначально характер вступления в общину был добровольным. Но в условиях имущественного и социального расслоения общества далеко не все юноши могли позволить себе вступить в союз, так как из-за возросшего объема вступительных взносов не каждая семья могла предоставить необходимую сумму денег для вступления в союз. Постепенно сумма средств, уплаченных при вступлении в союз, стала учитываться при определении последующего положения члена союза.

Более заметными были другие функции сообществ. Участники союза могли ремонтировать постройки, дороги, колодцы, заготавливать строительные материалы для мечети. Также бытовал термин «собирать камни», что означало осуществление молодыми людьми работ по очистке земельных участков под пашню от камней. Собранные камни использовались для строительства, например, мостов. Если одинокий и престарелый мужчина жаловался участникам союза на оскорбление или материальный ущерб, они вступались за него и наказывали нарушителя. Также им был присущ широкий спектр воинских обязанностей – несение сторожевой службы и защита родных селений, ведение боевых действий с неприятелем, совершение нападений на соседние селения.

Во второй половине XIX – начале XX века мужские объединения утратили ряд функций, и основным их предназначением стало проведение досуга. С течением времени обширные сборы, ранее длившиеся месяцами, превращались в однодневные сходки украдкой нескольких человек с едой.

На Северном Кавказе особо важную роль мужские союзы стали играть после перехода к военной демократии, когда военная сила стала жизненно-необходимой. Реликты мужских союзов, сохранившиеся на Кавказе, тоже уделяли большое внимание вопросам войны. Это и понятно: с древних времен главным занятием мужчин на Кавказе была война.

Из сказанного становится ясно, что краеугольным камнем традиционной системы воспитания кавказца являлось воспитание мужчины-воина, готового с оружием в руках в любую минуту выступить на защиту своего имущества, своей семьи, своего рода, общины или всего народа. И мужские объединения, сохранившиеся на Кавказе довольно долго, играли в этом не последнюю роль.

С наступлением совершеннолетия (14-16 лет) юноша должен был доказать, что он в самом деле может применять боевое оружие и быть полноправным членом общества. Практически у всех горских народов, вплоть до XX века, в этом возрасте юноша проходил через символические ритуалы-

инициации.

Конечно же, инициационные испытания горцев отличались от чрезвычайно жестких, а порой и жестоких испытаний, присущих древним временам. Они в большинстве носили ритуальный характер. «В горных районах Дагестана при физическом испытании юношей на зрелость от них требовалось сбить ногой шапку-папаху (один из традиционных символов мужской силы и достоинства), висевшую на кольшке, высоко вбитом в стену мечети»¹.

«У карачаевцев и балкарцев молодой человек в темную ночь уходил в лес, где произносил слова: «анда-мында болгъан бери чыкъ, къызбайны бойнуна ур да жыкъ» (нарт-гурты, отовсюду выходите, дайте трусу по шее и свалите его!), а в это время кто-нибудь из взрослых мужчин пугал его и оценивал реакцию»².

Испытание, имевшее инициационный характер, существовало и у адыгов. Оно называлось «къангъэунэху» («испытание воспитанника»). Его суть заключалась в проверке усвоенных навыков владения холодным оружием и верховой езды. Кроме того, юноша, с группой сверстников, непосредственно под руководством старшего, должен был совершить набег (эжлуэ»). Набеги, устраиваемые в качестве испытания, устраивали и другие кавказские народы (сваны, карачаевцы, балкарцы, кумыки).

Непосредственно перед набегом воины организовывались в дружину и проводили специальную подготовку, в которую входили упражнения с холодным оружием, маневры и многое другое.

Мужские объединения имели огромное значение в сложении традиционной военной организации горцев. Они часто служили главными звеньями при обороне селений, могли выступить в качестве ядра мобильного воинского формирования. Эти функции, сохранявшиеся до середины XIX века, соответствовали принципам военно-демократического устройства общества, но отличались внутренней противоречивостью. Демократические начала, на которых они основывались, вовлекали практически все население.

Значимое социальное положение, обретенное военными дружинами и их предводителями, позволяло им контролировать общественно-экономические отношения. Осуществлялось это посредством либо внеэкономического принуждения, либо захвата общинных земель, что демонстрирует нам пример *царгасатов* в Стыр-Дигории. Некоторые рачинские селения оказались в зависимости у балкарских таубиев. «Таубии настолько серьезно защищали этих эмчеков и их интересы, – писал М. Абаев, – что они совершенно свободно бывали во всех горских обществах... и вели торговлю, не подвергаясь никаким обидам»³. А *эмчеки* платили им дань и устраивали по случаю женьтэбы стол с угощением.

Несмотря на существование некоторых различий между мужскими союзами разных регионов, всех их объединяет связь с оригинальной первоосновой. Доступные нам кавказские материалы показывают связь мужских союзов с древними культами и формами общественных отношений (военной демократией).

1 Карпов Ю. Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб, 2001, с. 35.

2 Мандзяк А. С. Воинские традиции народов Евразии. М.: АСТ, 2002, с. 95.

3 Абаев М. К. Балкария. Исторический очерк. Нальчик, 1992, с. 14.

ПИСАТЕЛЬ ПО ПРИЗВАНИЮ

*Талант волнует снова, снова,
пером одушевляя мысль,
и мудро сказанное слово
бесценный обретает смысл...*

А. Чотчаева

В России 2014 год был объявлен Годом культуры. В этот год отметил свой 75-летний юбилей замечательный человек, талантливый писатель, драматург, член Союза писателей и Союза журналистов СССР (РФ), народный писатель Карачаево-Черкесии, заслуженный работник культуры Российской Федерации и КЧР Аппаев Билял Добаевич, оказавший влияние на целую эпоху развития культуры своего народа...

Первую статью о Биляле Аппаеве я написала в 2008 году по поручению редакции региональной еженедельной газеты «Огни Кавминвод» (г. Кисловодск). Статья вышла под названием «Пером одушевляя мысль». Чтобы максимально объективно представить читателям образ юбиляра, приступая к нынешней статье о писателе, я сочла нужным дополнить её отдельными выдержками из этой публикации.

...Встреча должна была состояться в редакции газеты «Карачай». Времени оставалось совсем немного, тем не менее, я замедлила шаг, стараясь мысленно представить человека, о котором так много слышала, но так мало знала. И всё же в душе я была уверена: мне предстояла встреча с особенным человеком...

С творчеством Б. Аппаева я была знакома хорошо: читала его книги (стихи, прозу), смотрела постановки его пьес, слушала песни в записи и по радио. Казалось, этого материала было достаточно, чтобы написать о нём. Но, приступив к работе, я поняла, что статья будет неполной без личного знакомства с писателем. С этой целью в 2008 году я приехала в редакцию газеты, где и встретилась с Б. Аппаевым.

Дверь с табличкой заведующего отделом культуры была открыта, но в кабинете никого не было. В следующую секунду, обернувшись, я увидела торопливо идущего по коридору человека – он приветливо и радужно улыбался. Я сразу же узнала его, шагнула навстречу.

Аппаев Билял Добаевич родился в 1939 году в селе Учкёкен Карачаевской АО, окончил филологический факультет КЧГПИ (ныне КЧГУ имени У. Д. Алиева). Свой профессиональный путь начинал редактором областного радиокomiteта. С 1983 по 1985 годы учился в

Аппаев Б. Д.

Москве в Литературном институте имени М. Горького. Он был первым слушателем из КЧАО, окончившим двухгодичные курсы по драматургии. Известный поэт, прозаик, драматург, Б. Аппаев с 1985 года по настоящее время работает заведующим отделом культуры карачаевской газеты, является членом правления Союза писателей КЧР и руководителем карачаевской секции при Союзе писателей РФ.

Кабинет радушиного хозяина оказался прост и скромнен. И всё же я обратила внимание на одно важное обстоятельство: по всему было видно – здесь гостям рады всегда (такое, согласитесь, в наши дни – редкость).

Первая книга писателя вышла в 1964 году под названием «Родине», куда вошли стихи и поэма «В больнице». Затем последовали: сборник рассказов автора «Две любви», повесть «Первая любовь» (кстати, первое в карачаевской литературе детективное произведение), первый (в этом жанре) сборник одноактных пьес «Странные люди», в 1996 году появилась первая книга многоактных пьес в карачаевской литературе «Добро пожаловать». Многие из этих произведений печатались в центральных изданиях, переводились на русский и другие языки.

Писатель бережно перекладывал на столе аккуратно сложенные, пожелтевшие со временем газетные вырезки, фотографии, так, словно перелистывал страницы истории. Несуетливый, обстоятельный разговор собеседника располагал к взаимному доверию и искренности. За каждым словом писателя стояла живая страница истории культуры. Предо мной был человек, так много сделавший для сохранения духовного и культурного богатства моего народа, его языка, человек, на чьём творчестве выросло и состоялось не одно поколение моих земляков.

С 1970 года в творчестве Б. Аппаева драматургия отчётливо выступает на первый план. Появляется ряд замечательных пьес. Я помню, как мы (ещё молодые), затаив дыхание, слушали в записи комедию «Обмытая шляпа». Джемботик, Алауганчик... – эти ярко выраженные сатирические образы, мне кажется, запомнились многим из нас навсегда. Дальше – «Три матери», «Сын Ёрюзмека» – сказка для детей, драма «Чужой», музыкальная комедия «Бешеная любовь», «Невеста отца», «Незванный гость», «Амулет», «Отверженный» и др.

В 1979 году в издательствах «Искусство» (СССР) и «Советская Россия» (РСФСР) вышли сборники драматических произведений, где были опубликованы две пьесы Б. Аппаева: «Бобики» и «Сын председателя» – первые драматические произведения литераторов Карачаево-Черкесии, переведённые на русский язык и ставшие достоянием всесоюзного читателя и художественных коллективов страны.

В 1984 году комедия Б. Аппаева «Как похищают красавиц» была переведена на русский язык выдающимся классиком русской драматургии Виктором Розовым и напечатана в единственном по жанру журнале «Современная драматургия». Это было первое произведение авторов Карачаево-Черкесии, появившееся на страницах такого солидного издания. Позже в этом же журнале вышла трагедия Б. Аппаева «Амулет», переведённая на русский язык Николаем Мирошниченко. Всего на рус-

ский язык переведено девять многоактных и одноактных пьес автора. Все они были напечатаны в журналах и сборниках драматических произведений и одобрены Министерством культуры России и бывшего Советского Союза для распространения по театрам страны.

В 1986 году Чечено-Ингушский государственный драматический театр осуществил постановку пьесы Б. Аппаева «Как похищают красавиц» на чеченском языке. Эта пьеса – первое драматическое произведение авторов Карачаево-Черкесии, переведённое с карачаевского языка и поставленное на профессиональной сцене за пределами нашего региона, что явилось весомым вкладом в развитие драматургии не только КЧАО, но и Ставропольского края (в состав которого входила тогда область). В 1989 году писательской организацией Карачаево-Черкесии Б. Аппаев был признан «первым профессиональным драматургом области и Ставропольского края».

Являясь членом правления Союза писателей КЧР, Б. Аппаев немало сделал и для пропаганды произведений других литераторов Карачаево-Черкесии, в том числе и тех, кого уже нет в живых. По его инициативе вышла книга прозаических произведений писателей КЧР на казахском языке в Алма-Ате под названием «Солнце над Домбаем», составителем и автором предисловия которой явился Б. Аппаев. В эту книгу вошли повести и рассказы более двадцати авторов. В 1990 году вышла книга песен и пьес ушедшего из жизни Шахарбия Эбзеева, составителем которой тоже был Б. Аппаев.

Под его же редакцией вышла на русском языке и первая книга трилогии известного карачаевского писателя М. Байчорова. Подстрочник для перевода к этой книге автор успел сделать сам ещё при жизни.

Вообще, говоря о творчестве Б. Аппаева, очень часто приходится употреблять слово «впервые». И это не случайно. Во многих жанрах карачаевской литературы Б. Аппаев действительно явился первопроходцем, тем самым далеко расширив горизонты литературного наследия своего народа. Талант поистине не имеет национальных границ. Многие произведения автора, в том числе и драматургические, переведены и звучат более чем на сорока языках народов мира, из них пьесы – на 38 языках и поставлены более чем в 75 театрах СССР и РФ: Казахстан, Украина, Молдова, Башкирия, Чувашия, Республика Осетия-Алания, Республика Дагестан, Республика Марий Эл и др.

Не могу не сказать несколько слов о музыкальной комедии «Клятва не жениться». Её постановка осуществилась Карачаево-Черкесским государственным театром и прошла с большим триумфом в Черкеске и в ряде городов КЧР и КБР. Слова и мелодии к песням написал сам автор, постановку осуществил известный режиссёр Борис Тохчуков. Пьеса имела большой успех. Зрители стоя аплодировали любимому автору, тем самым выражая свою искреннюю признательность и благодарность высокому таланту писателя, его огромному вкладу в развитие национальной литературы.

10 декабря 2010 года в Карачаево-Черкесском республиканском драматическом театре состоялся торжественный юбилейный вечер

писателя. На нём присутствовали друзья, коллеги по перу и многочисленные почитатели таланта писателя. Очень тепло в адрес виновника торжества высказались гости – представители общественных литературных организаций соседних республик и других регионов России. Яркой, эмоциональной была речь и доктора филологических наук Л. Бекизовой, рассказавшей о творчестве своего коллеги, с которым работала на протяжении многих лет. Выступили рядовые члены Союза писателей Карачаево-Черкесии.

...С тех пор прошло несколько лет, я не раз виделась с писателем, как и с другими писателями-земляками. Мы встречались с читателями, он даже был редактором моей книги детских стихов, позже – стали работать вместе в редакции международного журнала «Золотая площадь». Я ближе познакомилась и с его творчеством. Знала также, что о нём много пишут не только в КЧР, но и за пределами республики. Мне же хотелось рассказать о писателе жителям Кисловодска и гостям городов-курортов Кавминвод. Но, собираясь написать о нём очередной очерк, решила немного отойти от задуманного плана – написать юбилейную статью. Для этого я сочла уместным ещё раз встретиться с писателем и задать ему несколько интересующих вопросов.

И вот сегодня мы снова сидим в том же уютном кабинете редакции. После нашей первой встречи здесь мало что изменилось. Желающих взглянуть к радушному хозяину на «огонёк» было, как всегда, много: одни поздороваться с утра, другие – посоветоваться, третьи – просто выпить вместе чашечку чая. Всех терпеливо выслушает, даст мудрый совет, приободрит, если нужно – может и здорово пожурить.

Пока хозяин гостеприимно угощал печеньем, разливал кофе, я обдумывала в голове все вопросы, которые собиралась ему задавать. Зная, если не всё, то почти всё о его творчестве – о его успехах в драматургии, в литературе, поэзии, я была немного озадачена тем, что в последнее время он как-то отдалился от поэзии, больше занимался прозой. Поэтому, как поэт, спросила его, в первую очередь, об этом. Он улыбнулся, затем неторопливо заговорил:

– Мне часто приходится встречаться с поэтами, они иногда спорят о том, кто пишет лучше, кто хуже, иногда дело доходит до взаимной критики. Я говорю: берите с меня пример, поступайте мудро, – не занимайтесь тем, в чём вы не уверены. Последние 30-35 лет я пишу стихи редко, в основном – песни. Зато есть другие жанры, в которых я чувствую себя более уверенно, хотя с поэзией я окончательно не порвал.

Я прекрасно понимала, о чём он говорил: творческий человек не может не писать стихов, хотя бы время от времени, для души. Другое дело, что писатель был слишком уж самокритичен. Такое случается: чем мудрей человек, тем больше требований к себе.

– А как же сборник стихов «Перевалы жизни», только что вышедший из печати? – поинтересовалась я.

– Ах, да, я же тебе ещё не дарил его, – с этими словами он вытащил из ящика стола новую, ещё пахнущую типографской краской книгу, подписал и протянул её мне. Затем продолжил:

– В эту книгу вошли стихи, которые я написал раньше или же те редкие стихи, которые иногда случаются. Вот я их и собрал в один сборник, чтобы не затерялись. Не думаю, что они внесут большой вклад в литературу, может, найдут своего читателя. Книга вышла в Карачаево-Черкесском республиканском книжном издательстве, сюда, кроме стихов, вошла и поэма «У могилы отца».

Эту поэму я прекрасно знала, её нельзя читать равнодушно, потому что автор вложил в неё, кажется, не только боль своей души, но и боль всего народа, потерявшего в войну родных и близких, испытавшего тяготы и лишения депортации.

Нашу беседу прервал телефонный звонок. Моего собеседника вызвали на важную встречу. Он выгасил из сейфа увесистую папку, положил передо мной и, будто читая мои мысли, сказал:

– Здесь – часть моего архива, просмотри, пока я вернусь, может, ты найдёшь ответы на многие вопросы.

Открыв папку, среди прочих бумаг я нашла творческую характеристику писателя, список изданных книг, его деловую переписку, старые фотографии, театральные афиши пьес, приглашительные письма и многое другое. Наиболее интересные, на мой взгляд, документы, я откладывала в сторону.

Юбилейный 2014 год для писателя оказался плодотворным: он издал сразу две книги. О первой книге мы уже говорили, это «Перевалы жизни». Говоря о ней, Билял Добаевич скромно промолчал, что туда вошли и прекраснейшие переводы на карачаевский язык стихов О. Хайяма, С. Есенина, М. Джалиля, Н. Некрасова, А. Кунанбиева и других известных поэтов. Там же – стихи для детей на родном языке и ещё около двух десятков песен на его стихи. Я эти песни слышала очень часто, некоторые – уже давно (сколько себя помню), но к своему стыду, не знала, что все они написаны на стихи Б. Аппаева. Это стало для меня открытием, думаю, для многих читателей тоже. А вторая книга «Мельница», издана на средства самого автора, куда вошли повести и рассказы на карачаевском языке, в том числе и довольно сатирические.

Среди прочих документов, я нашла и много отзывов о творчестве писателя. Приведу лишь один из них, который, на мой взгляд, объединял их все: «Можно с уверенностью сказать, что первый профессиональный драматург КЧР и Ставропольского края Билял Аппаев является одним из видных деятелей возрождающейся культуры карачаевского народа». Это статья «Первопроходец», написанная главным режиссёром карачаевского театра заслуженным деятелем искусств РСФСР и Абхазии Борисом Тохчуковым.

Пока я разбирала бумаги, вернулся и хозяин кабинета. Мы продолжили прерванную беседу.

– В Вашем архиве я нашла письмо на имя президента республики, связанное с романом «Жалобы гор». Что Вы можете сказать по этому поводу?

– Да, оно датируется 2007 годом, хотя роман вышел в 2006 году. Это – первый приключенческий роман в карачаевской литературе, получив-

ший много отзывов. По инициативе группы депутатов КЧР, написавших это письмо, роман был удостоен премии президента республики. С тех пор, вот уже третий год, этой престижной премии удостоиваются лучшие деятели в области литературы, культуры и искусства республики. Я теперь сам вхожу в состав этой комиссии.

В архиве я нашла пригласительные письма от многих театров страны, в частности письмо следующего содержания:

«Билял! Мы, артисты Хмельницкого театра Украины, месяц гастролировали в городах Казахстана с Вашим спектаклем «Как похищают красавиц». В городе Караганде дадим юбилейный – 100! спектакль. Очень хочется, чтобы Вы приехали».

– Неужели Вы побывали на всех постановках своих пьес? Если да, то когда Вы успеваете заниматься творчеством?

– Как бы мне ни хотелось, но так далеко выезжать не всегда удаётся.

– Что Вы можете сказать по поводу следующего письма: «Вашей пьесы «Невеста отца» «домогаются» для постановки девять театров России, Украины, Узбекистана. Что будем делать? Редактор Министерства культуры РФ В. Фёдорова».

– Они тогда оповестили, что поставили её в нескольких театрах.

– Я нашла у Вас письмо, написанное на французском языке: «Мы рады Вам сообщить, что «Антология драматургии Кавказа» вышла. Мы Вам высылаем первый экземпляр, чтобы убедиться, что книга дошла, сообщите нам, пожалуйста, о получении. Мы Вам вышлем ещё экземпляры. С уважением, Анн Мариетан». О чём идёт речь?

– Речь идёт о комедии «Невеста отца», которая вышла на французском языке в Париже.

– Где ещё публиковали Ваши произведения?

– Сказка «Сын Ёрюзмека» (Ёрюзмек – из народного эпоса) вышла в Белоруссии. Пьесы «Бобики» и «Сын председателя» были опубликованы в центральной печати в сборниках драматических произведений. Это были первые публикации драматических произведений литераторов КЧАО в таких солидных изданиях. Многие пьесы вышли у нас на караевском и русском языках.

– Я знаю, Вы бывали на многих семинарах и конференциях драматургов, в том числе и международных, где обсуждались вопросы состояния драматургии, положения театров. Расскажите об этом.

– Являясь членом Совета по драматургии РФ, мне приходилось постоянно ездить на все эти мероприятия. Мы рассматривали разные вопросы, такие, как «Драматургия и жизнь», «Народная драматургия сегодня», «Современные проблемы театров» и другие. Семинары, посвящённые одноактным пьесам, проходили обычно в городе Дубулты (Латвия) на берегу моря, в Доме творчества писателей. Я там побывал 13 раз. Со всего Советского Союза приглашённых было 20–25 человек, с Кавказа обычно приглашали меня. Семинары же, посвящённые многоактным пьесам, проходили в Ялте, Пицунде, в Подмоскowie, в Доме творчества писателей и актёров. Много раз бывал и там. Здесь я хочу добавить, что драматургия – очень сложный жанр, и писатели не любят

с ней себя связывать. Поэтому драматургических произведений у нас мало.

На VII съезде писателей РСФСР, куда я был делегирован, говорили об этом тоже. Делегатов, окончивших высшие курсы, там было человек 40, из них, нас – драматургов – всего 5 человек. А театры просят пьесы и – самые разные.

– Да, такие письма я нашла у Вас. Вот письмо из аварского музыкально-драматического театра имени Г. Цадасы: «Просим Вас ставить нас в известность, над чем Вы работаете сейчас, что у Вас нового? Если не затруднит, пришлите нам аннотацию на пьесу «Человек со стороны».

Вопросов у меня было много, но злоупотреблять гостеприимством писателя было бы нечестно, поэтому, завершая затянувшийся разговор, я спросила его о ближайших планах.

– В эти дни я завершил драму «Исполнение желаний». Перечитываю старые рукописи, по которым планирую в ближайшее время издать ещё три книги. Это – сборник многоактных пьес на карачаевском языке. Вторая книга – рассказы, повести, статьи на русском языке, и третья книга – о выдающихся земляках – «Крылья народа».

– Чем Вы занимаетесь в свободное время?

– Его очень мало: сколько себя помню, работаю в «две смены». В тёплое время года люблю работать на даче, порыбачить. Стараюсь не обделить вниманием родных и друзей, уделить внимание внукам.

Когда разговор коснулся личной жизни писателя, его семьи, я заметила в глазах своего собеседника особое тепло и великое чувство отцовской гордости за детей. Тем не менее, как истинный горец, в этом вопросе он был немногословен, но, рассказывая о внуках, дал отчётливо понять, что всех пятерых внуков любит одинаково сильно. Человек, достойно состоявшийся в творчестве, состоялся и в личной жизни...

Подводя итог, напомним, что Билял Аппаев – автор более шестнадцати замечательных книг (куда вошли стихи, рассказы, поэмы, очерки), более двадцати многоактных и одноактных пьес. Сейчас готовится постановка его музыкальной комедии «Невеста отца», слова и музыку к ней написал сам же автор. Немногим раньше из-под пера мастера уже вышли две книги исторических очерков о выдающихся представителях Карачаево-Черкесии с говорящим названием «Крылья народа», а также сборник стихов на русском языке «Поздняя любовь». Остаётся только удивляться многогранности и неиссякаемости таланта этого человека. И в каком бы жанре он ни работал, его произведения всегда вызывают живой читательский интерес, широко обсуждаются, сразу же обретают признание. Яркий, универсальный талант такого человека, конечно же, не мог остаться незамеченным. Билял Аппаев является членом Союза писателей и членом Союза журналистов СССР (РФ), народным писателем Карачаево-Черкесии, заслуженным работником культуры Российской Федерации и КЧР.

В заключении хочется добавить, что при всей своей занятости Б. Д. Аппаев является и главным редактором международного журнала культурной и деловой жизни «Золотая площадь». Благодаря его обзорной

статье в журнале (№ 2, 2013 г.), читатели узнали о прекрасном уголке мира с живописными ландшафтами и гостеприимными людьми – Карачаево-Черкесии. Писатель по-прежнему востребован, по-прежнему в работе. Остаётся надеяться: пока есть такие мастера, классики национальной литературы, не сотрётся язык и не оскудеет культура нашего народа, не затеряются старые добрые традиции, которые помогают воспитывать и направлять молодёжь, бережно хранить и приумножать духовное богатство нашего народа. И пусть они дольше остаются в строю, продолжая служить своему народу!

Приятным подарком юбиляру оказалось и известие о том, что, по версии газеты «Вестник Карачаево-Черкесии» (г. Черкесск) и международной газеты «Народы Кавказа» (г. Владикавказ), Б. Д. Аппаев признан писателем года – 2014 в КЧР. Здоровья, счастья и новых творческих свершений!

Билял АППАЕВ

Мать сына ждёт с войны

Если есть бездонные моря,
Это – материнские глаза.
Плачут дни и годы напролёт,
А слеза по-прежнему, идёт.
Верит мать, надеется и ждёт,
Возвратится сын с войны, придёт...

Наши матери

«В жизни умираем только раз», –
Мы твердим, не думая подчас.
Это так, но матери за нас
Умирают сотни тысяч раз.

Перевод на русский язык А. Чотчаевой

ПО ТРОПАМ ЖУРНАЛИСТИКИ

Наше время насыщено многочисленной информацией. За последние годы сильно выросла степень информированности через средства массовой информации – газеты, журналы, телевидение и радио.

Если раньше главным орудием редакций газет и журналов была печатная машинка, то теперь все это ушло в историю. Кроме того, связь со средствами массовой информации в основном осуществляется, не выходя из дома, через Интернет, что представляется важным средством общения. Материалы журналистики стали более доступными, оперативными.

Со школьной скамьи тяга к журналистике у меня была безудержной. Особое удовольствие доставляла мне работа в редакции районной газеты «Путь к коммунизму», которая выходила в Советском (Черекском) районе на двух языках: кабардинском и балкарском. Главным редактором был сначала Хангери Черкесов, затем его сменил Кабала Карданов. Оба из Аушигера.

Я и мой друг Али Кульбаев обеспечивали газету необходимыми материалами. Печатали газету вручную, дореволюционным способом. Набор тоже производили вручную. Не было в районе электричества. Еще тогда я увлекался фотографией. Фотографировал различные объекты, разъезжая по району на редакционном мотоцикле «ИЖ-49».

Чтобы эти фотографии появились на страницах газеты, необходимо было иметь клише. Приходилось фотографии отвозить в Нальчик, где в цехе цинкографии изготавливались клише. Так формировалась двухполосная районная газета «Путь к коммунизму». Такой подход к печати значительно повышал читательский интерес.

Самыми любимыми периодическими изданиями были «Кабардино-Балкарская правда» и «Советская молодежь».

«Кабардинку», так кратко называли газету «КБП», выписывал, еще будучи студентом Саратовского юридического института. Газету оставял в читальном зале, и кавказцы с интересом читали ее. Потом и осетины, следуя нашему примеру, стали выписывать свою газету «Социалистическая Осетия».

Александр Сарахов

На 78-ом году жизни скончался известный балкарский писатель, ответственный секретарь журнала «Литературная Кабардино-Балкария», член Союза писателей РФ, Союза журналистов РФ и Клуба писателей Кавказа Магомет Юсупович Кучинаев.

Его отец был репрессирован в 1937 году, когда мальчику не исполнилось и одного месяца. Мать осталась одна с пятью детьми. В 1944 году семья М. Кучинаева вместе с балкарским народом была выслана в Казахстан. Вернулись они на родину в мае 1957 года. М. Кучинаев работал электромонтажником, корреспондентом газеты, переводчиком, а потом редактором на республиканском радио. С 1983 года он работал в литературных журналах – сначала в «Минги Тау», а с 1991 года – в «Литературной Кабардино-Балкарии».

На русском языке М. Кучинаевым опубликованы романы «Большая Балкария», «Дети Солнца», «Стоит ли с медведем груши есть?», повести «Третий батальон», «Горькая дорога в рай». Он также является автором «Истории Балкарии» в 2-х томах.

В номере:

<i>День России. Фоторепортаж. Очерки</i>	3
<i>Муаед Ахметов. Адыгские амазонки. Главы из романа</i>	29
<i>Алим Алафаев. Стихи</i>	54
<i>Задин Маремов. Солдаты Победы. Очерки</i>	57
<i>Роза Нырова-Уначева. Выстоявшее поколение. Очерк</i>	63
<i>Книжные новинки. Ахмедхан Налоев: писатель и воин</i>	65
<i>Мида Шаоева. «Этот день мы приближали, как могли...». Очерк</i>	69
<i>Жить для народа. Очерк</i>	71
<i>Надежда Сотникова. Серебряная вилка. Стихи</i>	74
<i>Евгений Листопадов. Поезд идет во все стороны. Главы из романа</i>	76
<i>Андрей Хакуашев. К истории создания Союза писателей в Кабардино-Балкарии. Статья</i>	99
<i>Омор Султанов. Стихи</i>	111
<i>Книжные новинки. Навечно в памяти...</i>	114
<i>Валерий Крушельницкий. Морская слава степной станицы. Очерк</i>	115
<i>Артем Нерубленко. Стихи</i>	124
<i>Мадина Тубекова. Хатты. Статья</i>	125
<i>Зинаида Мальбахова. Заслуживший имя. Очерк</i>	139
<i>Ашамаз Шамахов. Стихи</i>	144
<i>Игорь Терехов. Полковник и инсургенты. Киноповесть</i>	145
<i>Виктор Котляров. Судьбы ушедших в биографиях живых. Очерк</i>	166
<i>Мадина Хакуашева. Гуманизм и его отрицание. Статья</i>	173
<i>Даулет Джуртубаев. Мужские военные союзы у народов Кавказа. Статья</i>	177
<i>Алла Чотчаева. Писатель по призванию. Очерк</i>	181
<i>Книжные новинки. По тропам журналистики</i>	189

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

*В номере использованы фотографии
Любы Холаевой, Жанны Кандоровой и Каншоуби Хашева*

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00101 от 24.12.2014 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка: *Л. М. Батит*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Подписано в печать 22.08.15. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12.
Тираж 2000 экз. Заказ № 128 .

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.
Тел.: главный редактор – 47-74-02,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
сайт: pressa.smikbr.ru,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано ООО «Тетраграф».
КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).
